

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Из истории мировой культуры»

А. Л. ЯКОБСОН

КРЫМ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1973

Северное Причерноморье сыграло большую роль в истории Европы на заре средневековья. Через северопричерноморские и крымские степи шло так называемое великое переселение народов: в VI — VII вв. двигались авары и болгары, в X — XII вв. — печенеги и половцы. В Крыму завязывался узел русско-византийских отношений.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается об экономической, политической и культурной истории края, о его связях с Византией, Малой Азией, Кавказом и Древней Русью. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Издательство «Наука», 1973 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 1. Под властью Византии (V—VII вв.)

Глава 2. Таврика в VIII — IX вв.

Глава 3. Возрождение Херсона и связи Таврики с Русью (X с.)

Глава 4. В эпоху феодальной раздробленности (XI—XIII вв.)

Глава 5. Феодальные княжества в Крыму (XIV—XV вв.)

Глава 6. Крымское ханство (XVI—XVIII вв.)

Заключение

Примечания

Литература по истории Средневекового Крыма

Принятые сокращения

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Крыма на редкость насыщена событиями, она сложна и многогранна. Многие народности оставили здесь следы своей деятельности — тавры и скифы, греки и сарматы, аланы и готы — в античную эпоху, греки и гунны, хазары и праболгары, печенеги и половцы, русские и аланы, армяне и евреи, венецианцы и генуэзцы, татары и турки — в средние века. Здесь, в Крыму, завязывались отношения местных племен с древними греками, позднее — с Римской империей, в середине века — с Византией и со странами Востока — христианскими и мусульманскими, с торговыми республиками Италии. Крым находился в гуще событий эпохи так называемого великого переселения народов, продвигавшихся на заре средневековья вдоль Северного Причерноморья. Через Крым в X в. осуществлялись политические и культурные связи молодого Киевского государства с Византией.

Ию сначала несколько слов о самом названии Крым. Оно возникло очень поздно. Первоначально, в XIII в., татары дали его городу Солхату (Сурхат), являвшемуся в то время и в XIV в. крупным торговым центром, где существовала тогда армянская колония и где обосновалась татарская власть (ныне город Старый Крым в 25 км западнее Феодосии). Позднее, в XV в., когда Солхат утратил свое значение, а татарская администрация переместилась в западную часть края (см. ниже, гл. 5), название Крым постепенно распространилось на весь полуостров. До этого Крым называли то Таврией (так у византийского писателя VI в. Прокопия), то Таврикой (так назван полуостров в древнерусской летописи, следовавшей, вероятно, старой традиции). Называли Крым и Готией, и «северными склонами Евксинского Понта» (т.е. Черного моря), а в XIV—XV вв.— Газарией. Но эти названия не удержались. Правильнее всего античный и средневековый Крым до появления татар называть Таврикой.

Древних греков этот край привлекал обилием хлеба и продуктов скотоводства, которые производили обитавшие здесь «варвары», т. е. не греки. Начиная с VI в. до н. э. выходцы из малоазийских греческих городов начали основывать здесь торговые фактории; некоторые фактории довольно скоро превратились в значительные города. Таков Херсонес (близ Севастополя), таков Пантикапей (на место нынешней Керчи), ставший затем столицей Боспорского царства, охватившего почти все Приазовье. Города эти были не только крупными торговыми, но и относительно большими ремесленными центрами. Они стали рассадниками передовой в то время античной греческой культуры среди многочисленных племен Северного Причерноморья — среди коренных обитателей Таврики тавров, среди скифских и сарматских племен. Но не только греки несли свою культуру в массу этих племен. В свою очередь скифы и сарматы вносили и собственный, еще не оцененный полностью, вклад в быт и искусство самих греков. Уже в ту древнюю пору Таврика оказалась на стыке великих культур Азии и Европы.

Так было и в средние века. Наследница Римской империи Византия через свои города-форпосты в Таврике — Херсон (так в средние века называли Херсонес) и Боспор (Пантикапей) — в V—VII вв. связывалась с гуннами, кочевавшими к степям нашего Юга; с VII в.— с хазарами, на короткое время завоевавшими большую часть полуострова; в X—XI вв.— с печенегами, захватившими южнорусские степи, угрожавшими могуществу Византии и подходившими даже под стены ее столицы Константинополя; в XII в.— с половцами. Но это были не только политические отношения, которые поддерживала Византия с целью привлечь на свою сторону этих кочевников, заключая с их вождями политические союзы и вербуя среди них наемное войско. Политические связи укреплялись торговыми: из степей нашего Юга и Таврики в византийские приморские центры (Херсон и Боспор) стекались продукты скотоводческого хозяйства (скот, меха, кожи, шерсть и пр.) и, вероятно, рабы в обмен на византийскую и местную ремесленную продукцию — ткани, изделия из металла, глиняную посуду и тару, вино и, конечно, предметы роскоши. Изделия городского ремесла несли в среду кочевников высокую культуру Византии.

Так было и позднее, в XIII—XV вв., когда в Крыму свили себе, казалось, прочное гнездо купцы итальянских торговых республик — Венеции и Генуи: через принадлежавшие венецианцам, а затем генуэзцам порты Крыма (особенно Кафу, нынешнюю Феодосию) и Приазовье (Тану, нынешний Азов) шла обширная и бойкая торговля Западной Европы со Средней Азией и Дальним Востоком. Проторенные караванные пути служили не только торговле, но и культурному обмену. Крым и в то время/ не утратил значения своеобразного моста между Европой и Азией.

В Таврике завязывался узел русско-византийских отношений, полных противоречий. Византия, господствовавшая и Таврике вплоть до конца X в., всячески препятствовала исторически неизбежному продвижению Русского государства к морю. Вековая борьба за Причерноморье привела в конце X в. к русско-византийской войне (имеется в виду поход Владимира па Корсунь), в которой Русское государство одержало

победу. Вслед за тем Русь создала на юге свой форпост — Тмутараканское княжество. Таким образом, в сложении русской государственности Таврика сыграла большую роль.

Связи Руси и Крыма продолжались и в XII—XIII вв. и позднее — в период татарского и турецкого владычества в Крыму (XIV—XVI вв.). Угнетенное и подавленное татарами и турками коренное население Крыма тянулось к Московскому государству и ждало оттуда своего освобождения. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. было закономерным завершением этого многовекового процесса.

Но не только войнами отмечены отношения Руси и Византии. Через Херсон (Корсунь, как его называет русская летопись) Русь приобщалась к передовой в те времена греческой культуре, в Корсунь началось принятие Русью христианства. Русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московское государство восточным товарам.

Все эти вопросы призвана осветить, хотя и кратко, предлагаемая книга. Она содержит шесть сжатых очерков истории и истории материальной культуры Таврики (позднее названной Крымом) на широком фоне истории Северного Причерноморья в целом. Очерки эти неодинаковы по полноте изложения и охвату материала, ибо далеко не равномерно и не достаточно разработана самая история Таврики, особенно в раннесредневековую эпоху, что не могло не отразиться и на наших очерках.

Автор стремился донести до читателя историю Таврики и Северного Причерноморья в возможно более ясном и доходчивом виде. Он поэтому не углублялся в детали, а для желающих подробнее ознакомиться с предметом книги в конце ее даны указания на источники и исследования, а кроме того — схематическая историческая карта.

Глава 1

ПОД ВЛАСТЬЮ ВИЗАНТИИ (V — VII ВВ.)

1

Значительное пространство восточной Таврики, Таманского полуострова и Приазовья в античную эпоху было занято большим рабовладельческим государством — Боспорским царством. Многие века оно являлось экономическим средоточием всего Северного Причерноморья. Но в середине III в. Боспор начал клониться к упадку. Отпадение северо-восточного, затем и восточного Приазовья (Танаиса), т. е. азиатских районов Боспора, очень ослабило государство. Процесс его упадка резко усилился вследствие грозного варварского движения: начиная с середины III в. одно за другим на Боспор совершали набеги различные германские племена (бораны, остготы, затем герулы, гепиды и другие), во главе которых большей частью стояли готы. Именем их поэтому обычно называют эти варварские походы, которые привели к коренным изменениям в жизни края.

Варварское нашествие на северо-восточные провинции Римской империи и на Таврику привело к тому, что Боспор, как, вероятно, и Херсонес, надолго освободился от римской опеки, а затем Боспорское царство, лишённое поддержки Рима и собственных военных сил, завоеванное в конце IV в. гуннами, фактически перестало существовать.

Производство хлеба, нарушенное из-за нашествия варварских племен, резко сократилось. Торговля некогда богатых боспорских городов заглохла; золотую монету постепенно вытеснила медная, но и ее выпуск в середине IV в. прекратился. Деньги обесценились. Хозяйственная жизнь Боспора и боспорских городов все более натурализовалась. Таковы были экономические последствия варварского нашествия на Боспор.

Вместе с тем интенсивно происходил и процесс этнических изменений на Боспоре — процесс проникновения сарматов, сарматизации местного населения и его культуры, что особенно сказалось на искусстве ранне-средневекового Боспора.

Прошло более столетия после гуннских погромов, прежде чем Боспор и окружающие его города стали постепенно возрождаться, но прежнего положения достичь они не смогли. Область эта еще долгое время оставалась пустынной: вокруг Боспора уцелели лишь немногие поселки, а население самого Боспора поредело.

Власть гуннской знати держалась здесь до начала VI в.; при императоре Юстине I (518—527), по сообщению византийского писателя Прокопия, Боспор был подчинен Византии, о чем свидетельствуют чины византийской администрации (эпарх Игудий и комит Опадин), появившиеся тогда на Боспоре (они упомянуты в боспорской надписи 522 г.). Но вся окружающая область Таврики (по словам Прокопия, «лежащее между Херсоном и Боспором пространство»)¹ оставалась в обладании гуннов, особенно усилившихся здесь во второй половине V в., когда после распада державы Аттилы гуннские орды отхлынули из области Дуная на Восток — к Приазовью и в Таврику.

Эту силу византийские правители стремились привлечь на свою сторону в качестве наемного войска и таким путем подчинить ее себе или, по крайней мере, ослабить. Внимание и интерес Византии к Таврике, в частности к Боспору, определялись именно соседством этой области с миром «варваров» Северного Причерноморья, которое не раз служило исходной территорией для их походов на Запад, угрожавших Византийской империи. Особое значение имело соседство с гуннскими племенами, еще недавно столь грозными, а теперь, в VI в., возможными «федератами», т. е. союзниками: свои войны Византия старалась вести силами наемных «варваров» — такова характерная особенность военной организации Византии того времени. Кроме того, прочное византийское влияние в Таврике было важно и для укрепления тыла восточной экспансии Византии в разгоревшейся тогда войне с Персией. Однако, как показали дальнейшие события, положение Византии на Боспоре было непрочным. Действия византийского ставленника — гуннского князька Грода, посланного на Боспор «блюсти интересы империи»

(он разбил золотых и серебряных идолов и стал переливать их в монеты)², — вызвали восстание его сородичей; Грода убили, перебит был и византийский отряд, поддерживавший власть Грода. Византийский император Юстиниан I принял поэтому более решительные меры: он послал сушей и морем несколько военных отрядов, которые изгнали гуннов и восстановили власть Византии. Для закрепления этой зависимости на Боспоре была тогда же создана сильная крепость. Под византийскую власть подпал и Таманский полуостров.

2

Несколько иначе сложилась судьба Херсона. В противоположность Боспору город остался в стороне от движения варваров и от их основного удара, направленного на Боспор, и не испытал гуннского погрома. Херсон в IV—V вв. — это отдаленный и крайний пункт империи среди сплошь враждебного населения. Диким и голодным рисуют его в конце IV в. современники. Обстановка изменилась только во второй половине V в. — после поражения гуннов в борьбе с империей и распада гуннской державы Аттилы. Вслед за тем часть гуннов отхлынула на Восток, заняла всю Таврику и подступила к самому Херсону. Из дозорного пункта, каким был Херсон в IV и первой половине V в., он был превращен Византией в опорный пункт империи в обширной области Северного Причерноморья.

Херсон на заре средневековья стал центром относительно большого и в сущности основного района оседлого земледельческого населения, занимавшего юго-западное нагорье Таврики (так называемую страну Дори). К тому времени (ко второй половине V в.) относится процесс заселения этого района готами — остатками готских дружин, оттесненными сюда гуннами. В V в. готы, по-видимому, уже вполне обжили эти места: упомянутый Прокопий, писавший в середине VI в., говорит о них как об издавна там живущих; они, по его словам, живут в неукрепленных поселениях, «достигают числен-

ности до трех тысяч бойцов (имеется в виду, конечно, мужское население.— *А. Я.*), в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны»³. Готы слились здесь с довольно сложным по своему составу местным земледельческим населением, преимущественно аланским, продвинувшимся сюда из восточной Таврики; аланы в свою очередь ассимилировали аборигенов края — потомков тавров (анонимный писатель V в. отождествлял алан с таврами).

Земледельческое население юго-западной Таврики жило, по всей вероятности, общинным строем. Это были общины свободных земледельцев, существовавшие, однако, в обстановке политической зависимости от Византии. Население это тяготело к Херсону, сравнительно крупному и наиболее населенному городу западной половины полуострова (на его населенность указывает густота застройки) — городу, в котором, однако, греческий элемент отнюдь не доминировал: по словам сирийского писателя VI в. Захария Ритора (Митиленского), в Херсоне «живут люди варварские и воинственные» (буквально немирные).

В Херсоне совершался обмен продуктов земледелия и скотоводства на продукцию городского ремесла, отчасти местного, по главным образом — па привозные изделия из металла (сельскохозяйственные орудия, украшения и пр.), гончарные изделия (амфоры, пифосы), вероятно, ткани. Потребность Херсона в продовольствии в конце V и в VI п., несомненно, возросла в связи с появлением византийского гарнизона и концентрацией рабочих-каменщиков, осуществлявших здесь большое строительство. Продукты степи вывозились, конечно, и в Византию.

Эти наладившиеся хозяйственные связи Херсона с окружающим населением объясняют определенный экономический подъем города, начавшийся, по-видимому, в конце V в. Особенно ощущался этот процесс в VI в., когда-развившийся обмен вызвал потребность в выпуске собственной бронзовой монеты. Кстати сказать, на Боспоре выпуск своей монеты так и не возобновился.

Экономическому оживлению Херсона способствовала и общая благоприятная обстановка — определенное затишье, наступившее в VI в. в Северном и Южном Причерноморье. Персидские же войны Византии велись за пределами Таврики и Малой Азии.

Политическое положение Херсона определялось его зависимостью от Византии, Уже в конце V в. (судя по надписи императора Зинона 488 г.) здесь стоял византийский гарнизон (снабженный метательными орудиями), но содержащийся на местные средства; существовал викарат — учреждение, собиравшее с населения подати и торговые пошлины; византийская администрация объединяла власть военную и гражданскую. Тогда, в конце V в., в Херсоне началось и большое крепостное строительство, указывающее па значение города в качестве византийского форпоста в Северном Причерноморье. Особенно обширное строительство крепостных стен велось в VI в. при императоре Юстиниане I; именно в это время была, вероятно, сооружена мощная береговая линия стен, усилены и надстроены остальные куртины в соответствии с византийской стеностроительной практикой того времени.

Византийские правители сооружали крепости и на подступах к Херсону — в области Дорн: на плато Мангупа (на древнем Доросе), на плато соседнего Эски-кер-мена, на плато Сюреньского мыса (над р. Бельбек), откуда можно было контролировать один из наиболее важных горных проходов второй гряды Крымских гор, ведущих к Херсону, на плато Чуфут-кале (древние Фуллы?) — на границе со степью, в Каламите (в ближайшем соседстве с Херсоном).

Кроме того, по словам Прокопия, Юстиниан I построил два укрепления па южном берегу — Алустон (нынешняя Алушта) и «в Горзувитах» (нынешний Гурзуф)⁴. Оба города были крупными поселениями, преимущественно аланскими. Что Горзувиты по своему этническому составу были не греческим городом, убеждает их обширный могильник Суук-су, о котором еще пойдет речь. Горзувиты и Алустон приобрели

значение стратегически важных византийских крепостей так же, как и Мангупр и Эски-кермен. Эти крепости были призваны не только защищать византийские владения от вторжения степняков, но и осуществлять цели внутренней византийской политики в Таврике — закреплять зависимость населения этого края от Византии и подавлять возможное его сопротивление.

Так происходило всюду, где Византия стремилась упрочить свое господство,— в Греции, Болгарии (древней Фракии), Малой Азии, Египте, Северной Африке и других странах.

Той же политической цели служили усиленная пропаганда и насаждение христианства среди населения Таврики. Уже в начале IV в. была основана Херсонская епархия, еще раньше христианство стало проникать на Боспор; в IV в. там уже существовала христианская община. Но христианство принимала прежде всего социальная верхушка общества. Именно к этому кругу принадлежали Саваг и Фаиспарта, богатая христианская усыпальница которых, сооруженная в 491 г., открыта в Керчи. Верхушке общества принадлежал и богатый христианский некрополь IV в. в Херсоне. Основная же масса населения продолжала оставаться языческой как в V— VII вв., так и в VIII—X вв. и даже в XIII в.

В V в. и особенно в VI в. пропаганда христианства в Таврике резко усилилась и приобрела для Византии значение важнейшей государственной задачи. Насаждение христианства требовало массового строительства храмов, крещален, на что византийские правители, как видно, не скупились. Вместительные храмы в форме базилик (удлиненных трехчастных зал) строились в огромном для того времени количестве; некоторые из них были богато отделаны мрамором и мозаикой. Храмы-базилики возводились во всех крупных поселениях края; они открыты раскопками на Мангупе, Эски-кермене, в Партенитах (на южном берегу), в районе Боспора (в Тиритаке). Но больше всего храмов строили в Херсоне — тогдашней столице Таврики.

Настойчивое насаждение христианства, конечно, не могло быть безуспешным. Но, чем дальше от Херсона, тем слабее ощущалось культурное влияние Византии. Различная степень этого влияния в различных районах края и разобщенность многих из них вели к неоднородности культуры раннесредневековой Таврики и к ясно ощущаемым контрастам.

3

О неоднородности и специфических чертах культуры различных районов Таврики можно судить по предметам украшения из некрополей Боспора, Горзувит, Херсона и других мест края. Античность оставила здесь замечательное наследство — вполне сформировавшийся, развитый и самобытный стиль ювелирных изделий: личных украшений, драгоценных сосудов, богато отделанных конских уборов и оружия. В них широко применялась инкрустация драгоценными камнями или только цветными стеклами в выпуклых гнездах, что и дало название этому стилю — полихромный. Для ранних этапов его развития (первая половина IV в.) характерны золотые предметы, словно осыпанные драгоценными камнями (чаще красными), которые эффектно выступают на золотом фоне. Вещи такого рода найдены в различных областях Причерноморья, но больше всего — в некрополе Боспора и на путях продвижения разноплеменных дружин в Восточную Европу и далее на Запад. Стиль этих ярких украшений был создан, скорее всего, в греко-сарматских мастерских Боспора на основе достижений и традиций эллинистического искусства.

На рубеже античности и средневековья полихромный стиль претерпел изменения: рельефную инкрустацию заменила плоскостная, зато была усилена полихромность. Фигурные цветные пластинки, чаще всего красные (из альмандина), зеленые, лиловые, из темного янтаря, граната, стекловидная масса различных оттенков или кусочки цветного стекла покрывали поверхность предмета, размещаясь в ячейках-перегородках,

образующих орнаментальный узор. Игра ярких тонов становится в центре внимания боспорских ювелиров, достигших в своих изделиях большого эффекта.

Своеобразная сармато-аланская художественная культура с ее полихромным стилем, генетически связанным с Боспором, получила в IV—V вв. распространение в Западной Европе (Трансильвании, Венгрии, Австрии, Северной Франции), где обрела популярность и новую жизнь. Скорее всего, это явление обязано было тем же аланам, которых гунны увлекли в своем движении на Запад. Так может быть объяснена связь искусства греко-сарматского Боснора и Франции эпохи Меровингов.

На рубеже IV и V вв., в период еще большей варваризации Боспора и начавшегося упадка города, полихромный стиль стал вырождаться. Об этом позволяют говорить довольно многочисленные фибулы (застежки, скреплявшие па груди верхнюю легкую одежду), пряжки и другие предметы личного убора из могильника на Госпитальной улице в Керчи и могильников в других местах Таврики, где находили спрос такие украшения.

Несколько слов о самих могильниках; они состоят из земляных могил с деревянным покрытием, из могил, обложенных или перекрытых массивными каменными плитами, и из семейных усыпальниц — земляных склепов с тремя лежанками (по одной с каждой стороны). Погребенных клали на спину в вытянутом положении, иногда на бок, головой на запад. Негреческий (варварский) облик придает погребенным нередко встречающаяся деформация их черепа, столь характерная для сарматов.

На одежде и голове погребенных — многочисленные украшения: большие золотые серьги с многогранной бусиной, украшенной драгоценными камнями и цветными стеклами; пронизи различных бус, чаще всего из янтаря и цветных стекол, серебряные браслеты, концы которых нередко изображают змеиные головки, различные перстни и пр. Но особенно интересны массивные бронзовые или серебряные фибулы и большие поясные пряжки.

Нижняя сторона фибул (полукруглый щиток) обычно украшена птичьими и змеиными головками; верхний конец заканчивается головкой змеи-чудовища, по сторонам которой помещено по птичьей головке. Кроме того, фибулы инкрустированы красными цветными камнями или цветными стеклами и штампованным орнаментом в виде завитков. Большие прямоугольные пряжки также отделаны драгоценными камнями и таким же орнаментом; их дужка с язычком обработана в виде головки змеи, а с противоположной стороны к щитку пряжки примыкает головка птицы с сильно изогнутым клювом.

В этих богатых украшениях полихромия уже утратила прежнее значение. На первый план выступили звериные изображения, которые придали старым украшениям средневековый облик. Эти изображения также были унаследованы от античности, но античности «варварской» — скифо-сарматской, в которой еще задолго до V в. мы находим изображения птиц и змей, представлявших собой старейшие местные образы. Звериные изображения на фибулах и пряжках олицетворяли языческие верования, уходящие своими корнями в глубокую древность скифо-сарматского мира. Птица как бы олицетворяла стихию неба, змея — стихию земли. На фибулах и пряжках были изображены, таким образом, основные силы природы, которым некогда поклонялся человек. В виде пережитков и смутно осознаваемых образов, воспринимавшихся как обереги, отвращавшие нечистую силу от человека, эти изображения дошли до раннего средневековья и долго оставались обычными и излюбленными в прикладном искусстве коренного населения Таврики. Важно отметить, что в других могильниках Таврики такие украшения встречаются очень редко, что указывает на отсутствие тесной связи между отдельными районами Таврики и Боспором. И дальнейшем — в VI в. — процесс вырождения этого искусства усилился. Но происходило это уже не на Боспоре, который в то время пришел в полный упадок и влачил жалкое существование, а в поселениях южного берега и юго-западного нагорья — в районах, вероятно, меньше пострадавших от гуннского нашествия. Лучше всего позволяет судить о новом этапе некогда процветавшего искусства обширный могильник города Горзувиты (могильник Суук-су и Артек

около Гурзуфа), вернее, его нижний горизонт, относящийся ко второй половине VI и к VII в.⁵

Украшения Суук-су удерживают старые формы, но это лишь подражание боспорским образцам предшествующего столетия, притом крайне упрощенное: головки птиц превратились в ажурный узор или выступы (фибулы поэтому получили название пальчатых); головы орлов сохранились лишь на пряжках, а античный по своему характеру орнамент в виде спиралей выродился в простые кружочки.

Чем объясняется такое упрощение и огрубение, которому подверглись в VI в. боспорские образцы V в.? Скорее всего, это явление обязано было довольно интенсивному росту поселений на южном побережье и в отдаленных местах Таврики, фактически независимых и оторванных от Херсона, развивавшегося под эгидой Византии. Местные потребности вызвали и местное производство украшений, что и привело ради удешевления их к упрощению и огрубению боспорских образцов. Как видно, несмотря на настойчивое насаждение византийской культуры, местные традиции и местное искусство продолжали господствовать.

Надо сказать, что такого рода украшения в виде упрощенных фибул и пряжек с головкой орла известны и в других могильниках VI—VII вв. — в Кореизе, в Байдарской долине, близ Чуфут-кале, Эски-кермена, близ с. Скалистого (бывшая Бакла)⁶, но их мало. В Херсоне же изредка встречаются лишь фибулы боспорского типа, т. е. фибулы V в., а украшения, типичные для Суук-су, вовсе не известны. По-видимому, богатые слои городского населения, являвшиеся потребителями ювелирных изделий, отвергали эти «варварские» украшения и не потому, что они представляли собой огрубение и упрощение боспорских образцов, а потому, что византийская культура Херсона не признавала «варварского» искусства остальной Таврики. Такое заключение подтверждает и массовый материал из херсонского некрополя VI — VII вв. — мелкие украшения, особенно пряжки, большинство типов которых, притом наиболее часто встречаемых здесь, были широко распространены в странах Средиземноморья; в Херсоне они являлись привозными. Не менее красноречиво и отсутствие в херсонском средневековом некрополе деформированных черепов, свойственных «варварским» могильникам южной и юго-западной Таврики, где обычай деформации черепа, наблюдаемый с III — IV вв., держался очень долго, местами до XVI в.

Настойчиво и в сущности насильственно прививавшаяся византийская культура еще рельефнее, чем в украшениях, выступала в монументальном искусстве Херсона — его многочисленных больших храмах с настенными фресками и мозаичными полами, крещальнях, столь же богато отделанных. В эпоху раннего средневековья византийская культура определяла весь облик Херсона.

Город унаследовал от античности правильную планировку с прямоугольными кварталами и прямыми узкими улицами. Правда, в V—VI вв. эта античная планировка претерпела некоторые изменения — многие кварталы объединились, благодаря чему увеличились в размере, но это не нарушило общего принципа планировки. Объединение кварталов объясняется ростом населения Херсона и соответственно увеличением густоты застройки.

Главная из улиц, длиной около километра, пересекала город с юго-запада на северо-восток, проходила через акрополь — центральную площадь города, где находились рынок и два храма; северо-восточным концом она упиралась в большой храм-базилику (см. ниже) и площадь перед ним, выложенную крупными плитами, другим — во въездные ворота города. Главная улица была немного шире остальных (6—7 м), имела канализацию в виде каменных желобов и водопровод из глиняных труб. На главную улицу выходил своим фасадом большой дворец и высеченный в скале пещерный мавзолей, вероятно, V в., четырехлопастной в плане, принадлежавший какому-то знатному роду. Планировка мавзолея следовала сиро-палестинской традиции — традиции, шедшей из тех областей, откуда в Херсон пришло и христианство.

Мавзолеи херсонской знати в виде наземной крестообразной постройки с куполом на средокрестье высились в других местах города. Их пристраивали к храмам-базиликам или строили отдельно. Один такой мавзолеей еще в конце V в. возведен был за городом, среди богатого христианского некрополя, а в VI в. перестроен в храм загородного монастыря Богородицы Влахернской. Храм этот замечателен своим мозаичным полом. В центре его — квадрат, в котором изображены большая ваза (канфар) с произрастающей из нее виноградной лозой и два павлина по сторонам вазы, олицетворяющие, по древнехристианской символике, бессмертие и райскую жизнь. Квадрат окружен множеством сплетенных кругов, в каждом из которых помещены изображения птиц, зверей, рыб, плодов и пр., условно воспроизводящих библейский райский сад со всем разнообразием растительного и животного мира.

В Херсоне открыто и несколько других мозаик пола, но лишь во фрагментах. Наиболее интересна среди них мозаика базилики, раскопанной в 1889 г.; широкий шестиугольник занимает павлин с распушенным хвостом, на его перьях горят яркие зеленые глазки. Сохранился пол южного нефа так называемой Уваровской базилики⁷ с геометрическим рисунком в виде восьмигранников, которые как бы зеркально отражают кессоны свода. Рисунок мозаичных полов других базилик чаще всего состоит из перекрещивающихся кругов,

Все эти изобразительные и орнаментальные мотивы античного происхождения, и в качестве античного наследия они полностью перешли в арсенал византийских мозаичистов. Но вместе с тем в мозаичных полах Херсона, как и в других византийских мозаиках и в ранневизантийском искусстве вообще, ясно ощущается отход от того реализма и живописности, которые были свойственны античной мозаике. Реалистически переданные пейзажи и жанровые сцены (сцены охоты, рыбной ловли и пр.) оставались популярными преимущественно в восточных провинциях Византии — в Сирии и Палестине. В противоположность им в центральных областях империи, где сильнее проявлялась власть церкви, искусство было иным. Реализм в живописи уступил место условным и статичным, словно застывшим изображениям, олицетворявшим христианские символы, или только орнаментам. Это было выражением новых задач, поставленных перед искусством христианской церковью, которая требовала не реализма, а отрешения от него, абстрагирования и аскетичности. Новые черты пронизывали все византийское искусство VI—VII вв. Этому несколько аскетическому искусству, византийскому по своим задачам и стилю, и следовали херсонские мозаичисты, приехавшие сюда, вероятно, из городов Малой Азии, или Греции, или самой столицы, где имеется немало близких аналогий херсонским мозаикам.

Для Херсона особенно характерны многочисленные христианские храмы-базилики, являвшиеся в полном смысле общественными зданиями средневековья. Это большие удлиненные залы, разделенные двумя рядами колонн как бы на три коридора (нефа), из которых средний, заканчивавшийся алтарным полукружием (апсидой), был почти вдвое шире боковых и возвышался над ними. Покрытие их было деревянным, стропильным.

По всей вероятности, каждый район города, объединявший несколько кварталов, имел свой храм-базилику. Они стояли на наиболее видных местах, преимущественно вдоль берега и на главных площадях. Самая крупная из них, расположенная на берегу моря в квартале Феоны и построенная еще в V в., была, можно думать, главным храмом города; сюда вела более широкая улица, чем подчеркивалось значение здания. Базилика имела большой двор (так называемый атриум) с галереями вдоль стен и с фиалом (фонтаном) в центре; здесь отдыхали и вели беседы; к храму примыкал мавзолеей. А рядом с базиликой в VI в. построили купольную крещальню, трехлопастную в плане (в виде трех полукружий — так называемых экседр), с водоемом в центре; стены ее внутри были облицованы мрамором, а свод купола был покрыт голубой мозаикой, изображавшей небесный свод. Другая крещальня, четырехлопастная в плане и также завершенная куполом, находилась в противоположной, западной части города.

Мраморные архитектурные детали всех этих монументальных зданий — колонны, капители, предалтарные преграды, наличники входов — привозились сюда в готовом виде с острова Проконнес в Пропонтиде (остров Мармара в Мраморном море), где еще с римских времен существовали императорские мрамороломни и мастерские по обработке мрамора. Отсюда готовые изделия развозили по всему Средиземноморью — в Константинополь, Италию, Грецию, Египет и в далекую Таврику.

Все эти монументальные постройки — крытые деревом базилики, купольные крещальни и мавзолеи — почти не находят себе аналогий в византийской столице, где базилики вообще почти не строили. В эпоху раннего средневековья зодчество Херсона исходило из форм, почерпнутых на византийском Востоке, прежде всего в Малой Азии, особенно в прибрежных ее областях, где мы находим ближайшие параллели архитектуре Херсона. И это понятно: на протяжении всего многовекового существования Херсон — и географически, и экономически, и своей культурой — тяготел к этому району. Так было в античную эпоху, так было и в средние века. Надо при этом иметь в виду, что Малая Азия постоянно находилась в оппозиции к византийской власти, именно там в раннее средневековье возникали очаги могучих народных движений (павликианство, позднее, в IX в., восстание Фомы Славянина). Антивизантийские тенденции, господствовавшие в Малой Азии, были несомненно близки населению Херсона, в значительной степени «варварскому», вся жизнь которого была наполнена борьбой за свою самостоятельность. Это, надо думать, также сближало Херсон с Заморьем.

Но в V—VII вв. Херсон находился еще в крепкой зависимости от Византии, для которой, как говорилось, он был важен в качестве опорного пункта в Северном Причерноморье. Этим объясняется предпринятое Византией в Херсоне большое крепостное строительство, особенно широко развернувшееся в VI в. Об этом строительстве сообщает современник — византиец Прокопий — и свидетельствует упомянутая надпись императора Зинона 488 г.

В V—VI вв., во-первых, надстроили античные крепостные стены и, во-вторых, вновь возвели приморскую линию обороны. Могучие стены, толщиной 2,5—3 м, членились на куртины длиной от 50 до 90 м, с прямоугольными башнями; только некоторые башни, в основе античные, были круглые. Одна из них, самая большая, диаметром 21 м, с двумя поясами утолщения (V и VI вв.), находилась в юго-восточной оконечности крепости — в наиболее уязвимом месте обороны города (она противостояла возвышенности). С этой башней связывают надпись императора Зинона 488 г., именем которого обычно и называют башню.

Стены ее сложены из очень крупных блоков камня, составлявших два мощных панциря, с забутовкой внутри-стенного промежутка, залитого очень прочным известковым раствором с морским песком или цемянкой (толченым кирпичом). В V в. применялась еще античная кордонная кладка (чередование блоков, положенных вдоль стены, и блоков, поставленных на ребро и уходящих узкой стороной в забутовку), а в VI в. стала доминировать квадровая кладка (панцири состоят из массивных квадров, положенных одинаково). Обычная в центрально-византийских областях квадровая кладка с чередованием поясов кирпича и камня в крепостных стенах Херсона почти не применялась. Это еще раз показывает, что херсонские строители были связаны преимущественно с византийской провинцией.

В такой же технике были сооружены и другие византийские крепости Таврики, хотя и менее мощные. Полнее всего сохранилось упомянутое Сюреньское укрепление, представлявшее собой дозорный пункт, занимавший скалистый мыс над р. Бельбек на подступах к Херсону (стена длиной 94 м отгораживала мыс, где, вероятно, размещался гарнизон укрепления). Небольшие отрезки византийских крепостных стен, вполне аналогичные херсонским, сохранились, как сказано, на плато Мангупа (на участке близ древних ворот), Эски-кермена (вдоль западного края) и Чуфут-кале (в южной стороне западной части так называемой Средней стены). Все эти крепости возводились, вероятно,

теми же строительными артелями, что и херсонские стены, или под руководством тех же византийских техников.

Резюмируя, можно сказать, что по своей культуре Херсон и его округа — это совсем иной мир в сравнении с южными и восточными районами Таврики. Здесь — город, византийский по своим экономическим связям, политическому положению и по культуре; там — общинные поселки и городки, в которых византийская власть еще только начинала закрепляться, а влияние культуры Византии было еще слабым. Несомненно, существовали и этнические различия. По-разному и в дальнейшем сложилась их жизнь.

Глава 2

ТАВРИКА В VIII - IX ВВ.

Различия в исторических судьбах Херсона и всей остальной Таврики не только не исчезли в VIII—IX вв., но, по-видимому, усилились. Контрасты в культуре стали резче.

Сам Херсон остался в сущности единственным мало-мальски крупным полисом Таврики. Но и он разделил судьбу многочисленных византийских городов, переживавших в VII—VIII вв. глубокую депрессию. Это было отражением общего экономического кризиса империи. На упадке Херсона сказались, несомненно, и хазарское завоевание Таврики в конце VII в. и отрыв его от экономически передовых районов Византии. Херсон в VIII в., видимо, обнищал и обезлюдел.

Иную картину в то время — в VIII и IX вв. — наблюдаем в юго-западном нагорье: сельские общинные поселения этого района в условиях определенной стабилизации, наступившей в северопричерноморских степях, в обстановке затишья и ослабления кочевников (хазар) и вследствие ослабления самой Византии, правителям которой в эпоху иконоборчества было не до Таврики, множились и развивались.

Еще интенсивнее шел этот процесс в восточной части страны, где и до этого византийское господство ощущалось слабее и где общие политические условия того времени — относительная независимость края — были благоприятнее. В VIII—IX вв. восточная Таврика, а затем и западная переживали несомненный подъем. На пепелище старых античных поселений, заброшенных после гуннского нашествия, возрождалась жизнь, возникали даже центры ремесленного производства. Таврика вошла в круг той своеобразной культуры, которая распространяясь из Приазовья и нижнего Подонья и охватила затем обширное пространство степной и лесостепной полосы нашего Юга. Речь идет о так называемой салтово-маяцкой культуре, которую мы вправе именовать и северопричерноморской, ибо Таврика стала важнейшим очагом ее дальнейшего развития.

1

Об упадке Херсона в VII в. свидетельствует прежде всего прекращение в начале столетия, после смерти императора Маврикия (582—602), выпуска собственной монеты. Византийских монет VII — первой половины IX в. столичного чекана найдено очень мало, а монет VIII в. — совсем ничтожное количество. Это резкое сокращение денежного обращения уже одно указывает на экономический застой и натурализацию хозяйства Херсона, а вместе с тем свидетельствует об ослаблении и временами полном прекращении торговых связей с Византией. Важно иметь в виду, что упадок Херсона, затянувшийся до второй половины IX в., не был исключительным явлением: экономический застой охватил, можно сказать, всю Византийскую империю — и Грецию, и Македонию, и Италию, и Северную Африку, и Малую Азию; он выразился в упадке ремесла и в аграризации городов, которые приобрели натурально-хозяйственный облик¹. На ход и интенсивность этого процесса большое влияние оказали, конечно, и внешнеполитические факторы — возобновившаяся в 20-х годах VII в. война с Персией, временно захватившей Сирию, Палестину и Египет; а в 40-х годах того же столетия — появление арабов,

завоевавших восточные провинции империи, в том числе и Малую Азию, связи с которой всегда имели для Херсона жизненно важное значение.

Не могло не сказаться па положении Таврики и нашествие хазар, отделившихся к середине VII в. от обширного, но ослабевшего к тому времени тюркского каганата. К 70-м годам хазары уже заняли степи Прикаспия и Приазовья, а в самом конце столетия хазары, по-видимому, захватили всю Таврику, и даже ближайший к Херсону Мангуп был вне пределов византийской власти.

Лишь Херсон с его округой номинально продолжал еще оставаться византийским. Нашествие хазар, несомненно, ухудшило положение Херсона, ибо на некоторое время неминуемо нарушило экономические связи города с земледельческим населением юго-западной Таврики и торговый обмен с кочевниками причерноморских степей, где теперь господствовали хазары. Прервались и торговые связи с Малой Азией, что особенно остро ощущалось в жизни города. Все это и привело Херсон к крайнему упадку. Вряд ли преувеличивал папа Мартин, сосланный сюда в 655 г., когда писал своему другу: «...В этих краях... голод и нужда такие, что хлеб здесь известен разве по названию, а его и видом не видать... Ни разу, право, я не мог приобрести в здешнем крае хлеба хоть на тримиссий * (* Тримиссий содержал 1,5 г золота и составлял 1/3 византийского золотого солида.), равным образом и съестных продуктов какого-либо рода, кроме как... с судов, изредка заходящих сюда с тем, чтобы уходить с грузом соли»².

Зависимость Херсона от Византии также, по-видимому, ослабела. На это указывает появление в Херсоне в конце VII или начале VIII в. протополита (первенствующего) Зоила, т. о. главы местного самоуправления. Однако карательная экспедиция Юстиниана II, посланная против Херсона в 710 г. и имевшая целью укрепить там власть Византии и оградить ее владения от влияния хазар, уничтожила ото самоуправление. Но Юстиниан II не достиг своих целей ни в отношении хазар, продолжавших занимать крепости юго-западной Таврики, ни в отношении Херсона, который он не смог подчинить империи. Юстиниан II решил поэтому предпринять новую карательную экспедицию. Но местное население, узнав об этом, обратилось к хазарскому кагану за военной помощью против византийского императора. В Херсоне поднялось против него восстание, и здесь же провозгласили новым императором сосланного в Херсон армянина Вардана Филиппика. Третья экспедиция Юстиниана II была с помощью хазарского войска разгромлена, и на византийский престол вступил новый император — Вардан Филиппик. Как видно из всей истории Юстиниана II³, захолустный и отдаленный Херсон, заброшенный на кран империи, был вынесен силой сложившихся обстоятельств на гребень политической волны и сыграл видную роль в государственной жизни Византии.

В этих событиях начала VIII в. с призыванием хазар для защиты населения от карательных экспедиций Юстиниана II ясно проявилась резкая оппозиция местного населения к византийской власти, засилье и произвол которой постоянно возбуждали ненависть горожан; антивизантийские тенденции до поры до времени тлели, но зато ярко вспыхивали при первом удобном случае.

Относительно сельских поселений VIII—IX вв. мы знаем меньше. Только в самое последнее время в результате раскопок в юго-западном Крыму начали обозначаться некоторые реальные черты жизни деревни в этом районе. Археологический материал рисует нам разбросанные по долинам небольшие, но довольно многочисленные земледельческие поселки, состоящие из одного-двух десятков глинобитных домов. На земледельческие занятия населения указывают найденные там железная мотыга, горелое зерно, горелая солома на полу (от кровли?), ручные жернова для размола зерна и большие пифосы (глиняные бочки), в которых обычно хранилось зерно. С земледелием сочеталось и скотоводство, о чем позволяют говорить, помимо костей, находимых при раскопках, глиняные пряслица (реже каменные), употреблявшиеся при прядении шерсти, и железный гребень для расчесывания шерстяного волокна. Тот же характер носили и поселения в восточной Таврики, но они были, по-видимому, обширнее.

Есть основания предполагать, что земледельческие поселки Таврики VIII—IX вв. — как восточной, так и западной — представляли собой соседские (территориальные) общины с еще не зависимым, не закрепощенным населением. На это косвенно указывает глубокая традиционность в Крыму общинного строя, к которому уже в позднее средневековье, в XVI—XVII вв., постепенно оседавая, приобщились и татары. Их община («джемаат») с совместным владением пастбищами и сенокосами, нередко с коллективной обработкой земли, с распределением пахотной общинной земли по паям-долям между семьями — членами общины, с правом общины на предпочтительную покупку земли, которую ее владельцы-общинники не имели права продавать на сторону, с ее круговой порукой удивительно напоминает старую византийскую общину, известную по византийскому «Земледельческому Закону», относящемуся еще к VIII в. Как видим, общинные порядки дожили в Таврике до XVI — XVII вв. Татарская община того времени создана была, конечно, не татарами, недавними кочевниками, а являлась потомком местной земледельческой общины глубокого средневековья.

Возникновение и рост новых поселений на месте старых, разоренных еще гуннами, были наиболее наглядным выражением общего процесса обновления и подъема всей жизни Таврики как восточного, так и юго-западного ее районов. Проявился этот процесс и в развитии ремесленного производства, особенно керамического: именно в то время, в VIII — IX вв., возникали большие гончарные центры в различных районах страны, как в восточном, так и в юго-западном. О них речь пойдет впереди.

Внутренняя жизнь южной Таврики в ту эпоху была, по-видимому, наполнена напряженной социальной борьбой. О некоторых эпизодах ее, хотя и глухо, говорится в «Житии Иоанна Готского» (главы Готской епархии, ум, в 90-х годах VIII в.). В нем рассказывается о событиях самого конца VIII в., о захвате хазарами «крепости, называемой Дорос», о том, что Иоанн «вошел в сношения (сговор.— *А. Я.*) с господином Готии и его властями, чтобы не владели страной их... хазары»; что он, однако, «был выдан властителем хазарским» и, преследуемый своим народом, бежал за море — в Амастриду (на северном побережье Малой Азии); что они (жители Готии, т. е. местное население) «прибегли к кагану», т. е. к хазарам. Таким образом, в конце VIII в. население «Готии», как и в начале столетия, восстало — на этот раз против местных властей — и стало искать поддержки у хазар⁴. Но власть Византии в те времена уже слабо ощущалась в Таврике. Зато появились другие, сложные и глубокие причины, постоянно вызывавшие волнения местного населения. Речь идет об остром социальном кризисе — так называемом иконоборчестве, охватившем всю обширную Византийскую империю. Кризис не миновал и Таврику, где именно в VIII и первой половине IX в. шел интенсивный процесс роста феодального монастырского землевладения, о чем позволяют догадываться источники. Сущность событий, о которых сообщает «Житие Иоанна Готского», вернее всего, заключается в восстании «готов» против местной власти, покровительствовавшей феодальному землевладению, иначе говоря, во внутренней социальной борьбе.

Смысл иконоборчества, как известно, заключался в борьбе не столько с иконами, сколько с монастырями, сосредоточившими в своих: руках огромные земельные владения с сидевшим на этих землях зависимым крестьянством. Разросшиеся монастыри, особенно в центральных областях империи, обладая феодальными привилегиями, лишали государство денежных и натуральных доходов. В течение почти всего VIII в. продолжалось массовое уничтожение монастырей, имущество которых продавалось, чтобы пополнить государственную казну, опустошенную войной с арабами, или передавалось в виде пожалования феодальной знати.

Уничтожение монастырей в Византии вызвало сильную монашескую эмиграцию: одна волна направилась в Южную Италию, другая — на византийский Восток — на юг Малой Азии, Кипр, побережье Сирии и Палестины; третья — на «северные склоны Евксинского Понта», т. е. в Таврику и сопредельные районы — в области «Боспора, Херсона, Никопсиса, по направлению к низменной Готии»⁵. Правда, не сразу монашество

закрепилось в Таврике, и здесь оно встретило сопротивление, которое, однако, уже к концу VIII в. было сломлено: аптииконоборческие силы взяли верх. Очень вероятно, что именно к этому времени относится возникновение ряда «пещерных» монастырей в юго-западном горном районе Крыма: Чилтер, Шулдан, Инкерман. «Пещерные» сооружения этих монастырей, т. е. вырубленные в скале, были лишь подземным дополнением к основной надземной части, не сохранившейся. Был восстановлен, но в сущности создан заново большой монастырь Апостолов на южном берегу — в Партепитах, недалеко от Горзувит, в наиболее обжитой части побережья.

Монастыри эти еще слабо изучены, но в большинстве они появились, можно думать, именно в VIII — IX вв. В этом убеждает близость их форм к пещерным сооружениям того времени в южной Италии (Апулия) и Сицилии, где имеются аналогичные природные условия — удобная для вырубки скала. Подобные пещерные монастыри, тогда же, вероятно, возникшие, известны в Малой Азии (Каппадокия), в западном Черноморье (близ Констанцы) и в районе Константинополя.

Объектом эксплуатации со стороны вновь созданных монастырей были, очевидно, те самые общинные поселения, которые в VIII—IX вв. бурно развивались и расширялись (о них речь впереди). Возможно, что борьбой против разраставшихся монастырей, захватывавших, надо полагать, лучшие земли, и было связано то народное восстание, о котором очень глухо говорит «Житие Иоанна Готского».

Победителем в этой борьбе вышла церковь с ее сильной организацией, создавшей в Таврике целую сеть феодальных монастырей; в эпоху иконоборчества церковное землевладение, пользуясь слабостью византийской власти, завоевало себе здесь, по-видимому, господствующее положение. Именно в VIII в. церковная организация в этом крае получила небывалый до того размах: возникли две новые обширные епархии — Готская и Сугдейская, охватившие почти всю южную Таврику, причем Готская епархия возведена была в ранг митрополии; Херсонская епархия распространилась па весь юго-западный район; продолжала существовать и Боспорская епархия (см. карту).

Обнищавший и обессилевший Херсон, с одной стороны; с другой — многочисленные общинные земледельческие поселки, оторванные от города и жившие преимущественно натуральным хозяйством, но вместе с тем своим ростом вызвавшие и развитие ремесленного производства, особенно гончарного; наконец, монастыри, возникшие в ту эпоху и в той или иной степени вовлекавшие деревню в сферу феодальной эксплуатации — таковы самые общие контуры исторической картины юго-западной Таврики в VIII — IX вв.

Особенно интенсивно развивалась восточная Таврика. Эта часть страны и примыкавший к ней Таманский полуостров в VIII — начале IX в. переживали настоящий расцвет: на развалинах старых и давно запустевших античных поселений возникли, а в IX в. бурно разрослись многочисленные земледельческие поселения и даже ремесленные гончарные центры, открытые в последние годы.

Густо заселился Керченский полуостров. Назовем хотя бы Тиритаку (современный пос. Аршинцево), поселение близ с. Героевки (бывший Эльтиген), Илурат (близ с. Ивановки); на Таманском полуострове — Таматарху, Фанагорию, Патрей. Сам Боспор также ожил, о чем красноречиво говорит факт возведения в VIII в. рядом с портом, т. е. в наиоолее оживленной части города, монументального храма Иоанна Предтечи.

Появились поселения и в степной и предгорной частях страны: назовем большое селище близ с. Меловое (Зуйского р-на), близ с. Марьино. Некоторые из поселений VIII—IX вв. в восточной Таврике особенно быстро разрослись и превратились в полугородские поселения. Таким стало поселение на холме Тепсень в с. Планерском (бывш. Коктебель). На его заселенность указывают раскопанный там обширный храм-базилика и несколько других храмов. Крупным укрепленным поселением в VIII в., как показали новейшие раскопки, которые многие годы проводил М. А. Фронджуло, являлся и Судак.

О том, насколько интенсивно развивалась здесь жизнь, показывает появление именно в то время в районе между Судаком и Алуштой, на побережье, нескольких крупных очагов гончарного производства с множеством больших гончарных печей, в которых обжигали амфоры. Амфоры эти развозились по всему побережью Таврики и Приазовья, по поселениям Нижнего и Среднего Дона и Северского Донца — туда, где росли поселки и где, очевидно, имелся достаточный спрос на гончарную тару.

Множество поселений того же времени возникло и в юго-западном районе Таврики — в Байдарской и Варнутской долинах, в бассейнах рек Кача и Бельбек. Открыты там и гончарные печи.

Материальная культура этих многочисленных поселений Таврики (как восточной, так и западной) ясно указывает на связи ее с Приазовьем — районом кочевания болгар. Это сказывается и в формах бытовой керамики (гончарной и лепной), и в некоторых чертах жилища, и в погребальном обряде, подтверждается и антропологическими данными.

Больше того, исследования последнего времени позволяют определенно говорить о том, что интенсивное возрождение жизни в восточной, а затем и в западной Таврике во многом, по-видимому, и было обязано праболгарам.

Их продвижение в Таврику обусловлено было несколькими факторами, взаимно связанными. Предпосылкой этого процесса явилось, с одной стороны, затишье в Северном Причерноморье (угроза вторжения степняков на долгое время, вплоть до конца IX в., здесь исчезла), с другой, — несомненно, отрыв Таврики от Византии, фактическая независимость от нее (непрерывные войны на западных, северных и восточных рубежах империи с арабами и болгарами, острая социальная борьба внутри государства, всеобщее народное восстание в Малой Азии в начале IX в. — все это делало невозможной активную политику византийских правителей в Таврике; край этот в то время фактически отпал от империи). Очень большое значение имело и ослабление хазар, долгое время господствовавших в стране; их власть здесь на протяжении VIII в. постепенно утрачивала свою реальную силу. Это было следствием долгой и напряженной борьбы хазарского каганата с арабами, особенно упорной в 30-х годах VIII в., обескровившей хазар. А в IX в. в результате вторжения мадьяр, а затем печенегов и активизации Руси в Причерноморье границы резко сократившейся хазарской державы откатились к Дону: их обозначает основанная ими в 834 или 837 г. крепость Саркел (ныне затоплена Цимлянским морем).

Хазаро-арабская война первой половины VIII в., несомненно, обострила отношения хазар с подвластным им гунно-болгарским населением Приазовья (усиление поборов и даней вело к обеднению массы кочевников) — с теми болгарами, которые остались здесь после распада гунно-болгарского племенного союза «Великая Болгария», когда болгарские орды ушли из Северного Причерноморья в различные страны — за Дунай (во Фракию, где, слившись со славянами, орда Аспаруха основала Болгарское царство), в Паннонию, в Италию, на Среднее Поволжье. Но и оставшаяся в Приазовье болгарская орда Батбая, подчинившаяся хазарам (в X в. источники именно приазовских болгар знали под именем «черных болгар»), разоряемая хазарами, в VIII же веке вынуждена была покинуть степи Приазовья и направиться в Таврику, побуждаемая той благоприятной обстановкой, которая там сложилась.

Приазовские болгары были кочевниками (их поселения в Приазовье известны — это кочевнические становища)⁶, но, оказавшись в Таврике в соседстве с относительно большим городом Боспором и в сфере его влияния, они начали постепенно оседать; по крайней мере, открытые раскопками поселения того времени на Керченском полуострове, как и в юго-западном Крыму, типично оседлые, с глинобитными домами на каменном основании. Только вдали от больших городов первые поселения пришельцев состояли еще из полуземлянок; таково поселение Тау-кипчак в 20 км от Симферополя (частично раскопанное О. И. Домбровским и Н. Барановым)⁷. Болгары застали в Таврике земледельческие общинные поселки, правда, немногочисленные и редкие, притом с

довольно сложным по своему этническому составу населенном — греческим, аланским, а в западной Таврике и готским (на этническую неоднородность сельского населения указывает антропологический материал из различных могильников Крыма VI — IX вв.). С этим редким и этнически пестрым населением и сливались пришлые болгары. Постоянное общение и тесная взаимосвязь этих различных народностей неминуемо привела к их слиянию, к образованию единого этнического массива, который в сущности нельзя назвать ни греческим (греки в нем отнюдь не доминировали), ни готским, ни аланским, ни болгарским. Однако в этот процесс этногенеза, совершавшийся в Северном Причерноморье, пришлые болгары внесли элемент активный и жизненный, придавший своеобразный и специфический облик всей культуре сельских поселений Таврики, роднящий их с культурой Приазовья. И действительно, поселения сельской Таврики, ожившие с приходом болгар, быстро множились, росли и развивались.

2

Обратимся к культуре этих поселений VIII—IX вв., насколько позволяют о них судить раскопки последнего времени, которые велись в восточном и юго-западном Крыму. Исторически наиболее важным фактором является общность материальной культуры сельских поселений, но крайней мере основных ее проявлений, на территории всей Таврики и степного Приазовья в VIII—X вв. И там и здесь это были, как показали раскопки, оседло-земледельческие поселения с развитым в той или иной степени скотоводством. На всей территории Таврики и Приазовья в то время господствовали в сущности близкие формы материальной культуры: почти тождествен состав керамики, близки формы жилища и обряды погребения, обычно очень устойчивые и показательные.

Конечно, имеются и специфические черты в материальной культуре отдельных районов этой обширной территории, отразившие их место и судьбы в истории всего Северного Причерноморья в ту эпоху, но эти особенности рельефно выступают на фоне определенной общности.

Открытые поселения-селища, о которых идет речь, возникли большей частью на местах, некогда обжитых: строительные остатки на многих из них подстилаются слоем с керамикой V—VI вв., однако слой этот выражен очень слабо, керамика малочисленна. Повидимому, у большинства средневековых поселений не было преемственной связи с античными.

Керамический комплекс, выявленный раскопками, достаточно устойчив. Он резко делится на две основные группы: гончарную керамику, представляющую собой ремесленную продукцию, и лепную, выполненную от руки в домашних условиях.

Гончарная керамика — это преимущественно сосуды, служившие тарой: яйцевидные амфоры, в массе производившиеся в гончарных центрах того времени (в Чабан-куле, где открыто уже пять больших гончарных печей, по соседству — в Канакской балке, в горах над Мисхором и в районе Бахчисарая); кувшины с плоской ручкой, фляги и пифосы (производившиеся в Канакской балке); пифосообразные горшки со сплошным рифлением.

Но, как показали раскопки, в быту сельского населения, по крайней мере в юго-западной Таврике, преобладала не гончарная, а лепная посуда — специфически деревенская керамика — главным образом горшки, служившие основным видом кухонной посуды, реже — миски⁸.

Изучение этого материала показывает, что с городской культурой Таврики керамика селищ связана слабо: влияние города и прежде всего Херсона сказалось лишь на керамической таре — амфорах, пифосах, высокогорлых кувшинах с плоской ручкой, местные формы которых исходят из ранне-средневековых образцов, бытовавших в Херсоне и Боспоре. Формы же кухонной и бытовой посуды (гончарные рифленые горшки и лепные сосуды) резко отличаются от городских и ничего общего с ними не имеют. Зато

именно в Приазовье (включая бассейн Северского Донца и нижнего Дона) на поселениях VIII—IX вв. постоянно встречается керамика, наиболее близкая к обычной в Таврике того времени, в частности гончарные шаровидные горшки со сплошным рифлением. Вместе с тем отсутствует ощутимая связь с одновременной керамикой Северного Кавказа: широко распространенная там лощеная керамика в Таврике почти отсутствует.

Таким образом, керамика селищ VIII—IX вв. в Таврике ясно намечает то направление исторических связей, в котором следует искать истоки всей культуры этих поселений.

Существенно дополняют картину жилища VIII—IX вв., хотя имеющийся материал еще очень ограничен (большинство поселений известно лишь по данным разведок). Небольшой жилой дом, характерный для селищ Таврики того времени, имел, как правило, два неравных помещения (из них одно жилое) с открытым очагом. Стены состояли из каменного основания, на котором покоилась легкая конструкция из деревянных стоек, соединенных жердями, с толстой глиняной обмазкой; пол был земляной, кровля — земляная или соломенная. Такого рода жилые постройки типичны как для юго-западной Таврики (Байдарская и Варнутская долины, бассейны рек Бельбек, и Кача), так и для восточной (Керченский полуостров, поселение в Планерском); тождественны одновременные жилища Таманского полуострова — Таматархи и Фанагории. В этих постройках отразилась, несомненно, позднеантичная традиция жилого строительства, в чем убеждают раскопки поселений первых веков нашей эры на Керченском полуострове.

Существенно иные жилища на упомянутом поселении Тау-кипчак, расположенном в стороне от проторенных дорог того времени, в стороне от Боспора и Херсона, на границе предгорных районов и степи. Они представляют собой полуземлянки с деревянными стойками, поддерживавшими деревянный каркас кровли. Близкое по форме жилище-полуземлянка открыто на поселении около с. Героевки (возле Керчи, раскопки А. В. Гадло).

Но в Таврике эти полуземлянки выглядят анахронизмом; скорее всего, они предшествовали более развитым двухчастным жилищам на каменном основании, иначе говоря, принадлежат раннему этапу оседания пришлого населения.

Зато именно такой облик имеют жилища IX—X вв. в бассейне нижнего Дона и Донца — в Саркеле и других поселениях в его районе (городища Суворовское и Карнауховское)⁹. Там господствуют аналогичные полуземлянки, как в Тау-кипчаке, большей частью состоящие из одного помещения, но нередко с хозяйственным помещением, выделенным внутри дома, с деревянно-глинобитной конструкцией стен (бревна-стойки, врытые в землю и соединенные плахами или плетнем, покрытые толстой глиняной обмазкой), с открытым очагом в середине помещения или в углу. Нередко жилище имело скругленные очертания, а то и овальные, приближавшиеся по форме к юрте кочевника; некоторые жилища представляли собой собственно юрты.

Различия между жилыми постройками большей части Таврики и Северного Приазовья (с нижним Подоньем) объясняются, конечно, не только естественными условиями (отсутствием камня в Подонье), определявшими иную строительную технику. Примитивность жилищ в степной и лесостепной зонах Приазовья и бассейна Дона отражает экономическую и социальную природу самих поселений, принадлежавших еще недавним кочевникам — гунно-болгарским племенам (болгарам), лишь постепенно оседавшим и переходившим к земледелию.

Однако, будучи привнесенной в Таврику пришлым населением, их примитивная культура, оказавшись в сфере влияния таких центров, как Боспор и Херсон, не могла не претерпеть существенных изменений, объясняемых прежде всего оседанием кочевников и переходом их к оседлому земледелию. Селища VIII в., но главным образом IX в., исследованные в восточной и западной Таврике, дают уже вполне выработанные формы жилищ, далеко ушедшие вперед по сравнению со своими предшественниками и современниками в Приазовье и Подонье, т. е. в том районе, где процесс оседания на

землю в VIII—IX вв. был далеко не завершен и где поэтому дольше держались архаические формы жилища.

То же относится и к некоторым захолустным районам Таврики, где некоторое время, как сказано, удерживались более примитивные формы жилища, характеризующие ранний этап болгарского заселения страны.

Но вместе с тем ясно выступают и элементы общего между жилищами Таврики и жилищами прибрежных степных поселений Приазовья вблизи Боспора и Таматархи, типично оседлыми (там также бытовали двухчастные жилища на каменном основании, с легкими глинобитными перегородками жердевой конструкции, также несколько углубленные наподобие полуземлянки). В жилых домах раннесредневекового Херсона такие особенности не встречаются.

Общие черты мы находим и в устройстве могильников Таврики и Приазовья. В Таврике обычны грунтовые могилы, обложенные по античной традиции тесаными плитами и перекрытые тонкими бесформенными плитами; встречаются и простые грунтовые могилы без обкладки или обложенные только деревянными плахами (могильник близ с. Родникового в Байдарской долине). Погребенных клали на спину, головой на запад, правая рука у них обычно согнута в локте. Нередко в могилу ставили горшок с пищей. Специфическим являлся обычай класть под голову погребенного или на подбородок кусок черепицы; это как бы элемент домашнего очага, сопровождавший умершего в загробную жизнь,— обычай еще языческий. Инвентарь этих могильников крайне бедный.

Помимо Таврики аналогичные крымским плитовые могилы известны на северочерноморском побережье Кавказа (Борисовский могильник), отчасти на Северном Кавказе (в Черкессии) и на Северском Донце (близ ст. Каменская). Но в степных районах Приазовья (на Нижнем Дону и Северском Донце) шире распространены были грунтовые могилы (ямные погребения) — в Зливках, Покровском и Саркелском могильниках, встречающиеся и к юго-западной Таврике (близ с. Родникового). Те и другие некрополи сближает и обряд погребения. Там и здесь характерна бедность инвентаря, состоящего почти исключительно из горшка с пищей; столовая же лощеная посуда, обычная в катакомбных могильниках типа Салтова (в районе Харькова), здесь отсутствует.

Наконец, грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет антропологический тип погребенных, почти исключительно там и здесь брахикраниый (т. е. короткоголовый) в противоположность долихокранному (т. е. длинноголовому), господствующему в катакомбных могильниках лесостепной зоны Подонья — в Салтовском, Дмитровском, Маяцком и др.

Ареал культуры, характеризующий некрополями с грунтовыми (ямными) могилами, обложенными плитами или не обложенными, включает, таким образом, по преимуществу степные районы нижнего Дона и Северского Донца, населенные болгарами, затем ближайшую к Таврике часть черноморского побережья и самую Таврику. Бросается в глаза, что в Херсоне могил такого устройства нет.

3

Интенсивный процесс повсеместного возникновения селищ и их роста сопровождался бурным подъемом экономики. Об этом мы можем судить по развитию ремесла, особенно гончарного, раньше других выделившегося в особую отрасль производства, о чем красноречиво говорят упомянутые большие гончарные центры в различных местах Таврики. Теперь уже нет сомнений в том, что вся масса керамики, находимой на многочисленных поселениях Таврики, включая и амфоры, производилась на месте. Уже раскопано 13 гончарных печей, в которых такие амфоры изготовлялись.

Наиболее крупный гончарный центр находился в урочище Чабан-куле (около с. Морского, в 27 км западнее Судака), где имеются залежи прекрасной глины и пресная вода (в речке, впадающей в море). Здесь зарегистрированы остатки более 20 печей, из них

4 раскопаны. Это большие, технически довольно сложные сооружения из сырцовых кирпичей с рубленой соломой, обожженных во время эксплуатации печи. Печи двухъярусные. Нижний ярус, врезанный в грунт, занимает топочная камера, состоящая из двух параллельных продольных каналов (длиной 4—4,5 м, шириной 50—80 см и высотой 1,8—2,0 м) и пяти пар поперечных каналов, круто поднимающихся вверх. Поперечные каналы завершаются попарно расположенными отверстиями (их было до 50), через которые Горячие топочные газы проходили в верхний ярус печи — в обжигательную камеру. Это квадратное помещение, 3,8 X 3,8 м, с множеством упомянутых отверстий, между которыми размещались для обжига амфоры. Для устойчивости они ставились на треугольные в сечении подставки (в виде клина, на которых часто прочерчен знак собственности, большей частью условный: расходящиеся линии, крестик и пр.; гончары, как видно, были неграмотными). Свободное пространство между амфорами заполняли более мелкими сосудами (чаще всего флягами) и засыпали керамическими обломками. Горячие газы струились между ними, равномерно охватывая и обжигая изделия, и в охлажденном виде выходили через верхнее отверстие в своде, которым была перекрыта обжигательная камера. Общая высота такой печи — около 4,5 м. Температуру в ней доводили до 900—950°.

Аналогичные печи таких же размеров открыты в соседней Канакской балке (в 10 км западнее Чабан-куле, также на морском берегу), в лесистых горах над Мисхором и в районе Бахчисарая (близ с. Трудолюбовки, бывшего Русского Бодрака, и близ с. Голубинки, бывшего Фоти-сала). Печи эти отличаются лишь тем, что у них не два продольных канала, а один, поперечных же — не пять пар, а четыре (лишь одна из печей близ с. Трудолюбовки имела два продольных канала.); кроме того, обжигательная камера у печей близ с. Трудолюбовки не квадратная, а круглая.

Печи эти существовали в период VIII—IX вв., хотя функционировали, вероятно, неодновременно. Так или иначе, но они давали огромное количество продукции. На это указывает не только множество печей, но и производственный брак — керамический бой, который накапливался в виде мощных слоев возле печей.

Куда сбывалась гончарная продукция? Вблизи самих печей, как показало обследование, никаких поселений не было. По всей вероятности, гончары работали сезонно и жили здесь лишь временно. Очевидно, изготовлявшиеся там амфоры, а также фляги не оседали на месте, а развозились отсюда морем и по дорогам в те крупные и мелкие поселения Таврики, которые выросли здесь в те времена. Петрографический анализ глины амфор показал, что из Чабан-куле и Канакской балки они распространялись не только по Таврике, но и по Приазовью, Подонью, доходили вплоть до Салтова.

В этих больших гончарных печах воплощена высокая техническая культура, возникшая, конечно, отнюдь не сразу: она складывалась и формировалась медленно и постепенно. Устройство печей Таврики VIII—IX вв. следует глубоко коренившейся традиции, уходящей в античность. Ближайшие аналогии дают столь же большие гончарные печи в Западном Причерноморье — в древней Дакии и Фракии (территория нынешних Румынии и Болгарии). Таковы одноканальная печь IV—V вв. в Гарвэне (Румыния) и более поздняя (IX—X вв.) печь в Мадара (Болгария). Но та и другая воспроизводят довольно распространенный в позднеримской провинции (в III—IV вв.) тип конструкции гончарных печей с одним широким каналом и с высоко поднятыми над ним и также идущими вверх пятью-семью парами поперечных каналов.

Другой отраслью керамического ремесла в VIII—IX вв. было производство строительной керамики (черепиц), большая потребность в которой вызывалась усилением монументального культового строительства — строительства храмов (в кровле которых черепицы в те времена главным образом и находили применение), — а не потребностями развивавшихся поселений, ибо кровля жилых домов того времени была большей частью земляной или соломенной.

Вырабатывая форму черепиц, гончары VIII—IX вв. исходили из раннесредневековых образцов, но несколько усовершенствовали их: для более прочной связи ниже- и вышележащих рядов черепиц их нижние концы сузили (чтобы нижний край вышележащей черепицы можно было вставить в верхний край нижележащей), появились водосливные дуги-валики, бортики стали массивнее. Именно на основе этих форм были выработаны более устойчивые формы черепиц X в.

Особенно интересны многочисленные рельефные знаки на черепицах, вырезавшиеся на деревянных матрицах (в которых черепицы формовались) и переходившие путем оттиска на сами черепицы. Известно уже 116 различных знаков из юго-западной Таврики и 37 из поселения в Планерском (в восточной части страны). Надо сказать, что такие знаки почти неизвестны в Херсоне; следовательно, черепицы с этими знаками не херсонского, а местного производства. Но не совпадает и большинство знаков из юго-западной и восточной Таврики, что говорит не только о местном их производстве, но и об ограниченности обмена внутри страны, об узости рынка сбыта.

Большинство знаков — в виде греческой буквы (греческая письменность, видимо, господствовала), реже — монограммы, а один знак представляет собой полное написание имени гончара (но в обратном, зеркальном написании — правильным оно было на матрице). Реже встречались рельефные знаки в виде схематического изображения животного, иногда в сочетании с буквой, которая являлась, вероятно, основным знаком, а изображение было дополнительным, служившим, можно думать, оберегом, призванным отвращать от кровли злые силы. Немногочисленны и условные знаки, которые как бы заменяли буквенные и ставились, скорее всего, неграмотным гончаром. Выделяются знаки в виде креста, обозначающие, вероятно, монастырские или церковные мастерские. Разумеется, особую мастерскую обозначал не каждый знак, но группа однородных знаков (одну мастерскую — знаки с буквой А, другую — знаки с буквой П и т. д.); таких групп можно наметить 13 или 14 в юго-западной Тавrike и 8—9 — в Планерском. Очень вероятно, что все эти черепичные мастерские функционировали одновременно, в тот или иной момент действовала только часть из них. Но, так или иначе, мастерские по выработке черепиц в различных районах края в VIII — IX вв. существовали, притом в несравненно большем количестве, чем в раннее средневековье, что свидетельствует и о развитии гончарного ремесла и об общем росте производительных сил в Тавrike того времени.

4

В иной мир, мир византийский, мы попадаем, как только обращаемся к памятникам монументального строительства — к монастырям, возникшим здесь, вероятно, именно в пору монашеской эмиграции «на северные склоны Евксинского Понта», и к храмам, возводившимся в наиболее крупных поселениях; строительство их было связано с активизацией церкви.

Наиболее крупным и богатым среди тогдашних монастырей стал монастырь Апостолов в «торжище, называемом Партениты», расположенный с восточной стороны Медведь-горы, у ее подножья; отсюда был родом упомянутый глава Готской епархии Иоанн. Здесь в конце VIII в. на месте раннесредневековой базилики был построен небольшой трехнефный трехапсидный храм-базилика длиной 18 м. Нефы разделялись не колоннами, а столбами; с трех сторон здание охватывали галереи. Пол базилики имел узорчатую вымостку из каменных разноцветных плиток. Весь облик здания приобрел провинциально-византийский характер. Ощущению упрощенности его способствует и замена легких колонн массивными столбами, дробящими внутреннее пространство храма, рассчитанного не на массы прихожан, а главным образом на монастырскую братию. Резкое упрощение сказалось и на узорчатой вымостке, предельно простой и однообразной. Во всех этих чертах Партенитской базилики нельзя не видеть сознательного отхода от классической византийской архитектуры V—VI вв. и стремления

к своего рода архитектурному аскетизму — стремления, вполне понятного в монастырском строительстве иконопочитателей, приверженцев идеи Феодора Студита, идеолога реакционного и воинствующего монашества, рьяного иконопочитателя и проповедника аскетизма в монастырской жизни.

Аналогичная по форме трехнефная трехапсидная базилика, только в два раза большая (ее длина 37 м), была сооружена на холме Тепсень в Планерском — в наиболее крупном поселении восточной Таврики. Раскопки показали, что базилика эта была построена на месте другой, почти в два раза меньшей; такое резкое расширение храма, очевидно, отразило рост численности прихода, т. е. населения города.

Однородные по типу и всему облику храмы-базилики, строившиеся в те времена в менее крупных поселениях, были совсем небольшими. Таковы базилики на плато Пампук-кая — маленькая цитадель, высящаяся над долиной р. Бельбек, — и на поселении того же времени близ с. Гончарного (Варнутская долина, к югу от Севастополя).

Византийская ориентация очень ярко выражена и в архитектуре некоторых полупещерных монастырей в юго-западной Таврике, сооружавшихся в ту пору. Наиболее крупным среди них был, по-видимому, монастырь в Инкермане (древней Каламиты), занимавший скалистый утес возле устья р. Черной близ Севастополя¹⁰. Основным пещерным сооружением являлся храм Георгия — короткая базилика, разделенная на три нефа тремя парами колонн, с нартексом и одной широкой апсидой, общей длиной 10,6 м. Колонны здесь не имеют конструктивного значения; они поставлены лишь с целью выделить нефы, т. е. придать пещерному пространству облик базилики — традиционную форму византийского храма, хотя и в уменьшенном и упрощенном виде.

Наземные формы монументальной византийской архитектуры воспроизведены и в других пещерных храмах Каламиты: это крестообразный храм, аналогичный храмам VI в. такой формы, известным в Херсоне (см. гл. 1), и даже маленькая триконхиальная (трехлопастная в плане) мемориальная церковка, также следующая раннесредневековым традициям.

Пещерная базилика в Каламиты, очень скромная по размерам, была рассчитана на небольшое число молящихся: старая вместительная базилика, доступная всем, уже отмирала, так как замкнутым монастырям и поместьям эпохи феодализма нужны были иные архитектурные формы — не обширные базилики, а ограниченные сравнительно небольшим пространством церкви для немногочисленного и замкнутого прихода или монастырской братии.

Правда, в этих ранних пещерных монастырях эпохи иконоборчества еще удерживалась старая форма базилики, хотя и в резко сокращенном размере. Во-первых, потому, что ее еще не успели вытеснить новые архитектурные формы, к тому времени и не вполне выработанные, а во-вторых, потому, что большое значение в Таврике сохраняли старые традиции пещерных монастырей, хорошо известных во внутренних областях Малой Азии, издавна и тесно связанной с Таврикой. Там имелись и сходные естественные условия. Традиции эти, носителями которых явились бежавшие в Таврику монахи, нашли здесь благоприятную почву. Некоторые пещерные церкви Каппадокии в Малой Азии очень близки к каламитским. Подобные пещерные монастыри с такими же пещерными храмами известны и в прибрежных местах Анатолии (Малой Азии) и в Западном Причерноморье (близ Констанцы). Истоки пещерной архитектуры Таврики VIII—IX вв. хорошо дает понять пещерная церковь в Тепе-кермене (в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая), где, может быть, находился монастырь. Особенность этой церкви та, что она вытянута не по оси, направленной к алтарю, 8 в ширину (общие размеры 10—11Х4—5,4 м): молящиеся размещались полукругом относительно сильно выступающего в церковь предалтарного помещения, ограниченного оградой с арками, где происходило богослужение — театрализованное культовое действие. Аналогичную особенность имеет и одна из церквей Каламиты. Поперечная ориентация этих храмов очень характерна именно для архитектуры византийского Востока в противоположность столичной византийской, что

убедительно говорит о господствовавшем в монастырском строительстве Таврики архитектурном направлении.

Однако базилика уже отходила в область прошлого, В течение всего раннего средневековья постепенно вырабатывалась совсем иная архитектурная система, ставшая с IX в. основной как в центральновизантийских областях, так и на византийском Востоке: базилику сменил небольшой крестово-купольный храм с четырьмя устоями, поддерживавшими купол на световом барабане. Это была принципиально новая архитектура.

Промежуточным звеном в развитии такого рода композиции можно считать замечательный памятник на почве самого Боспора, т. е. в Керчи,— упомянутый храм Иоанна Предтечи, занимавший видное место в укрепленном акрополе города вблизи порта ¹¹. Судя по композиции здания и технике кладки с чередованием рядов кирпича и камня, а также учитывая надпись на колонне храма, он, вероятнее всего, построен в конце VIII в. Эту дату подтверждают раннесредневековые по форме амфоры, которые были заложены в качестве голосников в своды храма.

В этом выдающемся здании свободный крест ясно выражен лишь в верхней части храма, а нижняя его часть представляет собой прямоугольный четырехстолбный массив. Но основной крест снаружи подчеркнут и доминирует в композиции всего храма. Несомненно, что источником такой композиции была малоазийская архитектура, хотя и своеобразно претворенная боспорским (или приглашенным в Боспор) зодчим.

Храм Иоанна — свидетель кратковременного оживления Боспора в VIII в., продолжавшегося и в следующие два столетия. Но жизнь остальной Таврики — как восточной, так и западной — где-то на рубеже IX и X столетий резко оборвалась. Население многочисленных поселков испытало, как видно, сильное потрясение и было вынуждено оставить насиженные места.

Рубеж IX и X столетий кладет грань в истории средневековой Таврики. Страна, разгромленная кочевниками, вновь запустела: большинство поселений всех ее южных земледельческих районов и даже таких крупных, как в Планерском, погибли в пожаре — это повсеместно установили раскопки последних десятилетий. Ту же судьбу, и приблизительно в то же время, испытали и многочисленные поселения в бассейне Дона и Северского Донца — так называемые салтово-маяцкие. Общая судьба их, может быть, скрывает и общую причину гибели.

По всей вероятности, нагрянувшими на Таврику кочевниками были печенеги. Они появились со стороны Волги в 70-х годах IX в. Их первое появление в 867 г. отмечает и русская летопись. В 70—80-х годах IX в. печенеги окончательно вытеснили из южнорусских степей мадьяр и стали фактическими хозяевами степных просторов между Доном и Днепром. По словам византийского писателя Константина Порфирородного, печенеги, появившиеся здесь за 55 лет до написания его сочинения, т. е. на рубеже IX и X вв., «очень близки к Херсону, по еще ближе к Боспору» ¹², где их активность, вероятно, особенно сильно ощущалась. От всеобщего погрома здесь уцелели лишь два города — Боспор и Таматарха, в существовании которых, вероятно, были заинтересованы сами кочевники, свозившие туда для обмена продукты своего кочевого хозяйства и награбленную добычу, хотя и эти города вряд ли избежали их набегов. А в западной половине страны во второй половине IX в. начал возрождаться Херсон, в X в. вернувший себе господствующее положение в Таврике: он вновь стал ее экономическим и политическим центром.

Глава 3

ВОЗРОЖДЕНИЕ ХЕРСОНА И СВЯЗИ ТАВРИКИ С РУСЬЮ (X В.)

Большие перемены в жизни Таврики — ив экономической, и в политической ее сферах,— обозначившиеся во второй половине IX в., были вызваны несколькими взаимосвязанными факторами.

Один из них — это ослабление, а затем (приблизительно в середине IX в.) и падение господства хазар; их гарнизоны удержались, вероятно, лишь в районе Боспора и Таманского полуострова. Сильные потрясения вызвало нашествие печенегов, полчища которых в 70-х годах IX в. наводнили причерноморские степи. Совершенно новым фактором в жизни Северного Причерноморья явилась Русь; она здесь в IX в. приобрела особенное значение. В восточной Таврике и в Приазовье Русь была весьма активной; именно тогда, вероятно, русская дружинная вольница — работорговцы и купцы — заняла греческую Таматарху, ставшую зародышем будущего Тмутараканского княжества, и надолго обосновалась в ней. Усиливавшаяся Русь грозила уничтожить господство хазар в междуречье Дона и Днепра и тем самым ослабить хазарскую державу, союзом с которой Византия и в IX в. очень дорожила из-за продолжавшейся борьбы с арабами и напряженных войн с болгарами. С течением времени «русская опасность» стала ощущаться все сильнее: русские дружины совершали далекие походы в Малую Азию, на Пропонтиду (Мраморное море), достигая византийской столицы. Патриарх Фотий в своем послании 860 г., потрясенный русским набегом на Царьград, говорил об «опасности и грозном нашествии народа», неизвестного, но ставшего знаменитым.

Эта новая ситуация заставила Византию вновь обратиться к Таврике. Стремясь противодействовать русской активности в Северном Причерноморье и восстановить свое господство в этом обширном районе, откуда могла исходить военная угроза империи, византийские правители в 833—834 гг. создали Херсонскую фему — особый военно-административный округ во главе со стратигом, вошедший в состав восточных фем Византийской империи¹. Центром фемы, форпостом Византии в Северном Причерноморье, стал Херсон, возвращенный, таким образом, на авансцену византийской политики. Организация фемы преследовала именно и прежде всего политические цели; экономические связи в Таврике не имели тогда для Византии существенного значения, так как сам Херсон как ремесленный и торговый центр продолжал находиться в состоянии застоя. Еще в 60-х годах IX в., по сообщению современников, он казался запустевшим, его население было немногочисленным.

В X в. стратегическое и политическое значение Херсона и его области (так называемых Херсонских климатов) для Византии намного возросло. Это было обусловлено усилением Руси и активизацией печенегов. В этой обстановке основная задача византийской дипломатии заключалась не столько в борьбе с Русью и печенегами, сколько в том, чтобы наладить с ними связи и по возможности оказывать на них влияние. Относительно печенегов византийский писатель Константин Порфирородный в своем трактате «Об управлении империей» писал: «Когда Ромейский император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу... А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут напасть на землю русских и турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их землю»². Печенегов Византия не раз привлекала в качестве наемного войска; временами оно оказывало решающее влияние на ход событий, как, например, в борьбе Византии с Болгарией в начале X в. Осуществлялась же эта политика преимущественно через Херсон.

На время с IX до середины X в. резко возросла роль в Таврике и Русского государства. Его стремлению получить доступ к Черному морю всячески препятствовала Византия, захватившая побережье Таврики. Ослабление Руси составляло важную задачу всей причерноморской политики империи, проводившейся также через Херсон.

Борьба Руси с Византией за причерноморские владения наполняет всю историю русско-византийских отношений в X в.

Русскому государству все же, по-видимому, удалось закрепиться в восточной части Таврики, на что достаточно ясно указывает русско-византийский договор 945 г., по которому русский князь (Игорь) обязывался защищать Корсунскую землю от черных болгар, обитавших в Приазовье, что было возможно лишь при владении определенной территорией в восточной части Таврики или на Таманском полуострове, где, как говорилось, вероятно уже тогда — в начале или середине X в. — складывалось будущее Тмутараканское княжество. В другой статье того же договора сказано, что «в Корсуньстей стране, елико же есть городов на той части, да не имать волости князь русский»³. Русские дружины, как видно, находились уже недалеко от Корсуни (Херсона).

Большие изменения произошли и в экономической жизни края. В конце IX — начале X в. началось возрождение Херсона и, вероятно, его ближайшей округи (Гераклейского полуострова). Вся же остальная Таврика — как юго-западные и западные, так и восточные ее районы, разгромленные печенегами, — оставалась в запустении. Об экономическом подъеме самого Херсона свидетельствует возобновление с 866—867 гг. выпуска собственной бронзовой монеты (выпуск ее прекратился в начале VII в.), продолжавшегося до конца X в. (монеты эти при раскопках города встречаются в очень большом количестве). Возобновление выпуска собственной монеты, иными словами, резкое расширение денежного обращения, может быть объяснено только значительным расширением производства и торговли. О том же говорят и свинцовые печати херсонских коммерциариев, ведавших сбором торговых пошлин; часть этих печатей относится именно к X в. Возрождение Херсона проявилось и в усиленной застройке города в конце IX и особенно в X в., что показали раскопки. Археологический слой этого времени — наиболее мощный среди других средневековых слоев городища. Обильный бытовой материал, содержащийся в нем, дает представление о продукции городского ремесла и о предметах торговли с Византией, в частности об изделиях художественного ремесла (о них см. ниже). Возрождение экономики Херсона не было изолированным явлением; напротив, оно отражало широкий процесс, повсеместно шедший в Византийской империи с конца IX в.: большинство ее городов после глубокого упадка VIII—IX вв. вновь стало расти, ремесло вновь развиваться, росло денежное обращение, натуральные формы повинности начали вытесняться денежной рентой. Этому подъему весьма способствовала и благоприятная для Византии внешнеполитическая обстановка: победы над арабами на Востоке, над лангобардами на Западе, раздвинувшие границы империи от Армении до Италии, а затем победа в Болгарии упрочили международное положение Византии. Вновь наладилась обширная морская торговля, в которой основное значение имели малоазийские центры Черного моря, такие, как Трапезунд, Синоп, через которые совершался повседневный торговый обмен Византии с Востоком.

Эта общая благоприятная обстановка в Причерноморье, несомненно, способствовала экономическому оживлению Таврики. В торговые связи с ее городами вступали все те кочевники, орды которых одна за другой занимали причерноморские степи. Так, в конце IX — начале X в. торговлю с городами восточной Таврики вели мадьяры, свозившие сюда добычу, захваченную у славян (об этом сообщает арабский географ Ибн-Росте). Но значительно большее значение для Таврики, вернее сказать для Херсона, имел торговый обмен, который завязывали с ним печенеги, в чем обе стороны были весьма заинтересованы. Упомянутый Константин Порфирородный указывал, что «если херсониты не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, которые скупают у печенегов, то не смогут существовать»⁴. В другом месте сочинения перечислены и те товары, которые особенно интересовали печенегов (печенежскую знать): шелковые ткани, перевязи, муслины, бархат, красные парфянские кожи, перец и пр. Судя по словам Константина Порфирородного, торговля с печенегами в середине X в. прочно вошла в экономический быт Херсона.

Сведений о непосредственных торговых связях городов Таврики с Русью в те времена у нас нет. В сообщении же Константина Порфирородного о том, что русы по Днепру проходят в Черную Болгарию и Хазарию, т. е. в район Приазовья, где в X в. скапливались русские дружины, о торговле ничего не говорится. Русская торговля с Херсоном велась, вероятно, через посредство печенегов, которые добывали и выменивали на Руси различное сырье и везли его в Херсон. Правда, Константин Порфирородный подробно описывает днепровский путь русских торговых караванов, но по этому пути русские купцы направлялись, конечно, не в Таврику, а в Царь-град, который они, судя по русско-греческим договорам X в., часто посещали.

Свозившиеся в Херсон продукты печенежских степей и русское сырье отправлялись дальше — в Малую Азию, торговля с которой имела для Херсона огромное значение, так как именно оттуда ввозились хлеб и другие основные продукты питания. По словам Константина Порфирородного, «если не будут привозиться продукты из Амиса, Пафлагонии, Вукеллариев и с окраин Армениаков, то херсонцы не смогут существовать»⁵. В случае городских восстаний в Херсоне «царские чиновники должны воспретить кораблям пафлагонским, вукелларийским и побережным понтийским отправляться в Херсон с хлебом, вином и какими бы то ни было другими нужными им предметами». Отсюда можно заключить, что разоренные печенегами деревни Таврики, даже соседнего с Херсоном юго-западного района, еще не могли снабжать Херсон продовольствием. Жизнь и производство в этих районах, как видно, еще не наладились.

Названные фемы (Пафлагония, Вукеллариев и Армениак), расположенные в северной части Малой Азии, ясно определяют район экономических связей Херсона с Заморьем в X в.— район, выдвинувшийся в то время и ставший в Византии экономически передовым. Находясь с этими фемами в постоянных торговых связях, Херсон входил таким путем в круг всей византийской экономики IX—X вв.

Организация херсонской фемы и укрепление византийской власти в Херсоне внесли перемены и в социальные отношения. Прежде всего, как и в других городах империи, это выразилось в постепенном подавлении и уничтожении местного самоуправления во главе с архонтом и в усилении податного гнета. Наступление на горожан не могло не вызвать протестов с их стороны. Об обострении в Херсоне того времени классовый, борьбу красноречиво говорит убийство в конце IX в. херсонского стратига Симеона, иначе говоря,— городское восстание, а также упомянутое предупреждение относительно возможностей городских волнений в Херсоне, содержащееся в трактате «Об управлении империей» Константина Порфирородного, который, пользуясь донесениями императорских агентов, хорошо знал положение дел на месте и, таким образом, исходил в своих наставлениях сыну из реальной действительности.

Дальнейшая история Таврики во второй половине X в. была тесно связана с Киевской Русью, могущественным государством, выступившим при Святославе (ум. в 972 г.) с обширной политической программой. Русь стала наиболее активной силой в Северном Причерноморье.

Походы Святослава в Поволжье и на Северный Кавказ в 965 г. окончательно сокрушили ослабевший Хазарский каганат. Победа Святослава над хазарами и усилившаяся затем славянская колонизация Подоалья означали еще большее укрепление Руси в Приазовье и тем самым подрывали влияние Византии в этой части Северного Причерноморья.

Еще большую тревогу византийских правителей вызвали победоносные походы Святослава в Болгарию, начатые в 968 г. Привлеченный Византией для борьбы с болгарскими, Святослав преследовал, однако, свои цели — цели создания обширной славянской державы, включавшей Балканы (любопытно, что сношения Византии со Святославом осуществлялись через Херсон). Но русско-болгарская война перешла в русско-византийскую. Во время второго похода Святослав захватил Фракию и стал угрожать

Царьграду. Не сразу византийский император Цимисхий смог выступить против Святослава, занятый подавлением восстания Барды Фоки в Малой Азии. Только в 972 г. византийцам совместно с болгарами удалось победить Святослава. Руси был навязан мир на крайне тяжелых условиях. Русь обязывалась не только не нападать на Корсунскую землю и на Болгарию, но и чуть ли не в качестве вассала помогать Византии в ее войнах. Вместе с тем в договоре не было даже упоминания о черных болгарях, которых раньше русские обязывались не допускать в Таврику. Теперь Русь, видимо, была лишена плацдарма в этой стране и фактически оттуда изгнана.

Все это привело и русско-византийских отношениях к крайнему напряжению, назревавшему десятилетиями.

Столкновение было неминуемо. Оно произошло в конце X в. при сыне Святослава — Владимире: русский поход на Херсон (Корсунь) в 989 г. был войной с Византией за возвращение Русскому государству доступа к Черному морю, что имело для Руси жизненное значение⁶.

Длительная осада Корсуни кончилась победой Русского государства. Город был взят. Византия была вынуждена заключить с Владимиром равноправный договор, признать политические права Руси в Таврике и Приазовье и заключить с Владимиром политический союз (в форме его брака с царевной Анной). Тем самым позициям Византии в Таврике был нанесен тяжелый удар. Влияние империи после этого ощущается здесь все слабее и слабее, а в XII в. сходит почти на нет.

Киевское государство в результате победы восстановило свое положение в Таврике и в Приазовье, упрочив Тмутараканское княжество (на Таманском полуострове), основанное, вероятно, еще в первой половине X в., во времена князя Игоря (см. выше). К Тмутараканскому княжеству поело похода Владимира, т. е. в конце X в., был, по-видимому, присоединен и Боспор, получивший русское название Корчев (от слова «корча» — кузница).

Таковы были итоги вековой борьбы Руси с Византией, ареной которой нередко и подолгу являлась Таврика. Русская победа и основание Тмутараканского княжества явились по существу завершением большого периода истории этой страны.

2

Значительно труднее проследить развитие материальной культуры Таврики в X в., ибо имеющийся материал относится главным образом к Херсону. Все же можно сказать, что и в рассматриваемый период она была далеко не однородной.

На юго-западной оконечности края находился Херсон — ремесленный и торговый центр, византийский по своей культуре. На южном берегу продолжали существовать немногочисленные поселения, унаследовавшие своеобразную «варваризованную» культуру раннего средневековья. На восточном краю Таврики среди запустевших земель доживал свой век старый полузабытый Боспор, присоединенный к Тмутараканскому княжеству.

Столицей страны стал Херсон, наиболее крупный город тогдашней Таврики, да и всей Восточной Европы (пока не возвысились древнерусские города): в период своего экономического подъема он значительно вырос и превратился в относительно большой город с тесно застроенными кварталами.

Херсон сохранил старую, еще античную планировку в виде прямоугольных кварталов, разделенных узкими улочками. Правда, сами кварталы изменились — с течением времени они, как говорилось, расширились путем объединения смежных кварталов, хотя составлявшие их жилые усадьбы имели, наоборот, явную тенденцию к уменьшению: вместо одного-двух зданий квартал заняли несколько усадеб. Такое расширение жилых кварталов было следствием увеличения плотности застройки, иначе говоря, объясняется увеличением заселенности кварталов города. Особенно интенсивно это происходило

именно в X в.— в период экономического подъема города. Рост же города происходил в пределах старых, также античных крепостных стен, надстроенных и усиленных в раннее средневековье, отчасти, может быть, в X в. Вот почему рост Херсона мог происходить только за счет уплотнения жилых кварталов, за счет увеличения их скученности.

Как и в античную эпоху, обязательным элементом жилой усадьбы X в. являлись жилой дом, часто двухэтажный, двор и хозяйственное помещение (кладовая), под которую нередко использовали цистерны первых веков н. э. Двор большей частью граничил с улицей, и через него шел проход в дом. Жилые помещения группировались вокруг двора. Верхний жилой этаж возвышался, вероятно, над кладовыми, куда из верхнего помещения спускались по деревянной лесенке.

Рост города дал толчок развитию местного производства: Херсон в X в. стал, несомненно, ремесленным центром, наиболее крупным в Таврике. Больше всего мы знаем о гончарном ремесле, продукция которого находила особенно широкий сбыт. Об этом свидетельствует массовая керамика из раскопок городища, почти исключительно гончарная, т. е. ремесленная. Бесспорная дата этой керамики — X в.

В Херсоне уже открыты две гончарные печи конца IX и X в., предназначенные для обжига амфор; обе они находятся вне стен города. Одна из печей (еще не раскопанная) расположена на восточном берегу Карантинной бухты, другая (раскопанная в 1957 г.) — в западном конце города, около приморской башни. Печь эта была сооружена из песчаника и состояла из одного продольного канала и трех пар поперечных, повторяя в уменьшенном виде планировку печей в Канакской балке (см. выше, стр. 45—46).

Обжигавшиеся здесь амфоры небольшие (высотой 35—40 см, диаметром 22—25 см), их тулово укороченное, круглодонное, грушевидное, поверхность бороздчатая, черепок всегда темно-красный. Форма таких амфор несколько отличается от форм VIII—IX вв., но, несомненно, исходит от них: преемственность гончарных традиций: сказывается здесь очень ясно.

Тождественные по типу амфоры были распространены по всему Северному и Западному Причерноморью — на Дону, в Болгарии, Румынии. Изготавливались они в X в. и в Константинополе или поблизости от него, как это показали раскопки в квартале Манганы. Несомненно, оттуда подобные амфоры, наполненные, возможно, маслом или вином, привозились и в Херсон. Это доказывают клейма на некоторых из херсонских амфор, точно такие же, как на амфорах, найденных в Константинополе. Одни клейма, поставленные на ручке, являлись знаками ремесленников (большая часть это монограммы или сокращенное написание имен), а другие (с монограммой императора) ставились на плечиках сосуда городскими чиновниками, контролировавшими производство амфор. Из Херсона такие амфоры вывозились в другие места Таврики и на Дон (их неоднократно находили в Саркеле).

Обращает на себя внимание ограниченность ассортимента керамической тары: прежнее разнообразие форм свелось к одному-двум типам, что скорее всего объясняется расширением производства тары, а это привело к определенной стандартизации продукции.

Другим массовым и еще более употребительным в IX—X вв. видом домашней тары — как в Херсоне, так и во всей Таврике — являлись высокогорлые кувшины с вытянутым стройным туловом (высотой 50—60 см) и с плоской ручкой, также с темно-красным черепком. Кувшины эти были обычны, помимо Таврики, в Саркеле, Таматархе и других поселениях, где бытовали до XI в. включительно, но вне Таврики и связанных с ней Подонья и Таманского полуострова они не встречаются. Эта форма специфична для Северного Причерноморья.

Производилась в Херсоне и крупная керамическая тара — пифосы, высотой 1,10—1,30 м, диаметром 70—80 см; это своего рода глиняные бочки для хранения зерна и

сушеной рыбы. Пифосы имеют яйцевидное тулово, широкое горло и узенькое массивное днище (они обычно вкапывались в землю или вставлялись в каменную подставку).

Домашняя посуда херсонцев состояла преимущественно из горшков с шаровидным туловом и кувшинов более вытянутой формы. Горшки со сплошным рифлением напоминают горшки VIII — IX вв., в чем также проявилась культурная преемственность. Некоторые кувшины украшены продольными вдавлениями, как на металлической посуде, которой гончары, видимо, стремились подражать. Такого рода украшения были особенно распространены в X—XI вв. в странах Закавказья, находившихся в традиционных связях с Таврикой преимущественно через область Трапезунда в Малой Азии.

Высокого развития в X в. достигло в Херсоне производство строительной керамики — кровельных черепиц, — что связано было, очевидно, с широко развернувшимся жилищным строительством в городе. О высокой степени развития этой отрасли производства можно судить по множеству встреченных на черепицах различных ремесленных знаков. Эта продукция, несомненно, местная, так как черепицы X в. с такими знаками известны только в Таврике, преимущественно в Херсоне, причем одни и те же знаки часто повторяются; в других византийских странах они неизвестны.

Черепицы X в. в основном повторяют формы черепиц предшествующего времени (VIII—IX вв.); их отличают, как сказано, ремесленные знаки, большей частью высокорельефные. К X в. можно отнести 60 различных знаков. Большинство их в виде отдельных букв, иногда монограмм (ΘΟ — Фома; ΤΙ — Тит; ΝΗ или — Никола; ΜΗ или Χ — Михаил и др.). Обращают на себя внимание знаки, состоящие из сочетания нескольких знаков, например 90 и Γ, что может указывать на кооперацию двух мастеров, совместно эксплуатировавших черепицеобжигательную печь. Одну из групп составляют знаки в виде креста под арочкой. Черепицы с таким знаком изготовлялись, вероятно, в монастырской мастерской, так как гончар-мирянин вряд ли мог усвоить такой знак. Интересен знак в виде орла, явно заимствованный из керамики того времени (см. ниже). Большинство знаков на черепицах можно распределить по группам, учитывая сходство рисунка (крест, животное, та или иная буква или монограмма). Возможно, что эти группы знаков соответствуют различным мастерским по производству черепиц, существовавшим в Херсоне на протяжении конца IX и в X в.

Кровельные черепицы из Херсона, несомненно, вывозились главным образом в крупные поселения юго-западной Таврики и поселения южного побережья; на это указывают черепицы с одинаковыми (или почти одинаковыми) знаками, найденные на плато Мангупа, Эски-кермена, в Алуште, в Партенитах, около Ялты. Но в восточном Крыму и на Тамани херсонские знаки почти не встречаются.

Значительно меньше данных о металлообрабатывающем ремесле. Пока не открыто ни одной средневековой мастерской металлиста. Правда, при раскопках жилых усадеб часто находили каменные матрицы для отливки свинцовых колец, употреблявшихся в качестве грузил для рыболовных сетей, но кольца эти, судя по всему, отливались самими рыбаками. Заготовки свинца (в виде стержня, цилиндра, пирамидок весом 600—700 г или дисков) не раз встречались при раскопках жилых домов; приводились они, скорее всего, из Трапезунда, в районе которого издревле и в средние века существовали свинцовые рудники. В Херсоне в слоях IX—X вв. найдены каменные матрицы и для отливки других металлических предметов, преимущественно украшений (колец, простых пряжек) и крестиков с изображением распятия, и некоторых мелких предметов. Неоднократно находили па городища тигельки и льячки для разлива металла в матрицы. Продукцией местного металлообрабатывающего ремесла являются многочисленные кованые железные гвозди с широкой шляпкой, находимые целыми грудями (ими скреплялись стропила перекрытия дома), болты, скобы; предметы домашнего обихода: топоры, цапки, крюки, медные кастрюли, чашечки; сельскохозяйственные орудия: сошники, мотыги, серпы, свидетельствующие о том, что херсонцы-горожане занимались на своих пригородных

участках земледелием, как и в других византийских городах. Очень часто встречаются предметы рыболовного промысла: медные крючки, иглы для вязания сетей; найдены части больших якорей и другие предметы рыболовства; почти каждый херсонец был рыбаком.

Художественная культура Херсона X в. была в сильной степени византизирована. Это сказывалось не только в геометрической, еще античной планировке городских кварталов с их вымощенными площадями и водостоками и в двухэтажных усадьбах, выступавших на улицы своими глухими фасадами, также восходящих по своей планировке к античности; византийская культура проявила себя не только в больших базиликах раннего средневековья, часть которых в X в. была восстановлена, и во вновь построенных монументальных купольных храмах (о них — ниже), но и в прикладном искусстве, о котором мы можем судить по многочисленным бело глиняным поливным блюдам того времени с рельефными украшениями и по резной кости. Блюда эти, правда, не местного изготовления, а привозные из византийских городов. Их широкое бытование в Херсоне говорит о популярности среди горожан византийского декоративного искусства. Прием украшения блюд путем оттиска штампа был перенесен в область керамики из металлопластики; этот прием имитировал чекан, обычный при изготовлении золотых и серебряных блюд, ибо сами поливные блюда были призваны заместить и имитировать блюда из драгоценных металлов. Искусство поливной керамики, появившееся в Византии не ранее второй половины IX в., было «искусством молодым; оно еще не успело выработать свои собственные художественно-технические приемы и традиции.

Рельефные украшения белоглиняных византийских блюд, найденных в Херсоне, очень разнообразны⁷. Чаще всего это различные розетки и сплетенные круги с ячейками, воспроизводящими гнезда со вставными драгоценными камнями. Но передки и изобразительные рельефы: птицы в пышном оперении и с парадными повязками (павлины?), орлы в фас, барсы, торжественно шествующие или стремительно мчащиеся, крылатые грифоны с птичьей или человеческой головой. Изображения эти очень лаконично и выразительно переданы в плоском рельефе. Очень интересны изображения зверей и птиц (грифонов, барсов, орлов) в геральдической композиции — по сторонам древа жизни. Наконец, встречаются изображения знатных всадников на охоте, особенно близкие рельефам на парадных металлических блюдах.

Изображения эти далеко не однородны по своему происхождению. Некоторые сюжеты были, несомненно, почерпнуты из арсенала византийского искусства: таковы орел (еще античный образ) и грифон с орлиной головой; к раннехристианской символике, возможно, восходит и изображение геральдически расположенных птиц. Византийским является и христианский образ Георгия-драконоборца.

Но большую часть сюжетов мы не находим в официальном византийском искусстве. Зато они были популярны в соседних с Византией странах Ближнего Востока, с которыми империя в IX и X вв., в период своего экономического подъема, находилась в живом общении. В этом отношении очень показательны изображения хищников — пантер, барсов или львов, большей частью в движении. Эти изображения, редкие в Византии, широко представлены в монументальной пластике Закавказья, Ближнего и Среднего Востока — в Персии, Месопотамии, Малой Азии — как в христианских, так и в мусульманских странах в X в. и в последующее время (в XI — XIII вв.). Эти образы могучих зверей, ставших феодальными символами силы и храбрости, уже в IX—X вв. были распространены и в странах, ближайших к центрально-византийским областям: в Болгарии, Македонии, Греции, где появление их обязано, несомненно, восточным источникам. Самое место, которое отводилось плитам с такими изображениями, — стена дворца или богатого дома, боевая сторона крепостной стены или башни, фасад храма или даже алтарная преграда — ясно указывает на значение этих изображений зверей, служивших стражами, оберегами храма, дома или всего города (так, барс являлся, как

предполагал Н. Я. Марр, гербом столицы Армении — Ани). Такие монументальные рельефы с изображением барсов или пантер, украшавшие стены зданий, найдены и в Херсоне; они правда, грубо выполнены, но это не меняет их смысл.

Совершенно неведомы были византийскому искусству и такие образы, как грифон с человеческой головой в короне, и тем более такой сюжет, как борьба грифона-льва с ланью,— вариант сюжета терзания лани львом или барсом, обычного в средневековом искусстве Ближнего Востока.

По-видимому, все эти образы зверей и полузверей — символы феодальной геральдики, выступающие на поливных блюдах в роли стража, оберега, чуждые официальному византийскому искусству,— прижились в прикладном искусстве Византии. Демократическая по своей природе ремесленная среда, в которой создавалось это прикладное искусство, рассчитанное на более или менее широкий спрос, была меньше связана в своем творчестве с эстетическими взглядами и требованиями знати, богатеев и церкви. В ремесленной среде поэтому живее откликались на все те художественные явления в сопредельных странах Ближнего Востока, с которыми византийские гончары знакомились через странствующих ремесленников или по попадавшим в Византию образцам. Звериные образы, порой наивные и грубоватые, отвергнутые византийской аристократией, казались близкими массе горожан — основным потребителям поливных блюд с рельефными украшениями.

В полной мере сказанное относится и к резной кости — небольшим пластинкам разной формы, прикреплявшимся к ларцу. Часты изображения орлов, птиц с резко повернутой назад головой; очень выразительны изображения хищников (барс, пантера?) в динамичной позе и с оскаленной мордой: один из них прекрасно вписан в круглое поле пластинки. Все это — произведения византийского художественного ремесла, близкие народным вкусам.

Более сложным явлением была монументальная архитектура — архитектура храмов,— формы которой и IX—X вв. претерпели существенные изменения, вызванные новыми социальными условиями — укреплением феодальных отношений. Мы уже говорили (в гл. 2) о культовой архитектуре предшествующего времени в крупных поселениях и в монастырях. Это были трехнефные вместительные базилики, повторявшие старые традиционные формы. В IX—X вв. мы наблюдаем иную картину. Правда, в Херсоне, ставшем столицей Таврики, восстанавливали и старые базилики, но вновь возводившиеся храмы следовали новой архитектурной системе — крестово-купольной,— принципиально отличной от старой базиличной системы, уже отжившей. Смысл базилики — быть как можно вместительней; она рассчитана была на всех (в этом демократичность базиличной формы). Новая архитектурная система времен развивавшегося феодализма призвана была, наоборот, создать небольшой замкнутый объем храма, обслуживавшего ограниченный круг людей, объединенных социально.

Византийская культовая архитектура IX в., прежде всего монастырская, разработала композицию крестово-купольного здания с четырьмя подпорами-столбами. Этот тип в его простом варианте (с равными ветвями креста) стал господствующим в греко-восточном зодчестве — в Малой Азии, Греции, а также в Болгарии — в противоположность более сложному варианту (при котором восточная ветвь креста с алтарем удлинена), принятому в византийской столичной архитектуре.

Крестово-купольная архитектура IX—X вв. представлена в Херсоне несколькими зданиями⁸. Одно из них еще IX в. сооружено в центре города — на его акрополе. Оно интересно тем, что представляет собой крест, вписанный в прямоугольный массив с куполом, который высился на средокрестье; угловые помещения отделены от креста стенками, прорезанными широкими арками. Таким образом, храм еще примыкает к типу крестообразных зданий и предшествует развитым крестово-купольным храмам со свободно стоящими подкупольными устоями. Характерно, что наиболее близкие аналогии

херсонскому храму на акрополе даст архитектура византийского Востока — храм начала VIII в. на острове близ Амастры (древней Амастриды в Малой Азии).

К X в. относится близкий по композиции пятиапсидный храм в западной части Херсонеса (остатки его были уничтожены немецко-фашистскими оккупантами). Особенность храма — наличие боковых пристроек, оканчивающихся с восточной стороны апсидами, придающими восточной стороне храма пятичастный контур, напоминающий некоторые храмы Константинополя, в чем нельзя не видеть влияния столичной архитектурной школы. Но основные черты обоих храмов показывают, что монументальная архитектура Херсона в IX и X вв. следовала не столице, а византийскому Востоку.

В X в. в византийской архитектуре была окончательно выработана и получила широкое распространение композиция крестово-купольного храма со свободно стоящими устоями (колоннами, чаще со столбами) и с объединенным благодаря этому внутренним пространством. В X—XI вв. и в последующее время четырехстолбная композиция стала господствующей формой в культовом зодчестве Греции и особенно славянских стран, прежде всего Болгарии, а затем и Руси.

Несколько таких храмов сохранилось и в Херсоне: один из них — на северном берегу (рядом с Уваровской базиликой), другой — в северной прибрежной части города (два подобных храма стояли на акрополе и были уничтожены при постройке нового собора). Храмы эти четырехстолбные с тремя полукруглыми апсидами и узкими притворами — так называемыми нартексами (в первом из названных храмов он отделен столбами, которые, очевидно, несли стену). Два первых здания были двухэтажными храмами-усыпальницами херсонской знати. Устоями в первом из них служили колонны на массивном крестчатом основании, во втором — крестчатые столбы. Четыре ветви креста, перекрытые цилиндрическими сводами, были обращены к центральному пространству, квадратному в плане, некогда увенчанному куполом. Следует отметить, что фасады обоих храмов почти полностью лишены членений. Это создавало ощущение массивности стен и монолитности фасадов.

Все эти особенности обоих храмов сближают их с провинциальной архитектурой Греции и особенно Болгарии, где начиная с X в. те же черты постоянно наблюдаются: та же плановая и пространственная композиция, тот же несколько архаичный облик храмов с их простыми и монолитными фасадами, лишенными декора, в противоположность столичной (константинопольской) архитектуре с ее сложной разработкой фасадов, глубоко расчлененных лопатками, шипами, различными тягами, создававшими на фасадах игру светотени. Эта изысканность была чужда греческим и болгарским зодчим, как и херсонским. Таким образом, херсонские храмы и этой композиции были чужды константинопольской архитектурной школе.

Культура средневекового Херсона в период его подъема (вторая половина IX и X в.) была, как видим, неоднородной. Она была, конечно, провинциальной, но иной и не могла быть культура города, находившегося на далекой периферии тогдашнего культурного мира (а культура Древней Руси в X в. еще только складывалась). Но, судя по материальной культуре, Херсон сравнительно мало отставал в своем развитии от окружающих стран. Для Таврики X в. Херсон действительно был культурным центром.

Уже говорилось, что окружающие его районы, по-видимому, сильно запустели после печенежского нашествия. Уцелели, может быть, лишь поселения-полугородки на плато Мангупа и Эски-кермена, но сельские поселения X в. в юго-западной Таврике, в ее плодородных долинах, до сих пор не открыты.

Не намного больше мы знаем о поселениях X в. на южном берегу. Только некоторые из них известны нам по отдельным находкам. Однако предполагать увеличение населенности южнобережной полосы в то время нет оснований. Продолжало существовать поселение в Алуште (древнем Алустане), где открыт небольшой храм X в. Несомненно, существовало и поселение близ Гурзуфа (древние Горзувиты), на что указывают остатки жилищ в виде каменных завалов, сопровождаемые обломками

черепиц и пифосов типа IX—X вв. Поселению этому принадлежал и частично раскопанный могильник Суук-су (примыкающий к территории пионерского лагеря «Артек»), верхний слой которого относится именно к этому времени. Однако бросается в глаза упрощенность погребальных сооружений в виде единичных простых грунтовых могил, обложенных вертикально поставленными плитами, как в могильниках предшествующего времени; богатые семейные склепы уже не возводились. Инвентарь плитовых могил Суук-су также очень бедный (небольшие медные пряжки и виде крестика, простые медные браслеты и очень скромный набор бус). Бедности инвентаря вполне соответствует полное отсутствие монет, даже столь распространенных херсоновизантийских монет IX—X вв., что говорит об оторванности Горзувит от тогдашней столицы края — Херсона.

Запустели и восточные районы страны. Уцелел лишь Боспор, единственный город в этой части Таврики, тяготевший к большому району болгаро-аланского населения Приазовья и Прикубанья. Рядом с ним упрочилась Таматарха — Тмутаракань, быстро разросшаяся и ставшая с тех пор (до начала XII в.) русским форпостом в Северном Причерноморье. Ее жизнь связана уже со следующим периодом истории Таврики.

Глава 4

В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XI—XIII ВВ.)

1

События конца X в. — русско-византийская война и победа Русского государства — обозначили новую веху в историческом развитии средневековой Таврики. В положения страны они вызвали важные изменения.

Новая обстановка, сложившаяся здесь в первой половине XI в., определялась соотношением двух основных сил, действовавших в Северном Причерноморье: печенегов — с одной стороны, Русского государства — с другой. Активность печенегов в южнорусских степях особенно усилилась в конце X и начале XI в. Напряженная борьба Руси с печенегами продолжалась с перерывами до 1034 г. (в этом году войско Ярослава с помощью наемных варягов разбило печенегов). Согнанные со своих степных кочевий новым потоком степняков-торков, а затем половцев, они уже не могли свозить в Херсон продукты своего скотоводческого хозяйства. Херсон, как и вся Таврика, остался в стороне от их движения на Запад (к Дунаю). Торговые связи его с Русью, и до того непрочные, нарушились. Главную роль стала играть теперь Тмутаракань — русский форпост в Северном Причерноморье. Таким образом, Херсон утратил свое недавнее значение крупного рынка печенежского сырья и заморских товаров. Это вполне объясняет прекращение выпуска собственной монеты, иначе говоря, резкое сокращение денежного обращения. Упадок города усилила, несомненно, и русско-византийская война 989 г. с неизбежными в таких случаях разрушениями. Город, по-видимому, в значительной мере запустел: вся его западная часть превратилась в пустырь. Экономически он был обессилен.

15 конце X и начале XI в. существенно изменилось политическое положение Херсона и всей западной Таврики, ибо византийское господство здесь не только резко ослабло, но и стало вообще номинальным. Силы империи, были скованы почти непрерывной войной с болгарами, и только победа над ними в 1014 г. позволила византийским правителям вновь обратиться к своей отдаленной провинции — Херсонской феме.

Однако ни сил, ни влияния власть Византии ни в Херсоне, ни в прилегающих районах уже не имела. В течение XI и XII вв. здесь, правда, еще распоряжался византийский стратиг, но подчиненная ему область сократилась и вряд ли распространялась далее Судака. На непрочность и неустойчивость византийской власти в

Херсоне косвенно указывает частая (судя по печатям) сменяемость стратигов. Городские восстания еще больше подрывали власть империи. Одно такое восстание, в 1066 г., когда «корсунтии людье» «побита камнем котопана» в Херсоне (за то, что он будто бы отравил в Тмутаракани русского князя Ростислава)¹, вынудило византийского императора Михаила VII Дука обратиться за помощью к русскому князю Всеволоду, который в 1073 или 1074 г. послал в Корсунь свое войско.

Восстание 70-х годов XI в. в Херсоне, опрокинувшее, хотя и временно, византийскую власть в городе, указывает не только на шаткость ее, но и на большую роль и силу в Таврике Тмутараканского княжества.

Оно являлось тогда опорным пунктом русского продвижения в Приазовье и на Северный Кавказ, начатого Святославом («победи ясы и касоги»). Тмутараканское княжество включало тогда и Боспор (Корчев); об этом свидетельствует знаменитый Тмутараканский камень: на нем вырезана русская надпись, сообщающая, что тмутараканский князь Глеб в 1068 г. «мерил по леду от Тьмуторокани до Кърчева 10 000 и, 4000 сяжен»². Создание русского княжества на Тамани способствовало и росту самой Тмутаракани, ставшей в XI в. значительным торговым пунктом: арабский географ Идриси в своем подорожнике 1154 г., содержащем сведения, заимствованные у предшественников, сообщает, что «здесь есть эмпорий (т. е. порт.— *А. Я.*), куда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев»³. Археологический материал также показывает, что в XI в. город стал значительно населеннее, чем до того.

И все же русское княжество на Тамани не были прочным государственным образованием. Окруженное чужеземным и враждебным населением, оторванное от основной русской территории, оно не могло существовать без постоянной поддержки со стороны метрополии. Утрата Киевским государством в конце XI в. политического единства и распад его на отдельные феодальные княжения предопределили судьбу Тмутараканского княжества, которое после 1094 г. сошло со страниц летописи и, вероятно, приблизительно в это время прекратило существование. Его территория (Таманский полуостров и Керчь) тогда же или в начале XII в. вновь перешла во владение Византии, и еще в конце того же столетия на берегах Боспора сидел византийский податный сборщик.

Падение Тмутараканского княжества было, вероятно, ускорено появлением в середине XI в. в причерноморских степях новых кочевников — половцев,— впервые напавших на Русь в 1061 г., что не могло не усилить изоляцию Тмутаракани. Вскоре половцы всецело завладели южнорусскими степями, а затем и Таврикой (за исключением, вероятно, Херсона и Боспора) и господствовали здесь, по крайней мере, до начала XIII в., до нашествия татар. Еще в середине XIII в., по сообщению Гильома до Рубрука (посла французского короля Людовика IX к монголам), города южного Крыма платили им дань. По уже в конце XI в. половцы, подобно печенегам, установили торговые связи с Херсоном, куда они могли сбывать продукты своего скотоводческого хозяйства и особенно рабов — тот полон, который составлял чуть ли не основную цель их набегов на русские земли.

Базой этих торговых операций являлось, вероятно, Приазовье, где были сосредоточены половецкие зимовья. Но в конце XI в. начал складываться новый экономический центр в восточной Таврике — Судак (Сугдак, Сугдея, Сурож). В XII в. он стал важным, если не основным торговым центром Таврики.

По словам арабского писателя Ибн-ал-Асира, Судак в XII — начале XIII в.— «это город кипчаков (т. е. половцев.— *А. Я.*), из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, и на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы»⁴.

По сообщению упомянутого Рубрука, в его время, т. е. в середине XIII в., здесь велась обширная торговля северными мехами, которые привозили русские купцы, а из

Малой Азии (через Трапезунд) сюда шли ткани — хлопчатобумажные и шелковый, душистые коренья, пряности и прочее. В XIII в. завязывалась русско-суроужская торговля, развивавшаяся в последующие столетия. Фигура русского гостя (купца) в те времена стала здесь обычной. Русские товары доставлялись в Судак проторенными путями — «залозным путем» по Днепру (шедшему затем степью через Перекоп) или донским путем.

В Судаке XIII в. помимо основного греческого населения и русских гостей (купцов) встречались и половецкие купцы, и аланские, и купцы из Заморья (Малой Азии), и других стран Ближнего Востока. В начале XIII в. здесь появились венецианцы, в конце века — генуэзцы. Торговые связи Судака с Древней Русью и с Малой Азией стали постоянными и оживленными. Судак в XII—XIII вв. стал международным торговым городом. Не случайно и само Черное море тогда и позднее нередко называлось Судакским (а в русских источниках — Суроужским).

Византия не могла противодействовать неизбежному процессу ослабления Херсона, утратившего роль экономического средоточия, переместившегося в восточную часть края, как и противодействовать усилению половцев, ибо в XI в. была всецело поглощена борьбой с турками-сельджуками. Византийские правители еще держались за Херсон, но не ради экономических выгод, а с целями политическими — ради возможности оказывать влияние на новых грозных соседей — половцев. Византийские политики стремились столкнуть их с печенегами, угрожавшими в своем движении на Запад самому существованию империи. Византии удалось осуществить эти цели; столкновение действительно произошло. Половцы, перешедшие через Дунай в 1091 г., нанесли печенегам сокрушительный удар, после которого те уже не могли угрожать Византии.

В XII в. Византия и формально отступилась от большинства своих владений в Таврике: по договору императора Мануила I (1143—1180) с генуэзцами, заключенному в 1169 г. и подтвержденному Исааком Ангелом в 1192 г., они получали исключительные привилегии на Черном море. А вскоре, в самом конце XII или начале XIII в., Таврика вместе с Херсоном вообще отпала от Византии, центральные области которой были в 1204 г. захвачены крестоносцами.

После падения Византии и возникновения ее преемницы — Трапезундской империи — Херсон и его климаты (Готфия, как их тогда некоторые называли) признали над собой ее власть, что выражалось в обязательстве вносить в ее казну ежегодные сборы (об отправке их в Трапезунд в 1223 г. сообщает один источник)⁵. Подчинение Трапезунду этим, вероятно, и ограничивалось. Херсон и его округа (климаты) были в сущности предоставлены самим себе. Их независимость не нарушали и половцы, которые тогда кочевали в южнорусских степях, а их зимовья, как сказано, были сосредоточены в Приазовье.

В условиях определенного затишья, которое тогда установилось, в обстановке политической самостоятельности Херсона и его климатов не могли не проявиться центробежные тенденции, сопутствовавшие шедшему здесь процессу феодализации, подобному тому, который шел в самой Византии, Малой Азии, как и на Руси. Все это с течением времени привело к образованию в Таврике, сначала в юго-западном ее районе, мелких, относительно обособленных полунезависимых феодальных княжеств, иначе говоря, — к феодальному расчленению страны.

Одним из таких княжеств, о котором мы сравнительно больше знаем, было княжество Феодоро с одноименным центром (современный Мангуп). Оно возникло, может быть, еще в XII в., но в XIII в. уже наверняка существовало. Его владельцами были видные византийские деятели Гаврасы из армянского рода Гаврасов-Таронитов, получившие в свое время в удел Трапезунд. Изгнанный оттуда в 1140 г. за участие в заговоре против византийского императора Константин Гаврас обосновался (может быть, был сослан) в Херсоне, где приобрел влияние и силу. Старые феодальные владения херсонской знати, перешедшие к Гаврасам, и составили, надо полагать, новоявленное

княжество, охватившее бассейн р. Бельбес и доходившее с южной стороны до моря⁶. Княжество существовало вплоть до турецкого завоевания (1475 г.).

Вероятно, тогда же, в XIII в., возникло и другое вассальное по отношению к Херсону феодальное владение в стране асов, или алан, с городом-крепостью под названием Кырк-ер, Кырк-иер, Кыр-кор, Кер-кри и т. д.⁷ Это нынешний Чуфут-кале близ Бахчисарая. Во главе этого аланского княжества стояли местные князья, успевшие в противоположность основной массе алан принять христианство и, надо полагать, огречиться. Они владели княжеством вплоть до самого конца XIII в., когда его захватили ставленники татарского хана Ногая — беки Яшлау (Сулешовы).

С процессом феодального расчленения Крыма — процессом, который с течением времени углублялся и ширился, связано строительство тех 40 замков между Херсоном и Судаком, о которых упоминает Рубрук, проезжавший здесь в 1253 г. Эти небольшие крепости, занимавшие возвышенные малодоступные места и господствовавшие над окружающим их населением, были, возможно, резиденциями местных феодалов-землевладельцев. Остатки многих из таких крепостей высятся до сих пор и юго-западном горном Крыму и на южном берегу.

Длительное отсутствие внешней угрозы и определенная стабилизация в этом районе страны в XI—XII вв., несомненно, содействовали новому приливу населения и хозяйственному возрождению. Именно в XI—XIII вв. ожили сельские поселки, оживились и вновь стали развиваться старые поселения и города, такие, как Эски-кермен, Мангуп, Чуфут-кале. Плодородные долины юго-западного Крыма постепенно густо заселились. Свидетели этого — многочисленные остатки селений с примыкавшими к скалам постройками, остатки развитой системы ирригации с глиняными водопроводами и одичавшие культурные растения, часто встречающиеся среди нынешних лесных зарослей.

Ту же картину источники рисуют и на южном берегу. Арабский географ Идриси в своем подорожнике (1154 г.) упоминает Гарзуни (Гурзуф) — «цветущий приморский город», далее — Бартабити (Партениты?) — «небольшой, но хорошо населенный город, где строятся суда», затем Лабаду (Ламбат) — «прекрасный город», за ней Шалусту (Алушту) — «важный приморский город», далее Шалтатию (Солдайю-Судак), затем Бататр (вероятно, Керчь) и, наконец, Матарху (Таматарху) — «весьма древний город... город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается парод из всех близких и дальних краев»⁸.

С ростом и укреплением феодальных княжеств и юго-западном Крыму связано было усиление церковной организации в этом крае — реорганизация крымских епархий в митрополии (кроме Фульской), подчиненных непосредственно константинопольскому патриарху. В сущности эти митрополии территориально более или менее совпадали с княжествами и отдельными областями Крыма, в той или иной степени обособившимися: это — епархия Херсонская, к северу от нее — Готская и Фульская, далее к востоку — Сугдейская и Боспорская (см. карту). Приблизительно намечаемые границы их как бы указывают на границы феодальных княжеств и областей: церковная организация, как известно, всегда шла рука об руку с организацией политической.

Возрождение юго-западного земледельческого района непосредственно сказалось и на положении Херсона, ибо дало толчок развитию городского ремесла — и не только металлообрабатывающего и гончарного, но и художественного керамического. Ремесло теперь в большей степени, чем раньше, определяло облик города. Херсон вновь начал расти, строиться и перестраиваться. Городские окраины, долгое время пустовавшие, частью вновь заселились. Херсон в XII—XIII вв. все еще оставался сравнительно многолюдным по тем временам городом, наибольшим в Крыму. Население его достигло 4,5—5 тыс. человек. Это был город рыбаков и ремесленников, город с оживленной гаванью и рынками, куда съезжалось окрестное население, город, этнически пестрый и многоязычный. Здесь помимо греков жили армяне, аланы, евреи, сюда наезжали половецкие и итальянские купцы. Около середины XIII в. в Херсоне образовалась русская

колония из беженцев, спасавшихся от татарских погромов и занявших отдельный квартал. Можно сказать, что в XIII в. Херсон находился на подъеме, но на этот раз — последнем.

Иначе сложилась судьба восточных районов страны. С появлением итальянских купцов, сначала венецианцев, затем вытеснивших их генуэзцев, города восточного Крыма были вовлечены в мировую торговлю Западной Европы с Востоком, интенсивно развивавшуюся в XIII — XV вв. Торговые пути, шедшие прежде (до середины XIII в.) через порты Сирии и Палестины, во второй половине столетия проходили через порты Крыма и Приазовья. На первых порах, в XIII в., основным таким портом была Сугдея (Судак), позднее, в XIV в., с усилением генуэзцев им стала Кафа (современная Феодосия). Сугдея и Кафа, как и другие постепенно возникшие торговые фактории итальянцев в Северном Причерноморье (Тана — современный Азов, Кона, Чембало — современная Балаклава), составили звенья одной колониальной системы, в которой находил очень выгодное приложение их торгово-ростовщический капитал.

Уже в XIII в. восточный Крым благодаря быстрому росту своих городов, возродившихся после длительного упадка, стал экономически передовым районом страны. Неслучайно, что именно сюда направили свой первый удар татары.

Первым подвергся их нападению Судак. Это произошло в 1223 г. Нападение было, казалось, катастрофическим: судакские купцы бежали, торговля прекратилась, город опустел. Но татары ушли, жители вернулись, торговля восстановилась. Однако за первым набегом последовали другие (в 1238, 1248 и около 1249 г.); с тех пор татары подчинили Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (нынешний Старый Крым) во второй половине XIII в. обосновалась татарская администрация; город получил новое название — Крым, распространившееся позднее на весь полуостров.

Татарская агрессия в Крыму первоначально ограничилась восточным Крымом, причем зависимость от татар поначалу не шла дальше выплаты дани, ибо татары-кочевники еще не были в силах экономически господствовать в жизни страны. В конце того же XIII в. татары обрушились и на западный Крым. В 1299 г. полчища Ногая разгромили Херсон и Кырк-ер, прошли огнем и мечом по цветущим долинам юго-западного нагорья. Многие городки и поселки были сожжены и уничтожены. Херсон, также преданный огню и разрушению, после этого уже не имел сил подняться. Окончательно погиб он, вероятно, в самом конце XIV в. после опустошительного набега татарской орды Идикэ (Эдигея).

Таковы вкратце основные вехи исторического процесса, который можно проследить в Северном Причерноморье в XI—XIII вв. Период этот характеризуется ростом торговых городов в восточном Крыму, куда переместилось экономическое средоточие края, и появлением полусамостоятельных княжеств в юго-западном Крыму, иначе говоря, началом феодального расчленения Крыма. Завершился этот период татарской агрессией.

2

Обратимся к культуре средневекового Крыма XI—XIII вв. И здесь наши сведения относятся почти исключительно к юго-западной части края, преимущественно к Херсону. О культуре восточных районов Крыма в те времена мы почти ничего не знаем.

Херсон в последний период своей жизни (XI—XIII вв.) хотя и сократился (его западная часть в конце X в. опустела и превратилась в пустырь), все же оставался по масштабам средневекового Крыма сравнительно большим городом. Благодаря археологическим раскопкам, которые издавна (с 1888 г.) там ведутся, особенно раскопкам советского времени, мы можем довольно ясно представить себе картину его жизни. Это придает ему значение уникального памятника⁹.

В XII—XIII вв. Херсон был густо и тесно застроен — еще теснее, чем в X в. Правда, застройка не везде была одинаковой: если в восточной части города, в районе

порта, еще придерживались старой, античной планировки с ее прямоугольными кварталами, то на окраине города, в западной его части, наблюдалась стихийная застройка маленькими неправильными кварталами с кривыми узкими улочками; это было следствием того, что здесь нарушилась преемственность планировки, иначе говоря,— был перерыв в жизни западных районов Херсона. Но и старые большие кварталы теперь уже перестали соответствовать самому типу и характеру небольших жилых домов, лепившихся один к другому. Своими входами они большей частью были обращены не на улицу, а внутрь кварталов, где вследствие этого возникали площадки — туда с улицы вели проулки и тупики.

Все это существенно изменило облик города. Он весь как бы сжался: сократилась не только его территория, но уменьшились и сами усадьбы, плотнее, чем раньше, заполнявшие городские кварталы. Сплошная и тесная застройка лишь изредка прерывалась внутриквартальными площадками и немногими возвышавшимися над домами купольными храмами.

Заглянем в рядовую жилую усадьбу херсонца. От узких и пустынных улочек она отделялась каменным забором, что вообще типично для восточного города. Низкая калитка, украшенная сверху вставным камнем с крестом, призванным служить оберегом, или просто орнаментом в виде плетенки, вела во двор, маленький и тесный. Его обступали различные надворные постройки. В этих маленьких двориках и протекала вся хозяйственная жизнь херсонца. На краю двора женщины, сидя на корточках, перемалывали зерно на ручных жерновах, варили пищу на примитивных открытых очагах или, в домах побогаче, в небольших сводчатых мечях, сложенных из битой черепицы, с кирпичным подом. Здесь же под деревянным навесом помещался домашний скот — коровы, овцы, бараны и ослы, на которых перевозили тяжести. Возле стены двора обычно стояла и каменная кормушка для мелкого домашнего скота. Во дворе одного из раскопанных богатых домов помещалась небольшая баня с подпольным отоплением; по планировке и устройству она повторяет бани Армении и Грузии того времени; связям с этими странами Херсон, вероятно, и обязан появлением такого рода бань.

В углу двора жилой усадьбы обычно устраивали и низкий каменный чуланчик, где хранился хозяйственный инвентарь — большей частью рыболовные снасти; тут почти всегда находили множество рыболовных крючков, еще больше свинцовых колец для неводов, находили иглы для вязания сетей, багры, однажды нашли железную факельницу в виде ажурной чаши, куда вкладывали пропитанную горючим паклю,— с такой факельницей отправлялись ночью на рыбную ловлю.

Собственно дом, расположенный обычно в глубине дворика, состоял из нескольких помещений — частью одноэтажных, частью двухэтажных с двухскатным или односкатным черепичным покрытием. Нижний этаж дома был всегда каменным; верхний, куда снизу вела каменная или деревянная лестница, был чаще деревянным или с деревянным каркасом, заполненным саманными кирпичами. Здесь, вероятно, находились жилые комнаты. Их стены обмазывали глиной, затем белили, а в богатых домах увешивали, надо думать, тканями — как в одновременных домах Закавказья (мы их знаем по раскопкам армянской столицы Ани). И там и здесь на полках были расставлены цветистые поливные блюда (о них речь ниже), а также обиходная посуда, в углу висели иконки. Каждый дом имел вместительную кладовую, которая занимала одно из помещений нижнего этажа. В некоторых домах для этой цели приспособляли глубокие рыбозасолочные цистерны римского времени. В кладовую спускались по особой каменной лестнице. В кладовой хранились съестные припасы: зерно в огромных пифосах, частью вкопанных в землю, или крупных амфорах, служивших также тарой для мелкой соленой рыбы (хамсы) и для вина. Здесь же держали запас питьевой воды. Массу обугленных зерен пшеницы «крымки», остатки перепревшей хамсы, даже скорлупу яиц нередко находили при раскопках херсонских домов. Все в такой усадьбе было скученно, тесно и компактно.

Такого рода двухэтажные жилые дома с каменным низом и более легким, вероятно, деревянным верхом, часто нависавшим над нижним этажом, были широко распространены в причерноморских странах — в Крыму, в Малой Азии, в балканских странах (Болгарии, Румынии, Сербии), в Константинополе. Тип такого дома оказался очень устойчивым и с темп или иными местными особенностями дожил до недавнего прошлого. Обычный татарский двухэтажный жилой дом, сохранившийся кое-где в деревнях юго-западного Крыма, столь же архаичен по своему происхождению; сформировался он задолго до прихода татар.

Так выглядели жилые усадьбы херсонцев XII—XIII вв. В богатых домах было больше помещений, кладовые были вместительней, запасов в них больше. В домах победнее помещений было меньше и были кладовые скромнее.

Улицы Херсона были утрамбованы, а местами вымощены; но улицам были проложены крытые водостоки, сооруженные еще раньше и постоянно ремонтировавшиеся. В некоторых домах (по данным раскопок 1940 г.) для отвода дождевых вод применяли водосточные трубы, заложенные в стены. Продолжали пользоваться и гончарным водопроводом, снабжавшим город питьевой водой из загородных источников. В городе функционировала и общественная баня, расположенная на площади внутри одного из кварталов восточной части города, по типу очень близкая баням в Закавказье и Малой Азии.

Почти в каждом квартале Херсона на видном месте стояла маленькая приходская церковь, очень простая (прямоугольник с полукруглой апсидой). Каждый, даже небольшой, квартал в феодальном городе — это как бы маленький замкнутый мирок со своим патроном, которому и посвящалась церковь. А некоторые богатые херсонцы имели и собственные церкви, такие же простые и маленькие, умещавшиеся во дворах их городских усадеб. Церкви эти служили и родовой усыпальницей.

Строились в Херсоне и небольшие купольные четырехстолбные храмы; купол резко выделял их на фоне городского пейзажа. Некоторые из них были двухэтажными церквями-усыпальницами феодальной знати Херсона. Но ой архитектуре речь ниже.

Херсон оставался ремесленным центром. К продукции его металлообрабатывающего ремесла в XII—XIII вв. по-прежнему, как и в IX—X вв., относятся помимо многочисленных кованых гвоздей орудия труда — сошники, серпы, грабли, топоры-цапки, щетки для чески шерсти, зубила. Находки эти ясно говорят о сельском хозяйстве горожан: в жизни Херсона того времени натуральное хозяйство продолжало иметь, по-видимому, большое значение. Обращают внимание найденные части круглых и цилиндрических замков, аналогичных замкам в древнерусских городах.

Особенно развито было в то время гончарное ремесло. Ассортимент продукции херсонских гончаров был очень разнообразен. Больше всего херсонские гончары производили простую кухонную и столовую посуду: миски, тарелки, горшки с округлым туловом и плоской ручкой, очень похожие на такие же сосуды IX—X вв., кувшины с высоким носиком и со сливом. Весь этот керамический комплекс носит ясно выраженный местный облик, но некоторые формы (кувшины) находят себе близкие аналогии опять-таки среди одновременной керамики из городов Закавказья.

Широко бытовали и амфоры, также, несомненно, местного производства: небольшие с вытянутым грушевидным туловом и с поднятыми над горлом ручками; кроме того, производили крупные амфоры, также грушевидные, но с очень широким туловом и с характерными дуговидно поднятыми ручками; наконец, плоскодонные амфоры с коротким горлом и плоскими ручками. Первая из этих форм, генетически связанная с византийскими амфорами XI в. (хорошо известными в Константинополе), была широко распространена по всему Северному Причерноморью, а также на Дону и в городах Киевской Руси, куда их привозили, вероятно, из Крыма. Амфоры с дуговидными ручками специфичны для Северного Причерноморья; они столь же широко бытовали в Подонье и на Руси (древнерусская корчага исходит из этой формы амфор). Зато третья

форма — плоскодонные амфоры — вполне локальна: за пределами юго-западного Крыма она не встречается.

В Херсоне изготовляли, вероятно, на заказ и большие пифосы; в каждом доме их было по нескольку. От пифосов IX—XI вв. они отличаются более широким, словно раздутым туловом и узким массивным венчиком; гладкое тулово их обычно украшено медальонами по налепному валику. Эта форма вне Крыма также неизвестна.

В большом количестве производили в Херсоне и XII—XIII вв. и кровельные черепицы, нужда в которых тогда была очень большой: город, как говорилось, восстанавливался, запустевшие кварталы застраивались. В Херсоне раскопками открыты и две большие черепицеобжигательные печи XI в. Они расположены почти посередине северной прибрежной полосы города (см. план Херсона). Известно, что гончарные печи всегда устраивались на окраине города; следовательно, в XI в. здесь был край его. Но в дальнейшем расширявшаяся застройка вынудила перенести печи в другое место, а разрушенные остатки их были погребены под доном XII в.

По своему устройству эти печи следуют технической традиции VIII—IX вв. Они также сооружены из сырцовых кирпичей; длина их — 3,4 и 3,7 м; они имеют один продольный канал и три (в одной печи) и четыре (в другой) поперечных узких канала. Обе печи, овальные внутри, заключены в прямоугольный каменный массив.

По традиции херсонские гончары-черепичники ставили на черепицах (вернее, вырезали на матрицах) свои знаки. Уже известно около 140 различных знаков того времени. Чаще всего это отдельные греческие буквы, монограммы, реже — сокращенно написанные имена; нередко изображения всадников и птиц (те и другие иногда сочетаются), собаки, пляшущего скомороха с бубном — вполне реалистичные или схематичные, большей частью сопровождаемые буквой, которая, вероятно, оставалась основным знаком, а изображение, возможно, служило знаком ремесленной корпорации, подобной тем, которые существовали в Малой Азии. Обращают на себя внимание черепицы со сложными знаками, состоящими из нескольких букв, монограмм и одного более полно написанного имени; это скорее всего знаки членов артели гончаров, совместно работавших и эксплуатировавших большую гончарную печь.

Для культуры Херсона XII—XIII вв. очень показательна поливная керамика: посуда, покрытая свинцовой прозрачной глазурью и украшенная рисунком — орнаментом или изображением. Почти нет ни одного раскопанного жилого дома в городе, где ее бы не находили. Поливная керамика в Византии — явление сравнительно позднее: она появилась только во второй половине IX в.; декор ее был рельефный (см. гл. 3). Но начиная с XI в. украшение византийской поливной керамики резко изменилось — в подражание металлической посуде стала применяться гравировка, т. е. рисунок врезной лишней, сначала очень топкой. Такого рода византийские поливные блюда с изображением царственных всадников, Георгия-драконоборца, сцен укрощения зверей, с изображениями орлов, грифонов находили и в Херсоне. Многие из названных гравированных рисунков воспроизводят, вероятно, сюжеты популярного в то время героического эпоса, посвященного Дигенису Акриту, воплотившему доблести византийских воинов-стражей. Все эти блюда не местного изготовления; они были привезены из византийских центров. В XII в. ради усиления декоративного эффекта рисунок на византийских поливных блюдах стали выполнять толстой врезной линией. Большие блюда с таким декором (большей частью с рисунком стилизованной виноградной лозы), также привозные, нередко встречались в Херсоне.

Но в XII в., особенно во второй его половине, связи Херсона и всего Крыма с Византией ослабли, а в начале XIII в. с падением Константинополя оборвались вовсе. С тех пор прекратился ввоз византийских художественных изделий, зато наладилось местное производство поливной керамики, которая приобрела большую популярность среди горожан. Их вкусы и всю их художественную культуру хорошо отражает искусство херсонских гончаров. Поливная керамика Крыма приобрела ясно выраженные местные

особенности. Но в ней появились черты (в рисунке, как и формах посуды), сближавшие ее с поливной керамикой стран Закавказья, а через них — с керамикой всего Ближнего Востока. Это сказывалось и в орнаментике (лилии, различные орнаментальные фигуры-арабески) и в изображениях. Среди них выделяются сирийский — священная полуптица-полудева с человеческой головой и священный крылатый полуконь-получеловек, также с человеческой головой — образы, хорошо известные в качестве покровителей человека в искусстве Персии и Закавказья еще и сасанидское время, т. е. в V—VI вв., но совершенно чуждые византийскому культурному миру. В поливной керамике Херсона нашли себе место и целые композиции, заимствованные из дорогой персидской керамики, например знатный всадник, может быть царь, представленный на охоте (с соколом в руке, вооруженный луком), или знатный человек, сидящий по-восточному (поджав ноги) и пирующий; появились и имитации арабских надписей, превратившихся в орнаментальную вязь.

Культурное течение, связанное с Заморьем, постоянно находило в Крыму благоприятную социальную почву, особенно в Херсоне с его антивизантийскими тенденциями, сближавшими его со столь же оппозиционной Малой Азией и сопредельными странами.

Существенно дополняет сказанное характеристика монументальных памятников Херсона и тяготеющих к нему районов. Архитектура крестово-купольных храмов характеризует искусство богатых ктиторов — социальных верхов Херсона, — но она важна для понимания всей культуры Херсона и Крыма.

В монументальной культовой архитектуре Византии еще и IX—X вв. утвердилась композиция небольшого четырехстолбного крестово-купольного храма. Херсон в XI—XIII вв. унаследовал и удержал именно эту композиционную основу со свободно стоящими устоями. Однако эта основа была осложнена чертами, выработанными константинопольской архитектурной школой и свойственными преимущественно ей. Такими чертами наделен храм в Херсоне, поставленный близ акрополя на склоне к северному берегу — небольшой (6,6X11,4 м снаружи) крестово-купольный двухэтажный храм-усыпальница, трехапсидный, с четырьмя крестчатыми столбами и узким нартексом. Эта архитектурная схема известна нам в Херсоне уже в IX—X вв., но теперь она выглядит по-новому: помимо членений внутри здания появились и наружные членения трехступчатого профиля, обрамляющие впадины-филёнки. Эти наружные членения полностью соответствуют внутренним, образуя как бы архитектурный каркас с шестнадцатью устоями, соединенными сравнительно тонкими стенами. Такого рода глубокое расчленение фасадов, при котором стена трактована как заполнение, необычно в зодчестве греческих провинций и, наоборот, очень характерно для константинопольской архитектурной школы, как и для балканских стран (Сербии, Болгария) в XIII—XIV вв. Постолочному выглядят и гранные апсиды, а внутри храма — многоуступчатый в плане («перспективный») переход от подкупольного квадрата к апсиде. Как видно, херсонская феодальная знать стремилась к тому, чтобы ее храмы-усыпальницы выглядели постолочному. Богатство храмов подчеркивала их облицовка из гладкотесаного камня, типичная, однако, не для Константинополя, где было излюбленным чередование слоев кирпича и камня, а для Малой Азии и Закавказья,

Другая такая же церковь-усыпальница, но меньших размеров (снаружи 6 X 10 м), стояла в северо-восточной части города, близ главной улицы.

К этим двум храмам близка крестово-купольная церковь XIII — начала XIV в. близ с. Горянки (бывшая Лака, в районе Бахчисарая), ныне не существующая. Это небольшой куб (6,3X6,4 м) с равными ветвями креста, тремя апсидами (из них средняя — гранная) и четырьмя свободно стоящими восьмигранными колоннами; пониженные углы здания завершались плоскими сферическими сводами. Фасады храма, облицованные, как и в Херсоне, гладкотесаными плитами, также расчленены пилястрами, но они здесь плоские, вследствие этого членение неразвито: архитектурная система, разработанная в столичной

архитектурной школе, которую явно стремились воспроизвести строители храма в Горянке, превратилась здесь в плоскостную декорацию.

Все эти храмы составляют одну архитектурную группу, объединенную общностью композиции, техники постройки и приемов разработки фасадов. В этой общности сказалась ведущая роль Херсона, который на протяжении XII и XIII столетий все еще оставался экономическим и политическим центром западной половины Крыма, ибо к нему тяготели феодальные княжества всего этого района. Это был и церковный центр. А вместе с тем он был рассадником строительной и художественной культуры.

Культурное воздействие Херсона очень сильно ощущалось во всем юго-западном Крыму, особенно в городках княжества Феодоро. Одни из этих городков изучен лучше других — это Эски-кермен, древнее название которого неизвестно¹⁰. Поселение занимало плато узкой (шириной всего в 170 м) и вытянутой с севера на юг малодоступной горы, окруженной обрывами и крутыми скатами. С юга в город вела вырубленная в скале извилистая и сильно наезженная колесная дорога, переходящая в главную улицу. В XII—XIII вв. поселение не имело укреплений, было открытым (раннесредневековые крепостные стены, позднее утратившие боевое значение, были большей частью разобраны). Во время осады пользовались подземным хранилищем воды, куда спускались по лестнице в 95 ступеней. Вокруг в долинах были разбросаны земледельческие поселки.

Само плато, как показали раскопки, было почти сплошь и тесно застроено жилыми домами того же типа и облика, что и в Херсоне. Как и там, некоторые помещения дома были двухэтажными, причем нижний этаж был каменным, а верхний — деревянным или имел в основе деревянную конструкцию. Небольшие помещения нижнего этажа использовались в качестве хозяйственных кладовых с более или менее глубокими, вырубленными в скале прямоугольными подвалами для припасов, где стояли пифосы (обычно 2—4); для установки их на дне подвалов вырубали гнезда. Подвалы имели деревянное перекрытие, туда спускались по деревянной лестнице.

Помещения второго этажа были, как и в Херсоне, жилыми. Туда, как правило, поднимались по каменной лестнице. Дома, как и в Херсоне, были крыты массивной черепицей — частью херсонской, частью местного производства, что устанавливают рельефные ремесленные знаки. Очень вероятно, что второй этаж имел нависающие балконы (эркеры), ставшие с тех пор и до недавнего прошлого традиционной особенностью жилой архитектуры во всем Причерноморье.

Из-за недостатка места внутренние дворики эски-керменских домов, как показали раскопки, были еще теснее и меньше, чем в Херсоне. Как и там, дома выходили в узкие проулки с неизбежными при скученной застройке тупиками, которые вели от переулка ко входу в дом. Все это очень напоминает одновременные жилые кварталы Херсона, словно перенесенные в уменьшенном виде на плато Эски-кермен.

Все склоны Эски-кермен изрезаны пещерами (их насчитывают более 350); они различного назначения и разного времени, по большей частью XII—XIII вв. Одни пещеры служили хлевами для скота (сохранились вырубленные кормушки), в других были сооружены тарапаны для давки винограда и резервуары для виноградного сока. Это — подземная пещерная часть надземного города, составлявшая с ним одно целое.

Ближе к поверхности плато расположены небольшие пещерные церкви, воспроизводившие формы наземных. Их вырубали здесь не на поверхности, где и так было тесно, а в скале: это было намного дешевле и прочнее. Стены некоторых из них были оштукатурены и покрыты фресковой росписью, сохранившейся, однако, очень плохо.

Эски-кермен служил резиденцией местной землевладельческой знати. Именно ей, очевидно, принадлежали небольшие, также вырубленные в скале церкви-усыпальницы с замечательной фресковой росписью. Одна из таких миниатюрных церквей («трех всадников») высечена в огромном камне; ее трехлопастный план следует еще раннесредневековой традиции церквей-мавзолеев. На стене северной плоской ниши

сохранилось, хотя и поврежденное, изображение трех всадников — святых воинов в ярких парадных одеждах и с развевающимися плащами. Средний воин поражает змея-дракона, два других держат по копью. Стиль живописи, выполненный рукой большого мастера, характерен для византийского искусства XIII—XIV вв. Интересна сама тема изображения — Георгий всадник-драконоборец. Сюжет этот, сложившийся на византийском Востоке — в Малой Азии, стал там, как и в Болгарии, особенно популярным, вытеснив другие образы Георгия (мученика, пешего воина), в противоположность центрально-византийским областям, где такого рода изображения редки.

Другая пещерная церковка-усыпальница, очень простая (прямоугольник с апсидой), находится немного в стороне от Эски-кермена — на окраине современного с. Крепкого (бывшее Черкес-кермен). На стенах ее была прекрасная роспись, выполненная, как полагают, столичным художником. Сохранились остатки изображения Христа с пятью святителями, фрагменты росписи на евангельские сюжеты, часть изображения воинов Дмитрия Солунского и Георгия Победоносца, но не в виде всадника, а стоящего в рост. В узком аркосолии (нише) западной стены помещены изображения тех, кто был погребен в этой родовой усыпальнице, — мужская фигура в богатой красной одежде и две женские фигуры (одна из них в монашеской одежде). Возможно, что эта церковка входила в состав небольшого монастыря, подобного другим пещерным монастырькам юго-западного Крыма, возникшим еще в иконоборческое время в Качи-Кальоне, Чилтере, Шулдане, Тепе-кермене, Инкермане (см. стр. 34, 51-53).

По соседству с пещерными сооружениями, принадлежавшими этим монастырям, как там, так и в Эски-кермене, в скале вырублены зерновые ямы, расположенные обычно гнездом и повторяющие форму пифосов. Хранилища эти были, очевидно, связаны с сельским хозяйством монастырей, а часто встречающиеся там же пещеры с тарапанами указывают на занятия виноделием.

Эски-кермен в XII—XIII вв. был, по-видимому, экономически развитым городком со своим ремесленным производством — своими кузнецами и своими гончарами. Об этом свидетельствуют ремесленные рельефные знаки на черепицах, известные пока только на городище Эски-кермена и не встречающиеся в Херсоне. Но сельскохозяйственные занятия населения и противоположность Херсону здесь явно доминировали.

В самом конце XIII в. Эски-кермен, просуществовавший с перерывами почти тысячелетие, был разгромлен и сожжен нахлынувшими в Крым полчищами татар. Раскопки 1936—1937 гг. открыли картину страшного погрома, после которого жизнь городка замерла навсегда.

Недалеко от Эски-кермена (всего в 5,5 км) на плато большой столовой горы Маягуп высился замок обосновавшихся здесь (вероятно, в XII в.) владельцев княжества Феодоро — на месте некогда большого поселения Дорос (см. гл. 1). Позднее, в XIV и XV вв., он вырос в городок, который приобрел заметный политический вес в жизни Крыма, но материал по истории Мангуна в XII — XIII вв. пока очень скуден, и представление об облике поселения того времени составить еще трудно. То же надо сказать и о Чуфут-кале (возможно, что это древние Фуллы), ибо начатые здесь Е. В. Веймарном раскопки пока не дали большого материала интересующего нас времени.

Остаются неизученными и деревенские поселения, занимавшие плодородные речные долины юго-западного Крыма. Между тем они в то время, как говорилось, были, несомненно, густо заселены.

Еще меньше изучены города XI—XIII вв. в восточном Крыму — Кафа и Судак, больше известные в XIV—XV вв. (см. ниже, гл. 5). Правда, раскопки, которые в последние годы ведет в Судаке М. А. Фронджуло, уже принесли ряд важных открытий, относящихся к тому времени, но они еще не дают возможность нарисовать мало-мальски отчетливую картину жизни города.

Мы не имеем никаких данных и о тогдашних сельских поселениях восточного Крыма — ни об их хозяйственной жизни, ни об их культуре (в частности, ничего не

можем сказать о том, насколько удержались традиции алано-болгарского населения, некогда там доминировавшего). В историко-культурном отношении восточный Крым XI — XIII вв. — пока еще почти закрытая книга.

В конце XIII — начале XIV в. обозначился рубеж двух периодов истории средневекового Крыма. Содержанием первого из них было перемещение экономического средоточия Крыма в восточные его районы, а вместе, с тем оживление земледельческих поселений и городков в юго-западной части страны и образование здесь полусамостоятельных феодальных княжеств, но экономически еще, по-видимому, слабых. Конец этого периода отмечен татарским вторжением, катастрофически отразившимся на западных районах края.

Содержанием второго периода, охватившего XIV и XV вв. (вплоть до турецкого завоевания 1475 г.), были возвышение и, можно сказать, расцвет городов восточного Крыма, прежде всего Кафы и Сугдеи (Судака), благодаря интенсивным торговым связям Западной Европы с Востоком. В западных районах страны после первых татарских погромов наступило в XIV в. определенное затишье, вновь начало возрождаться сельское хозяйство и множиться население; среди продолжавших существовать феодальных княжеств выделилось и усилилось княжество Феодоро; начался процесс оседания татарской феодальной знати.

Все эти явления нам предстоит рассмотреть в следующей главе книги.

Глава 5

ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА В КРЫМУ (XIV — XV ВВ.)

1

С татарским завоеванием началась новая полоса в истории Крыма. Вышедшие в начале XIII в. из глубин Азии монголо-татары с невиданной быстротой покорили Китай, Среднюю Азию, Персию, затем Северный Кавказ, приволжские и донские степи и основали на захваченной ими территории могущественное государство — Улус Джучи (т. е. государство Джучи — сына Чингисхана), или, как его называли русские, — Золотую Орду. В течение XIII в. татарская гроза, «как туча, которую гнал ветер» (слова современника), все больше и больше приближалась к Крыму: за первым разгромом Судака в 1223 г. вскоре последовали другие набеги на Крым, пока древняя Таврика не стала татарским уделом.

Некоторое число татар тогда же, т. е. в первой половине XIII в., осело в Судаке и прижилось там, усвоив местную греческую культуру, а многие из них даже приняли христианство. Да и зависимость от татар на первых порах, видимо, еще слабо ощущалась и выражалась лишь в дани, которую местные правители (севасты) регулярно отвозили Батыю. Совершив набег, татары уходили, население возвращалось и город оживал. Об этом рассказывает современник — арабский писатель Ибн-ал-Асир. И только в 1299 г. смерчем пронесшиеся по Крыму орды Ногая полностью сокрушили Судак. Картина полного развала предстала перед глазами посетившего его в 1333 г. Ибн-Батуты¹.

В XIV в. в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появились первые феодальные поместья полуоседлой татарской знати (беев и мурз), получившие, судя по жалованным грамотам (тарханым ярлыкам), различные льготы, привилегии и иммунитет.

В хозяйстве их, несомненно, использовался труд рабов-пленников, но основным объектом эксплуатации со стороны татарских феодалов стало подвластное им греческое или огреченное земледельческое население. Татары обложили его многочисленными податями и всевозможными повинностями, в том числе денежными: население обязано было вносить «повинность с виноградников... амбарные пошлыны, плату за гумно, ясак с арыков, собираемый с подданных по раскладке, и подать и расходы, называемые каланом»

(это подать вообще с обрабатываемых земельных участков), не считая натуральных повинностей (поставлять подводы, предоставлять постой и корм во время постоя) и чрезвычайных поборов и налогов. Все это шло обладателю ярлыка, т. е. тархану².

В XIV в. из среды татар начал выделяться городской элемент, сосредоточившийся неподалеку от Судака — в Солхате, где обосновалась и татарская администрация³. Солхат (ныне г. Старый Крым), расположенный в 23 км западнее Феодосии, в широкой долине у подножия горы Агармыш, возник еще в античную эпоху, а в XIII в. здесь уже существовала большая армянская колония (Солхат или Сурхат — искаженные армянские слова Сурб-хач — святой крест). Армяне начали селиться здесь, вероятно, со времени тюркско-сельджукского нашествия на Армению во второй половине XI в. Они продолжали переселяться в Крым и в XII в. Особенно усилилась их эмиграция в XIII в., когда в Армению нагрянули полчища монголов, громившие ее цветущие города и села. Эмиграция армян направилась, с одной стороны, в Киликию (юг Малой Азии), где еще в XI в. возникло самостоятельное армянское княжество, с другой стороны — в Крым, где первое время они сосредоточивались именно в Солхате. В начале XIV в. армяне начали заселять и Кафу.

Маленький Солхат на редкость быстро, уже в начале XIV в., превратился в относительно большой торговый и ремесленный город и стал на некоторое время одним из наиболее важных центров экономической жизни Крыма, а вместе с тем и политическим центром татарского владычества. Татары дали этому городу название Крым, распространившееся впоследствии на весь полуостров. Арабский писатель начала XIV в. (Абу-л-Феда) называл Солхат «столицей Крыма».

Своим возвышением Солхат был обязан быстро разраставшейся торговле между Западной Европой и Азией. Торговля эта в значительной степени шла тогда через порты Крыма — Кафу и Солдайю, откуда караваны направлялись к Астрахани, затем к золотоордынскому городу на Волге — Сараю Бату, оттуда в Среднюю Азию и на Дальний Восток. В конце XIII и в первой половине XIV в. этот путь шел через Солхат, сюда съезжались и здесь вели оживленный торг мусульманские купцы из Средней Азии и Персии, привозившие кожи, шелк, пряности; приезжали русские гости с дорогими мехами, аланские купцы и итальянцы, скупавшие эти товары для вывоза в Западную Европу и сбывавшие здесь свои товары. Бойкая торговля в Солхате умножила богатство его владетелей и способствовала его росту. По сообщению одного арабского писателя того времени, город «насеяли люди разных наций, как-то: кипчаки (т. е. половцы), русские, аланы»⁴, армяне и, конечно, татары, о чем свидетельствуют старые надгробия с их именами.

В XIV в. Солхат был окружен крепостными стенами (их еще видели путешественники конца XVIII в.). Вблизи въезда в город находился караван-сарай в виде огромного пятиугольника площадью 2500 м² с порталом, богато украшенным резьбой. Он вел во внутренний двор с глиняным водопроводом; здесь вдоль степ шли легкие галереи на деревянных столбах, разделенные на отдельные комнатки для постояльцев. Под галереями складывали товар. Архитектурный тип такого караван-сарая был выработан, по всей вероятности, в Армении; уже в XII — XIII вв. он получил широкое распространение в сельджукской Малой Азии, где известно немало таких караван-сараяев; оттуда во вполне сложившемся виде эта форма общественных зданий была перенесена в Солхат.

В Солхате выросло и свое ремесленное производство, особенно гончарное. В частности, высокого уровня достигло изготовление художественной поливной посуды с украшением врезной линией, ярко расцветочной, и с росписью ангобом (т. е. раствором белой глины). Посуда эта часто встречается при раскопках в Солхате. Найдены и небольшие гончарные печи, где она обжигалась. В этих цветистых чашах и блюдах отражена давняя традиция, известная нам по керамике XIII в. в Херсоне. Налицо несомненная преемственность. В Солхате эта традиция получила дальнейшее развитие.

Солхат славился своими монументальными постройками. На фоне домов городского люда выделялись дворец ханов, который в конце XVIII в. еще видел ученый путешественник Паллас, и множество мечетей. В 1287—1288 гг. египетский султан Бейбарс послал 2000 динаров «для постройки мечети в Крыме».

Из трех сохранившихся в городе мечетей особенно интересна одна, построенная при хане Узбеке в 1314 г. Она очень проста по своим формам. Это базилика, обращенная к югу, с тремя парами столбов, продольно соединенных арками, и с деревянным двухскатным перекрытием. К мечети с южной стороны примыкает медресе — высшая мусульманская школа. Обширная квадратная постройка имела внутри большой вымощенный двор, куда вел торжественный портал с богатой резьбой (мы его знаем по акварели конца XVIII в.). Во двор обращены три широкие сводчатые ниши, соединенные цепочкой аркад, за которыми скрывались маленькие помещения для занятий. Здесь изучали коран, а в связи с этим — арабский язык; занимались законоведением, представлявшим собой дальнейшее развитие моральных предписаний корана; изучали риторику, логику, философию, арифметику и астрономию, применявшиеся все в той же религиозной сфере — они нужны были для понимания мусульманского календаря, для определения времени молитв и для других обрядов.

В здание медресе было включено небольшое дюрбе (мавзолей) с мраморным надгробием, украшенным тонко вырезанным орнаментом с позолотой.

Архитектура солхатской мечети-медресе также ведет нас в сельджукскую Малую Азию, где хорошо представлена композиция такого рода зданий. Малоазийским образцам в Солхате следовали неотступно и лишь упрощали их. Очень вероятно и прямое участие в татарском монументальном строительстве заморских зодчих. Надо сказать, что сами татары, тогдашние кочевники, так и не создали своей монументальной архитектуры; они заимствовали ее из Малой Азии.

Солхатская мечеть сохранила два драгоценных образца резьбы по камню — на портале со сталактитовой нишей и на обрамлении михраба (молитвенной ниши). Преобладающий там и здесь орнаментальный мотив — сплетенные между собой, окруженные пышной листвой пальметки и растительные побеги. Обрамление михраба наполнено вьющимися спиралями с прихотливо извивающимися отростками. В этот сплошной узор мастерски вписана надпись. Такого рода богатая растительная орнаментика в XIII—XIV вв. была очень популярна в Закавказье (особенно в Армении) и в сельджукской Малой Азии, где многие мечети строили или украшали именно армянские мастера. Из северо-восточных районов Малой Азии эта орнаментика перешла в Солхат и с тех пор стала излюбленной в искусстве различных народностей Крыма.

А вблизи Солхата, в лесной чаще окрестных гор, сохранился армянский монастырь Сурб-хач — очаг армянской культуры в Крыму (в его скриптории создавались замечательные рукописи с миниатюрами), идейный центр тогдашней армянской колонии. Храм построен в 1338 г. По своей композиции он очень близок архитектуре XII—XIII вв. в самой Армении, хотя и выполнен в типично крымской технике и выглядит несколько провинциально. Но портал храма украшен резьбой, такой же, как на мечети Узбека, — и по рисунку, и по мастерству исполнения.

Этнически пестрым, оживленным и многолюдным выглядел Солхат-Крым в XIV в.

2

Своим ростом и богатством Солхат во многом был обязан соседней Кафе (современная Феодосия), которая во второй половине XIV и в XV в. заняла господствующее положение в экономической жизни Крыма. К тому времени Кафа выросла в наиболее крупный город и порт Крыма и благодаря своему значению в торговле Западной Европы с Востоком стала одним из важных центров во всем Средиземноморье. В XIV в. эта торговля перешла в руки итальянских купцов, преимущественно генуэзцев⁵.

Они появились на северных берегах Черного моря еще в XII в. (об этом говорилось выше), а в середине следующего столетия (в 1261 г.) за помощь, обещанную ими императору Михаилу Палеологу в сокрушении латинского владычества в Византии, получили исключительное право торговли на Черном море и одновременно добились запрещения торговать здесь венецианцам. Вскоре после этого, в конце 60-х годов XIII в., генуэзцы основали в Кафе, тогда глухом греко-аланском поселке, находившемся под властью татар, свою торговую факторию. Их давние конкуренты — венецианцы — тогда же обосновались в Солдае (нынешний Судак), установив и связи с Таной (нынешний Азов близ устья Дона). Начавшаяся в 1350 г. из-за торговой конкуренции шестилетняя война между Венецией и Генуей привела к победе генуэзцев, с тех пор и до прихода турок (1475 г.) они почти безраздельно господствовали в черноморской торговле. Генуэзцы завладели Солдаей и основали целый ряд торговых факторий: в Воспоре (Боспоре, т. е. нынешней Керчи), в Чембало (нынешней Балаклаве), а в Приазовье — Тану, откуда в большом количестве вывозились хлеб и соленая рыба (а также икра), преимущественно в Византию и Геную. Тана сильно выдвинулась в торговле итальянцев с восточными странами. Водный (по Дону) и караванный пути вели в Астрахань, откуда дорога разветвлялась: одна шла вдоль Каспия в Закавказье и далее в Персию, другая — в Среднюю Азию (через Сарай-Бату на Волге и Ургенч). Солхат остался в стороне от этих путей; к концу XIV в. он пришел в упадок. Несколько торговых факторий основали генуэзцы на восточном побережье Черного моря — в Коне (в устье р. Кубани), Севастополе (нынешнем Сухуми) и на южном побережье Черного моря — в Трапезупде, Синопе, Амастре и др.

Но центром всех этих колоний, административным и политическим, средоточием всей черноморской торговли стала Кафа. Генуэзцы изгнали из черноморской торговли греческих купцов, а своего кафинского консула именовали «главой (Кафы) и всего Черного моря»⁶, что имело тогда вполне реальное содержание. В XIV и в XV вв. Кафа приобрела значение важнейшего международного центра торговли Запада с Востоком.

В XIV в. в эту торговлю включилась и Москва. Московские купцы, которых по традиции продолжали называть «гостями-сурожанами»⁷, все чаще и чаще ездили в Кафу, прельщавшую их своими международными связями, а греческие, армянские и генуэзские купцы из Кафы ездили в Москву, где обрели новый большой рынок для своих товаров. Особенно широкий размах эта «сурожская» торговля с Кафой и через Кафу (отсюда русские купцы ездили и в малоазийские города) получила во второй половине XV в., продолжалась она и в XVI в. Московские «гости» приезжали сюда ежегодно большими группами (правильно организованными караванами), привозили крупные партии северных мехов (соболей, горностаев, лисиц) и изделия из них, а также холсты, кожи, вооружение (колчаны, стрелы и пр.), находившие сбыт главным образом среди татар. В Москву из Крыма они вывозили дорогие шелковые ткани и такие редкие в Москве товары, как мыло, сахар, миндаль, пряности. Вместе с купцами в Кафу приезжали и московские ремесленники — скорняки, ювелиры, изделия которых, по-видимому, особенно ценились в Крыму. Здесь они работали и имели свои лавки. Как и московские «гости», ремесленники жили в Кафе особой колонией. Те и другие, как видно, явились весьма заметным и активным элементом в жизни Кафы.

Кафа быстро росла и к XV в. стала одним из наиболее многолюдных городов Средиземноморья. Современникам казалось даже, что Кафа столь нее многолюдна, как Константинополь. Во второй половине XV в. здесь насчитывали до 8000 домов с 70 000 населения⁸. Столь большого города еще не знала история Крыма.

В XIV в. Кафу населяли преимущественно греки и армяне, с течением времени увеличивалось и число татар. В дальнейшем, в XV в., особенно быстро росло армянское население: армянская колония в Кафе возникла в начале XIV в. (не позднее 1316 г.), в 1439 г. армяне составляли уже половину всех горожан, а в 1475 г. — две трети. Кроме того, большое число армян, как сказано, жило в Солхате, Солдае и других городах

восточного Крыма. Армянское население настолько разрослось, что Крым стали называть «приморской Арменией». В городе жило и много евреев. Документы упоминают среди жителей валахов (румын), поляков, грузин, мингрельцев, черкесов (восточные народности генуэзцы объединяли под названием сарацины). Это был большой многоязычным морской торговый и ремесленный город.

В гавани Кафы грузились товары, доставлявшиеся из Поволжья, Средней Азии, из далекой Индии и северной Московии. Очень большой удельный вес получил вывоз зерна, особенно проса, затем ячменя и, наконец, пшеницы, производившихся в Крыму, на равнинах Приазовья и Прикубанья, и соленой рыбы. Продовольствие направлялось главным образом в Константинополь, который в те времена снабжался преимущественно из Крыма. Перебои в подвозе доводили византийскую столицу чуть ли не до голода; об этом рассказывает византийский хронист Никифор Григора. Крым снова стал одной из житниц Европы. Добывавшаяся в Крыму соль, торговлю которой генуэзцы монополизировали, шла в рыбацкие поселки северокавказского побережья. Вывозили и строевой лес с южного побережья.

Генуэзцы широко вели и работорговлю: в Кафу сгоняли черкесов, абхазцев, грузин, которых покупали, как правило, в Копе, а также пленных татар и русских. Невольников отправляли египетским султанам для их войска и вывозили на Запад. Работорговля, о которой прямо говорится в Уставе Кафы 1449 г., приносила генуэзцам большие барыши.

Кафа XIV и XV вв.— интенсивно развивавшийся ремесленный центр⁹. Документы упоминают булочников, мясников, портных, скорняков, мыловаров, кожевников. Большое значение в Кафе приобрели ремесла, связанные с судостроением (здесь строили преимущественно небольшие весельные галеры); в судостроении были заняты кузнецы, плотники, батифолии (изготавливавшие железные листы для обшивки корпуса судна), конопатчики, прядильщики и ткачи парусов и пр. Возможно, что уже тогда, с конца XIII в., группы ремесленников (канатчики, конопатчики, каменщики, скорняки) были объединены в цехи.

Развитие внутренней торговли и ремесла, сопровождаемое ростом денежного обращения, вызвало необходимость выпуска собственной монеты. Чеканка ее началась в Кафе не позднее конца XIV в. и продолжалась (возможно, с перерывами) до начала 70-х годов XV в. Основной денежной единицей, имевшей хождение в городе, была мелкая монета — серебряный аспр. На лицевой его стороне помещался герб Генуи и латинская надпись, на обратной — татарская тамга (т. е. клеймо; первое время — тамга Золотой Орды, а с 30-х годов XV в.— тамга крымских Гиреев) и арабская надпись, так как монеты предназначались и для торговли с татарами и тем самым должны были служить одним из средств экономического влияния генуэзцев в татарских центрах. Особая монета чеканилась в Тане.

Шумная и неугомонная, вечно бурлящая, торговая и ремесленная Кафа была полна социальных контрастов. Они порождались не только неравноправием генуэзцев и всей остальной массы горожан, но и углублявшимся расслоением внутри основных групп населения города — купечества и ремесленников.

Ремесленная среда Кафы не была однородна. С одной стороны, с течением времени увеличивалась масса разорявшихся ремесленников, попадавших в долговую кабалу; лишившись средств производства и оказавшись вне цеха, они превращались в наемных рабочих, беднейшую прослойку населения города. С другой стороны» выдвигались зажиточные ремесленники, пользовавшиеся наемным трудом, а некоторые — и рабами, становившиеся крупными купцами и ростовщиками: Эти социальные контрасты неизбежно усиливались и обострялись.

Многочисленные мелкие ремесленники вместе с мелкими торговцами из греков л армян, евреев и татар с их ограниченными интересами, задавленные растущими налогами и податями и также разорявшиеся; наемные рабочие и хамалы-грузчики, живите особым кварталом, и просто городская голь, перебивавшаяся случайным заработком,— все эти

«ничтожные люди» (*homines minuti*, как их называли генуэзцы) составляли основную массу населения Кафы, экономически порабощенную и политически бесправную.

Этой основной массе населения противостояла другая социальная группа — богатые генуэзские купцы и феодалы, ростовщики и работорговцы с их международными связями. Их было очень немного (в 1308 г.— всего 300 чел., а в конце генуэзского владычества, в 1475 г.,— около 1000 чел. на 70 000 населения), но зато вместе с князьями латинской церкви они составляли привилегированную верхушку общества. К ним тянулись богатые купцы и ростовщики из числа греков и армян и разбогатевшие ремесленники, становившиеся купцами и ростовщиками. Генуэзцы вынуждены были их также наделить политическими правами (правом участия в управлении). Вместе с генуэзцами они являлись господствующим классом Кафы.

Всю эту сложную социальную иерархию завершал созданный генуэзцами аппарат власти¹⁰, призванный руководить черноморскими колониями генуэзцев и осуществлять безудержную эксплуатацию местного населения. Массу высших и низших чиновников возглавлял консул, ежегодно назначавшийся из Генуи. Его охраняли конная гвардия в 20 человек и дворцовая стража. При консуле состоял совет провизоров (попечителей), в обязанности которого входило, по-видимому, общее наблюдение за торговлей; он ведал полицией, постройкой и ремонтом крепости Кафы и городским благоустройством. Кроме того, существовал совет старейшин (8 человек), назначавшийся консулом и являвшийся органом общего контроля. Далее шли два массария (управляющие финансами) с целым штатом чиновников, 16 синдиков (судей), торговый комитет, продовольственный комитет и военный начальник города, ведавший дневной и ночной стражей при городских воротах. Гражданская власть находилась в руках базарного пристава, собиравшего пошлины с привозимых на базар продуктов и наблюдавшего за их продажей, и откупщиков различных сборов и податей (в Кафе взимался даже налог за получение должности; практиковалась и продажа выгодных должностей с публичных торгов).

В середине XV в. произошли некоторые перемены в административном устройстве Кафы, вызванные тем кризисом, который испытывали тогда генуэзские колонии,— турки в 1453 г. захватили Константинополь и прервали морской путь в Геную. В связи с этим власти Генуи в том же 1453 г. передали все черноморские колонии и власть в них генуэзскому банку св. Георгия, который, вкладывая средства в черноморскую торговлю, и до того был там фактическим хозяином. Но эта передача внесла лишь незначительные изменения в структуру управления черноморскими колониями и не изменила ее характера. По-прежнему генуэзская администрация, насквозь продажная, постоянно и открыто покровительствовала купеческой и феодальной знати, т. е. тем, из кого можно было извлечь больше выгоды, иногда даже в ущерб престижу генуэзской власти в Крыму. Жалобами ремесленников и мелких торговцев на взяточничество и насилия генуэзцев наполнены документы по истории Кафы. Городской люд страдал и от непрерывно возрастающих налогов и от дороговизны па продукты питания, особенно после неурожаев в 50-х годах XV в.

Вполне понятна поэтому та враждебность местного населения, которую генуэзцы постоянно испытывали; и чем дальше, тем сказывалась она все острее. Дело доходило до открытых восстаний. Так, в 1454 г. па улицы вышла вооруженная демонстрация с возгласами: «Да здравствует народ, смерть нобилям!» (т. е. знатым)¹¹. А в 1475 г., когда Кафу осадили турки, ненависть к генуэзцам вылилась во всеобщее восстание греко-армяно-татарского населения, заставившего латинян сдать город и угрожавшего, по словам очевидца, «в противном случае перерезать на куски всех латинян, которые находятся в городе Кафе»¹². Так бесславно закончилось владычество генуэзцев в Крыму и на Черном море.

Выразительным памятником этого владычества являлась крепость, которую построили генуэзцы в Кафе. Кафа состояла из двух укрепленных частей, защищенных массивными стенами с 26 башнями. Первая из этих частей — внутренняя крепость,

цитадель генуэзцев — занимала небольшой приморский участок (примыкающий к нынешнему Карантину); другая часть, внешняя, в три раза большая, являлась собственно городом; существовали и предместья — открытая часть Кафы.

Цитадель Кафы, превращенная генуэзцами в неприступную крепость, была административным центром города. Здесь находились дворец консула и пристроенное к нему здание суда, в котором была установлена и «машина для пыток». С балкона этого здания оглашались консульские постановления. В цитадели размещались казначейство, контора для проверки весов и взыскания пошлин с сыпучих товаров, склады и магазины. Здесь же находилась резиденция латинского епископа. Здания эти не дошли до нас, но мы знаем о них по упоминаниям в источниках.

Зато частью сохранились мощные и высокие (до 10,5 м) стены цитадели с рядом прямоугольных башен. Одна из них, угловая и самая большая, защищавшая ворота, была построена в 1348 г. и названа именем папы Климента VI, оказывавшего покровительство генуэзским купцам Кафы. Башня прямоугольная, трехэтажная, с одним рядом бойниц, откуда велся обстрел ядрами из пушек. Так же выглядели и другие башни.

Внешний город, т. е. основная часть Кафы, протянулся широкой полосой вдоль моря почти на километр. Со стороны суши и с моря он был обнесен столь же мощными зубчатыми стенами с многочисленными башнями — прямоугольными и круглыми, с бойницами и машикулями. Перед сухопутной линией шел выложенный камнем глубокий ров с перекинутыми через него каменными мостами, ведущими в ворота города (их было не меньше пяти). Одна из башен этой части города — башня св. Константина — до сих пор стоит в городском саду, около вокзала. Все эти укрепления сооружались в пору наибольшего могущества генуэзской Кафы — во второй половине XIV в. и в первой половине XV в. Поддержание укреплений было предметом особых забот кафинского консула.

Внутри город делился на множество небольших тесно застроенных и густо заселенных кварталов с узкими извилистыми улочками, с каменными лачугами городской бедноты, жившей своими особыми кварталами (таким был квартал грузчиков-хамалов), с домами купцов, ремесленными мастерскими, с лавками и базарами.

Картину дополняли караван-сарай для заезжих купцов с их товарами и типичные для большого города кабаки и публичные дома (кстати сказать, официально признанные).

В вечерние часы городская жизнь замирала: генуэзцы требовали (под угрозой штрафа), чтобы ворота домов запирались и гасился свет в 8 часов вечера летом и в 9 часов вечера зимой; только караван-сарай освещать разрешалось на час дольше.

Стремительно росшему городу с течением времени стало тесно внутри городских стен: он перешагнул их. Так возникло несколько загородных поселков (предместий) с такими же, как в городе, улочками и каменными лачугами. Здесь же находились и запасные цистерны для воды, скотопрогонные дворы и склады сена и дров.

Кафа была сравнительно благоустроена. В ней имелась развитая водопроводная сеть, по ней подавалась вода из водосборищ, расположенных на окрестных открытых холмах. Но использовали и дождевую воду, которую собирали в запруды; добывали воду и посредством дренажа. А кроме того, были устроены и запасные цистерны для воды, откуда ее направляли в городские колодцы и типичные для Кафы «фонтаны» (водоразборные сооружения).

Как и во всяком средневековом городе, в Кафе было множество храмов, в большинстве латинских (в середине XV в. их насчитывалось 17), и два латинских монастыря со школами при них, а также греческие храмы и два греческих монастыря, армянские, русские храмы, мусульманские мечети и синагоги. Латинские монастыри являлись центрами, руководившими миссионерской деятельностью римско-католической церкви на Востоке — в Средней Азии, Персии, Индии и на Дальнем Востоке. Прибыв в Кафу, молодые миссионеры, изучив восточные языки, присоединялись затем к торговым караванам, отправлявшимся в далекие страны.

Особое значение для генуэзцев имела миссионерская деятельность среди местного городского населения — армян, греков и татар — с целью обращения их в лоно католической церкви, что способствовало бы господству над ними. Однако эта пропаганда имела успех лишь у богатой греко-армянской, отчасти татарской верхушки, стремившейся к политическому равноправию с генуэзцами.

В 1438—1439 гг. латинский епископ Кафы даже добился унии армянской и римско-католической церкви. Но основная масса горожан не поддавалась католической пропаганде, напротив, она вызывала с их стороны резкое противодействие. Особенно важно было для генуэзцев приобщение к католической церкви армян, составлявших, как говорилось, абсолютное большинство населения города.

Архитектура армянских храмов Солхата и Кафы хорошо отражает эти церковные противоречия и скрытый под их покровом политический антагонизм¹³. Скромная, построенная еще в середине XIV в. армянская церковь Иоанна Предтечи (на территории нынешнего Карантина) в виде небольшого зала, увенчанного куполом, и с апсидой, не выступающей наружу, воспроизводит формы, характерные для собственно армянской архитектуры XIII—XIV вв. Не менее характерны и погрудные рельефы апостолов в верхней части апсиды (сцена евхаристии — причащения). Такого рода обобщенные рельефные изображения типичны опять-таки для армянской монументальной пластики того времени.

Еще полнее основные черты армянского зодчества проявились в упомянутом храме 1338 г. монастыря Сурб-хач близ Солхата. Армянские черты сохранила и церковь Сергия XIV в. в Кафе, позднее сильно перестроенная.

Работавшие в Крыму армянские зодчие, как и писцы и художники, создавшие в скрипториях (своих мастерских) при монастырях и церквях замечательные рукописи с миниатюрами, были наследниками попоранной монголами в самой Армении армянской культуры, продолжавшей жить, по иронии судьбы, в татарской среде — в татарском Солхате и армяно-татарской Кафе. Армянские храмы в Кафе и Солхате, как и армянские рукописи с миниатюрами, показывают, что переселившиеся в Крым армяне не только не утратили перенесенной с родной почвы своей богатой, слагавшейся веками художественной культуры и не растеряли ее в новой обстановке, живя бок о бок с генуэзцами, греками и татарами, но, наоборот, обогатили своим искусством местную культуру. Совсем иначе выглядит армянская церковь Михаила и Гавриила в Кафе, построенная в 1408 г. Здание состоит из широкого нефа и трансепта (т. е. поперечного нефа); наружным массам храма придана форма латинского креста с куполом на барабане в средокрестье. Здание воспроизводит в упрощенном виде формы католической архитектуры Западной Европы и находит себе близкие аналогии в Италии. С собственно армянской архитектурой храм не имеет ничего общего. Эта упрощенная западноевропейская форма армянского храма вполне объясняется приобщением к римско-католической церкви богатого армянского купечества — ктиторов храма, т. е. тех, на чьи средства он строился.

В Кафе сохранились и греческие храмы XIV в. очень простой архитектуры (прямоугольное сводчатое помещение под двухскатной кровлей с полукруглой апсидой), внутри расписанные фресками. Полнее всего они дошли до нас в церкви Стефана; фрески свидетельствуют о незаурядном мастерстве греческих художников Кафы. Существовали в Кафе и синагоги (одна из них, XIV в., была уничтожена немецко-фашистскими захватчиками).

Все эти здания XIV и XV вв., за исключением явно западноевропейских, пронизаны в сущности единством стиля вне зависимости от этнической принадлежности памятника: один и тот же по рисунку декор свойствен и татарской мечети и медресе, и армянскому или греческому храму, и еврейской синагоге; мы встречаем его даже в генуэзских строительных надписях, украшенных «крымско-сельджукской» орнаментикой (на самом деле армянской по происхождению); особенно интересна в этом отношении надпись на башне консула Джудиче 1392 г. в Солдае.

Это единство искусства вполне понятно в таком этнически пестром городе, каким была Кафа, где повседневно общались и находились в тесных деловых связях самые различные народности. В этой обстановке неизбежно сглаживались присущие каждой народности особенности, формировалась единая культура, меньше проявлялось и многоязычие. Население Кафы членилось не столько по этническому признаку, сколько по социальному положению, которое определялось в Кафе деньгами и властью.

Ненависть населения к генуэзцам очень облегчила туркам в 1475 г. овладение городом, почти не оказавшим сопротивления. Не спасли генуэзцев ни мощные стены Кафы, ни неприступная, как им казалась, крепость Солдайи.

3

Солдайя (нынешний Судак) была захвачена генуэзцами в 1367 г. Утратив с возвышением Кафы значение торгового города, Солдайя во второй половине XIV в. была превращена генуэзцами в военно-стратегический форпост в Крыму и оставалась им до турецкого завоевания¹⁴. Вместе с тем Солдайя стала как бы стражем феодальных владений генуэзцев, сосредоточенных в этом районе, который и тогда славился виноградарством, виноделием и садоводством. Земли эти с 18 селениями (протяженностью около 40 км) были ими захвачены также в 1365 г. Татары, правда, вскоре отобрали их у генуэзцев, но к концу столетия они (генуэзцы), пользуясь ослаблением Золотой Орды (после поражения на Куликовом поле в 1380 г.), сумели не только закрепиться в этом районе, но и распространить свою власть на все побережье Крыма от Солдайи до Чембало (нынешней Балаклавы) — на «приморскую Готию» (называвшуюся тогда *la samragna*). Ею управлял генуэзский «капитан Готии», но наряду с ним там сидел татарский наместник (тудун). Однако власть генуэзцев на побережье «Готии», удаленной от Солдайи и Кафы, была больше номинальной. Зато полновластными хозяевами они были в районе Солдайи с ее 18 селениями. Эти земли, населенные греками, получили в свое владение генуэзские феодалы братья Гуаско, насадившие здесь худшие порядки феодального поместья. Они творили суд и расправу над своими крестьянами (для чего учредили особые судебные камеры), содержали вооруженные отряды, ставили на дорогах виселицы и позорные столбы. Крестьян облагали штрафами и произвольно установленными налогами. Ограбленное и запуганное население деревень спасалось бегством.

До сих пор на скалистом мысу в 23 км западнее Судака возвышается наполовину обрушившаяся большая круглая башня-донжон замка Гуаско (ныне Чабан-куле). У подножия башни сохранились основания стен их дворца, а по склону видны следы жилых домов.

Солдайя имела свою особую администрацию, подчиненную Кафе, во главе со своим консулом (являвшимся и комендантом крепости и ее казначеем). В крепости находился небольшой гарнизон (20 наемных солдат и 8 конных стражников).

Владычество генуэзцев и здесь олицетворяла величественная крепость, правда, не столь уж неприступная, как казалось. Она высится на конусообразной горе, резко обрывающейся к морю и сначала круто, затем полого спускающейся к северу. Она строилась более 40 лет — с 1371 по 1414 г. Над крепостью господствовала цитадель с маленьким двориком (замок св. Креста), обнесенная мощными стенами с бойницами и с двумя массивными зубчатыми башнями; одну из них занимал консул. В башне находилась домашняя часовня, под ней — арсенал оружия и боеприпасов. Из замка консула обозревалась вся крепость и подступы к ней со стороны моря.

От консульского замка линия стен шла вдоль обрыва, взбиралась па вершину скалы, которую венчала трехэтажная сторожевая башня. У подножия консульского замка на пологом склоне расположилась собственно крепость, площадью около 30 га, отгруженная сплошной линией высоких, но не толстых (1 — 1,5 м) зубчатых стен общей

протяженностью 800 м с 12 трехэтажными башнями. В каждую из них была вставлена торжественная надпись с указанием года постройки, имени консула, с его родовыми гербами и гербом Генуи. В северной части крепости под защитой двух башен находятся единственные ворота, построенные в 1389 г. Полотнища ворот поднимались и опускались с помощью блоков; в ворота вел мост через ров. На ночь ворота запирались, выставлялся усиленный караул; Солдаия напоминала осажденный лагерь.

В крепости размещались официальные учреждения, жилые постройки и две большие, крытые сводами, цистерны для воды.

От догенуэзских построек Солдаия в крепости уцелела небольшая мечеть, сооруженная татарами еще в первой половине XIV в. и превращенная генуэзцами в католическую церковь. Это — кубическое здание, увенчанное плоским куполом на веерообразных парусах — переходах к куполу (аналогичные известны в те времена в Малой Азии), и с хорами. Михраб украшен резьбой с растительной орнаментикой, обычной в Крыму в XIV—XV вв.

Вне крепости располагалась загородная слободка, населенная тогда греками. Маленькая приходская церковка их сохранилась до сих пор. Мимо западной окраины крепости и стоящей напротив нее башни Астагвера 1386 г. шла дорога в гавань Солдаия, некогда весьма оживленную (при генуэзцах она утратила прежнее значение).

Кафа, Солдаия и Воспоро обеспечивали господство генуэзцев в восточной части побережья Крыма. В середине XIV в. они предприняли попытку подчинить себе и западную часть полуострова, захватив (незадолго до 1345 г.) старый греческий рыбацкий поселок на западной оконечности южного побережья — Балаклаву (под именем Балыкая ее упоминает русский путешественник XV в. Афанасий Никитин), расположенную в глубоко вдающейся к материком лагуне редкой удобной бухте. Пая узким входом в бухту, на вершине высокого мыса, с южной стороны обрывающегося в море, генуэзцы построили свою цитадель, господствовавшую и над бухтой и над всей крепостью, которой дали новое имя — Чембало.

Строительство это они начали в 1357 г. и в основном завершили в 1433 г. Крепость, как и в Солдаие, состояла из двух частей: верхнего города св. Николая, являвшегося цитаделью с консульским замком, и нижней крепости — города св. Георгия, окруженного крепостной стеной, шедшей вдоль бухты и затем поднимавшейся по склону горы к цитадели. В крепости у самой оконечности мыса стоял маяк, а вход в бухту преграждала цепь. В XV в. этот рыбацкий городок (здесь генуэзцы скупали соленую рыбу и отправляли ее на Запад) был, по-видимому, густо заселен, на что указывают следы сплошной застройки; имел он и развитую систему водоснабжения.

4

Чембало приобрел для генуэзцев особое значение как крайний западный форпост их в Крыму, направленный против греческого феодального княжества Феодоро, усиление которого во второй половине XIV в. представлялось генуэзцам прямой угрозой не только Чембало, но и всему их владычеству в Крыму. Политическое значение Чембало еще больше возросло в начале XV в., когда владельцы Феодоро захватили и побережье, а в устье Черной речки (возле нынешнего Инкермана, близ Севастополя) был основан порт Каламита. Правители Феодоро мечтали о большой приморской гавани, стремились создать нечто подобное порту соседнего Херсона, лежавшего тогда в развалинах. Недаром княживший в то время в Феодоро князь Алексей называл себя «владельцем Феодоро и поморья».

Ради безопасности гавани Алексей в 1427 г. построил вблизи нее — на скалистой возвышенности, на месте ранне-средневековой крепости Каламиты (см. гл. 1) — новое небольшое укрепление, состоявшее из трех куртин с пятью двухэтажными полубашнями и воротами, частью сохранившимися. По стены крепости были топки, и вся она не

отличалась мощностью: ее создавали как будто наспех. Во времена существования княжества Феодоро Каламита была сравнительно крупным поселением — ему принадлежало большинство многочисленных жилых и хозяйственных пещер в инкерманской скале и некоторые пещерные церкви¹⁵. Поселение это было тесно связано с соседним портом, который уже в первые десятилетия XV в. получил немалое торговое значение для княжества явно в ущерб интересам генуэзцев. Роль порта резко возросла после падения Константинополя в 1453 г., когда в черноморскую торговлю включились турки. Суда их, груженные, в частности, невольниками, направлялись именно в Каламиту, которая поэтому стала опасным конкурентом не только генуэзского Чембало, но и Кафы.

Княжество Феодоро, занимавшее тогда значительную территорию юго-западного Крыма и прилегающее побережье, образовалось еще в XIII, если не в конце XII в. (см. главу 4). Владетели его Гаврасы-Тарониты, вероятно ставшие (после изгнания их из Трапезунда) фактическими правителями Херсона, в дальнейшем распространили свою власть и на горный земледельческий район

Крыма, где были сосредоточены их феодальные поместья (до недавнего времени сохранялось название с. Гавры — близ с. Соколиного на р. Бельбек, связанное с фамилией Гаврасов). Своей резиденцией они избрали Феодоро (нынешний Мангуп)¹⁶.

Границы княжества в XV в. приблизительно определяются некоторыми крайними пунктами, наверняка ему принадлежавшими: Каламитой — на западе, Партенитами (где в 1427 г. был восстановлен монастырь Апостолов) и Алуштой — на востоке, включая Алуштинскую долину, дававшую единственный в то время выход из горного Крыма на побережье. Таким образом, княжество Феодоро в XV в. занимало весь южный Крым (за исключением Чембало) вплоть до горы Демерджи (восточнее Алушты), а на севере до р. Качи.

По-видимому, княжество Феодоро еще в ранний период своего существования не избегло некоторой зависимости от татар, о чем говорят тюркские имена мангупских князей второй половины XIV в. Все же Феодоро не утратило самостоятельности и, как показывает надпись 1361—1362 гг., вело большое крепостное строительство. Связи владетелей Феодоро с татарами и определенная татарская политическая ориентация сохранялись и в дальнейшем, что, надо полагать, весьма помогало Феодоро сдерживать генуэзскую агрессию (временами весьма активную) и сохранять свою независимость.

В первой половине XV в. экономическое и политическое положение Феодоро упрочилось. Этим оно было обязано не только торговым сношениям через свой порт Каламиту, что имело для экономики княжества большое значение, но больше всего подъему сельского хозяйства в юго-западном Крыму.

Правда, произошло это не сразу. После татарских погромов (орда Ногая) в 1299 г. и в начале XIV в. юго-западный Крым снова сильно запустел, но вскоре, уже в 40-х годах того же столетия, когда в Золотой Орде начались смуты, зависимость Крыма от татар ослабла, временами она вообще переставала ощущаться, особенно в его западной части, удаленной от их административного центра (Солхата). Новая обстановка не могла не способствовать оживлению края: запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали заселяться. Однако процесс этот снова прервали нагрянувшие сюда в 1399 г. огромные полчища татарского временщика Идикэ (Эдигея). С огнем и мечом прошло по юго-западному Крыму татарское войско. Но Золотая Орда в то время находилась уже в агонии, власть ее сходилась на нет. После погромов Эдигея вновь наступил период сравнительного спокойствия, и снова возобновился интенсивный рост сельского населения, возобновилось развитие хозяйственной жизни, продолжавшееся в течение почти всего XV в. В 70-х годах этого столетия в районе Феодоро (вероятно, в пределах территории княжества) насчитывалось, если верить итальянскому источнику, 30

тыс. домов, т. е. около 150—180 тыс. жителей; как видно, Феодоро было по тем временам густо заселено.

В столице княжества — на плато Мангуп (это название известно уже с X в.) — князь Алексей в 20-х годах XV в. завершил постройку крепостных стен и башен, создав почти неприступную крепость. И по сей день средневековая крепость Мангуп — одна из наиболее величественных в Крыму.

Плато это занимает вершину большой и высокой (580 м над уровнем моря) столовой горы, обращенной на север четырьмя длинными выступами-мысами, похожими на оттопыренные пальцы. Отсюда просматривается огромное пространство. Со всех сторон плато окружают отвесные неприступные обрывы высотой 30—40 м. Доступнее подъем со стороны лесистых ущелий между мысами: именно с этой стороны плато преградили длинной крепостной зубчатой стеной с 14 прямоугольными двух- и трехъярусными полубашнями. А в одном из ущелий немного ниже построили передовую линию с такими же башнями. Стены эти очень напоминают генуэзские крепостные сооружения Кафы, Солдаи и Чембало, послужившие, несомненно, образцом для строителей Феодоро. Но Мангупская крепость была построена менее прочно и менее монументально; неприступной ее прежде всего делала природа.

Огибая крайний восточный мыс (Тешкли-бурун), в крепость Мангуп ведет единственная старая колесная дорога. Она приводит к городским воротам, находившимся под защитой пещерных оборонительных сооружений. Еще в XVI в. здесь видели греческие надписи.

На самом мысу находилась особая крепость, отделенная от остального плато короткой крепостной стеной и превращенная турками в XVI в. в цитадель-замок. Сам замок представлял собой двухэтажное здание с амбразурами для огнестрельного оружия и темницей, куда турки сажали татарских пленников и русских послов.

В наиболее высокой части плато, вблизи храма, князь Алексей в 1425 г. построил дворец, основания стен которого частью сохранились. Это был большой архитектурный комплекс с двухэтажным зданием, куда вела широкая каменная лестница, к нему примыкал двор с двумя галереями на столбах; по галереям можно было пройти к дозорной башне-донжону. Во дворце находилась и просторная кладовая, где при раскопках найдены пифосы, амфоры и поливные чаши из дворцового сервиза с надписями «Исаака самодержца» (одного из последних мангупских князей). Алексей тогда же восстановил и храм-базилику, уже давно лежавшую в развалинах. На Мангупе существовали и другие храмы, поскромнее, и три высеченные в скале церкви; в одной из них (у южной кромки плато), сооруженной, вероятно, в XIII в., сохранились остатки прекрасной фресковой росписи.

На плато Мангуп доживала свой век старая греческая культура. Только внешне и поверхностно отложилось на ней итальянское влияние. Конечно, внушительный облик Кафы и Солдаи больше imponировал греческим владетелям небольшого княжества, чем стены мертвого Херсона. Они заимствовали у генуэзцев некоторые черты устройства своих крепостей и дворца с непременно в западноевропейских замках донжоном. Итальянское влияние сказалось и в пристрастии к пышным и торжественным надписям с гербами и сложной монограммой, которыми украшены надписи князя Алексея 1425 и 1427 гг. Не менее характерно и пристрастие к именной посуде, столь же типичной для западноевропейского быта позднего средневековья.

Однако итальянское влияние не коснулось основной массы населения Мангупа. А население это было немалым, на что косвенно указывает и постройка вместительного храма, и укоренившееся в XVI и XVII вв. представление о Мангупе как о «большом и значительном городе». Среди населения Мангупа уже в XIV в. получила особое значение еврейская община, состоявшая преимущественно из ремесленников, занимавшихся выделкой кож, и жившая там в одном из ущелий особым поселком вне городских стен; а в

черте города находилась их синагога. Евреи-кожевники дольше всех оставались на Мангупе и покинули его только в конце XVIII в.

В 1475 г. турки после длительной осады захватили и разгромили Феодоро-Мангуп. Княжество прекратило существование. Большая часть населения, особенно греки, переселилась из Мангупа, но город не сразу запустел.

Первое время турки поддерживали и даже усиливали его крепость и превратили Мангуп в административный центр большого округа (кадылыка), но затем, уже в XVI в., Мангуп стал приходить в упадок, ибо исчезли источники, дававшие ему жизнь: сельская округа была разорена турками, а морская торговля, которая велась через Каламиту, теперь целиком шла через Кафу.

5

С северной, северо-восточной и восточной сторон (к востоку от Алушты) княжество Феодоро граничило с областью, где власть принадлежала татарским феодалам. В своей подавляющей массе татары не только в XIII, но и в XIV и в XV столетиях, да и позже, оставались степняками-кочевниками. Но уже в XIV в. в предгорном и горном Крыму появилось, как сказано, татарское феодальное землевладение, основанное на эксплуатации местного населения и невольников. Лишь позднее, в XVI, особенно в XVII—XVIII вв., к оседлому земледелию начали в массе переходить и сами татары. Процесс этот шел повсеместно — и в восточных районах Крыма, и в западных — в районе Бахчисарая, где еще на рубеже XIII и XIV вв. возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских (Сулешевых), представлявших собой в сущности полузависимое феодальное княжество с центром в Кырк-ер (т. е. «тысяча мест»), нынешнем Чуфут-кале.

Тогда же, в XIV в., начали формироваться бейлики и других, наиболее сильных татарских родов — Ширинов, Барынов, Аргынов. Образование этих бейликов было одним из проявлений общих тенденций монгольских эмиров к эмансипации вследствие ослабления Золотой Орды. Непрерывная междоусобная борьба внутри монгольской империи привела к тому, что Крым во второй половине XIV в. становился уделом различных и быстро сменявшихся временщиков. С другой стороны, стремление татарской родовой знати к захватам земель и росту землевладения в горном и предгорном Крыму стимулировалось наличием здесь старого местного земледельческого населения, эксплуатация которого, судя по тарханским ярлыкам, приобрела весьма важное значение в татарском феодальном хозяйстве, как и возможностью использования и в хозяйстве невольников, посаженных на землю. Во второй половине XIV в. княжество Кырк-ер стало фактически независимым. Это был зародыш будущего крымского ханства.

Столицей его стал, однако, не Кырк-ер, а Бахчисарай. Татары-кочевники не нуждались в труднодоступной горной крепости; не стремилась иметь такую крепость и татарская феодальная знать. Первое ее становище, возникшее еще в XIV в., расположено было на широкой равнине в междуречье Качи и Альмы, на границе с предгорьем, к западу от будущего Бахчисарая (близ нынешнего вокзала), в урочище, получившем название Эски-юрт (старое становище). А Кырк-ер использовался ими как хранилище награбленного добра, для содержания пленников и в качестве крепости-убежища, где можно было отсидеться; лишь при Гиреях крепость временами служила резиденцией ханов.

От раннетатарского времени на плато Чуфут-кале сохранились остатки мечети XIV в. (первоначально в виде упрощенной базилики, как мечеть Узбека в Солхате), не раз перестраивавшейся, и дюрбе (мавзолей) дочери Тохтамыш Ненекеджан-ханым, 1437 г., в форме сводчатого восьмигранника с сильно выступающим простым порталом, перекрытым аркой, пристроенным, возможно, позднее. Такого рода мусульманские дюрбе, ставшие в XV и XVI вв. обычными у татар, исходят, как и другие формы

монументального татарского зодчества, из сельджукской архитектуры Малой Азии. Дюрбе Ненокеджан-ханым очень скромно: лишь стыки его граней украшают тонкие полуколонки, покрытые резьбой в виде плетенки.

Во второй половине XIV в. в Кырк-ер было создано еврейско-караимское гетто¹⁷, для которого татары выделили территорию к востоку от старого города. В гетто сгоняли и армян. С восточной стороны эту новую часть города новоселы в 1396 г. оградил крепостной стеной, перестроенной турками в XVI в. Караимское население здесь жило до середины XIX в.

Первым очагом татарской оседлости в Крыму был, как сказано, Эски-юрт, существовавший во второй половине XIV и в XV вв.— до возникновения Бахчисарая. Археологический материал (насыщенный культурный слой и остатки каменных фундаментов) указывает на интенсивность жизни в становище, хотя более или менее ясного представления о нем, до раскопок, мы составить пока не можем. Вся западная часть Эски-юрта занята кладбищем, от которого сохранились несколько мавзолеев (один целиком) и множество надгробий XIV—XV вв., некоторые с датами. Надгробия очень разнообразны — цилиндрические, в виде стелы, или гробовидные с выступами на концах, которым нередко придавали архитектурную форму мавзолея, а горизонтальная часть надгробия обрабатывалась в виде удлиненного здания мечети.

Упомянутый мавзолей Эски-юрта, построенный в XIV в.,— один из наиболее старых памятников раннетатарской архитектуры. Это — приземистый куб со срезанными углами, дающими переход к узкому восьмиграннику, перекрытому куполом; под полом — глубокая сводчатая усыпальница. Во всем облике этого маленького дюрбе сказывается полная зависимость татарского зодчества той поры от сельджукского искусства. Архитектура татар-кочевников в XIV и XV вв. только зарождалась, как зарождалось в то время и их государство в Крыму.

Глава 6

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО (XVI — XVIII ВВ.)

1

Вторжением турок в 1475 г. начинается последний период средневековой истории Крыма, период турецко-татарского ига, продолжавшегося более трех столетий. Она пало в 1783 г. с приходом русских и объединением Крыма с Россией.

XV в. в истории Крыма ознаменовался, однако, не только завоеванием турок, покончивших с генуэзским владычеством на Черном море и уничтоживших греческое княжество Феодоро в юго-западной части полуострова. В 20-х годах XV столетия в Крыму созрело и сформировалось новое политическое образование — Крымское ханство, возникшее прежде всего как следствие стремления могущественных татарских феодальных родов к объединению. Центристремительные тенденции возникли в XIII в. и усиливались по мере ослабления Золотой Орды, которая в XV в.— в период своего распада — уже не была в состоянии удержать Крымский удел. Крым, таким образом, выделился в особое государство. Однако самостоятельность его была недолговечной: после захвата Крыма турками оно попало в вассальную зависимость от Турецкой империи¹. XV в. — это время феодализации татарского общества и постепенного оседания татар, обратившихся к земледелию.

На возникновении Крымского ханства следует остановиться подробнее. Еще в XIV в. особенную силу и значение благодаря своим богатствам приобрели в Крыму несколько феодальных родов: Ширины, Мансурь, Барыны, Сиджиуты, Аргины, Кипчанские, Яшлавские (Сулешевы). Крупные юрты-уделы (бейлики) этих родов, ставшие их вотчинными владениями, превратились в небольшие феодальные княжества, почти

независимые от татарского хана, со своей администрацией и судом по образцу ханских учреждений и со своим собственным войском (гвардией).

Наибольшим влиянием и богатством обладали беи Ширинские, бейлик которых начинался у Перекопа и тянулся до Азовского моря, включая предгорья (центром их владений в XVI в. был Карасубазар — нынешний Белогорск). Владения рода Мансуровых охватывали евпаторийские степи. Бейлик Аргинских беев находился, судя по позднейшим ярлыкам, в районе Кафы и Судака. Бейлик Яшлавских занимал пространство между Кырк-ер (Чуфут-кале) и р. Альмой.

По мере усиления беев росло и стремление их к полной независимости. Процесс этот, которому Золотая Орда, как сказано, уже не могла препятствовать, завершился воцарением Хаджи-Гирея, ставленника беев двух могущественных родов — Ширинов и Барынов. Образование Крымского ханства, подготовленное процессом феодализации татар, в начале XV в. стало реальным фактом.

Созданию его во многом способствовали и турки, видевшие в Крымском ханстве союзника в борьбе с засильем генуэзцев. Не препятствовали этому и недавние враги татар — сами генуэзцы, привозившие сельскохозяйственные продукты из районов, захваченных татарами, и потому нуждавшиеся в мире с татарской знатью. С другой стороны, и татарские ханы, оказавшись между двух огней — между турками и генуэзцами, — с самого начала своей государственной деятельности не были достаточно самостоятельны, и в конце концов подлинными хозяевами страны стали турки.

Крымское ханство было слабым не только политически, но и экономически, вследствие очень низкого уровня развития производительных сил. Татарская экономика, крайне отсталая, основывалась на экстенсивных формах хозяйства — на кочевом скотоводстве, сочетавшемся с кочевым земледелием, и на внеэкономическом присвоении путем грабительских набегов на соседние страны. Социальная организация татар долгое время оставалась родовой. Устойчивость у татар родового строя объясняется прежде всего господством у них примитивных форм хозяйства.

Еще в XVII и даже в XVIII столетии татары, как крымские, так и ногайские (кочевавшие в причерноморских и прикубанских степях), делились на племена (у крымских татар — аймаки, у ногайских татар — орды и колена), членившиеся на роды. Во главе родов стояли беи — высшая татарская знать, владевшая огромными стадами скота и пастбищами, захваченными ими в Крыму или пожалованными им. Они направляли передвижение массы татар (своего улуса) и фактически распоряжались всей землей, т. е. пастбищами для кочевков (юртом), что и определяло власть беев над непосредственными производителями — татарами-скотоводами. Влияние беев распространялось поэтому на весь строй татарских родов. В качестве вассалов хана беи были обязаны выставлять войско; в период подготовки набегов оно поглощало почти все боеспособное население бейликов. Ступенью ниже на социальной лестнице стояли вассалы беев — мурзы (татарское дворянство), получавшие от беев в пожалование земли и различные феодальные привилегии.

Таким образом, родовая организация татар являлась лишь оболочкой отношений, типичных для кочевого феодализма в том виде, в каком он сложился в монгольской империи Чингисхана в XII—XIII вв. Это были отношения между татарской феодальной верхушкой Крымского ханства — с одной стороны, и массой простых татар-скотоводов, с другой.

В пользу беев и мурз шла десятина со всего скота, находившегося в личной собственности татар, и со всей добычи, захваченной во время грабительских набегов, которые организовывались и возглавлялись феодальной аристократией, получавшей также выручку и от продажи пленников.

В своих юртах-бейликах татарские феодалы обладали, судя по ханским ярлыкам (жалованным грамотам), определенным иммунитетом, творили суд и расправу над татарским населением.

Номинально татарские роды и племена с их беями и мурзами были в вассальной зависимости от хана, но фактически татарская знать обладала самостоятельностью и являлась настоящим хозяином в стране. Беи и мурзы в сильной степени ограничивали власть хана: главы наиболее могущественных родов, так называемые Карачи, составляли Диван (совет) хана (думу, как его называли русские послы), ведавший судом, финансами и внешней политикой ханства. Без санкции Дивана хан не мог предпринять ни одного важного шага. Так было и в XVII и в XVIII вв. Беи нередко свергали ханов и выдвигали новых.

К XVI в. Крымское ханство фактически охватывало не только степной и предгорный Крым (южный и частично горный Крым принадлежал туркам), но и бескрайние степные просторы между низовьями Днепра и Дона, а также степи между Доном и Кубанью. Собственно в Крыму обитали так называемые татары перекопские, а степи за пределами полуострова в те времена занимала орда ногайских татар (в восточном Приазовье — так называемые ногаи), подчинявшаяся Крымскому ханству.

(На этом огромном пространстве с XIII в. и кочевали татары — прирожденные степняки-скотоводы. По словам Сигизмунда Герберштейна, австрийского посла в Московию (в 1517 и 1526 гг.), побывавшего и в Крыму, татары «не остаются долго на одном месте... Стравив пастбища, на одном месте, они переселяются в другое со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках»². Татары кочевали отдельными небольшими селениями (аилами), которые иногда, ради безопасности, объединялись и кочевали большими таборами (курениями).

По свидетельству Михалона Литвина (в 1537 г. ездил в качестве литовского посла в Крым), «землю, хотя и самую плодородную, они (татары) не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама им приносит, т. е. травой для кормления скота... В стадах заключается все их богатство»³. Другой современник (Мартин Броневский, посол польского короля Стефана Батория к татарам в 1578 г.) сообщает, что татары «питаются кониной, верблюжиной, быками, коровами и баранами, которых у них очень много... Простой народ не имеет хлеба, употребляет вместо него толченое пшено, разведенное водой и молоком»⁴. В степной части Крыма и у ногаев, хозяйство которых было особенно примитивным, так продолжалось и к XVII в. Еще в XVIII в. степные татары оставались преимущественно кочевниками. Мурзы также предпочитали скотоводство земледелию.

Эта застойность татарской экономики проходит красной нитью через всю историю Крымского ханства: хозяйство татар развивалось поразительно медленно. Потому так похожи и близки картины жизни татар, которые дают самые различные наблюдатели на протяжении нескольких столетий (XV—XVIII вв.).

Примитивное скотоводческое хозяйство татар не могло прокормить их, поэтому они издавна дополняли его кочевым земледелием: татары распахивали в степи определенные участки земли, обычно связанные с местами их зимовок, сеяли там хлеб, затем уходили кочевать и возвращались для уборки урожая. Так было и в XV, и в XVI, и в XVII вв. Об этом неоднократно сообщают современники⁵. Таким путем у татар-кочевников возникала связь с землей, что вело к появлению собственности на землю — не только общинной, но и феодальной.

Однако примитивное хозяйство татар очень часто страдало от стихийных бедствий (засухи), саранчи и эпидемий. Голод гнал татар на новые, нередко далекие места кочевок. По донесению русского посла, в 1492 г. «орда голодная добре, хлеб ся у них не родил и они, сказывают, тово деля к Волге пошли, чтобы им чем было прокормитца»⁶. Понятно поэтому, что ни скотоводство, ни кочевое земледелие не могли обеспечить даже минимальные потребности массы татар. Им приходилось ввозить продовольствие из соседних стран — из южнорусских областей (например, из Путивля) и особенно из Турции. Но этот ввоз был нерегулярным, ибо сами турки нуждались в привозном хлебе. Длительные засухи, неурожай и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения.

Все это вполне объясняет, почему на первом месте в жизни татар, важнейшим ее фактором оказался внеэкономический способ добывания средств существования — война. Татары систематически вели войны с целью грабежа соседних стран и захвата пленных, которых превращали в рабов. Так было и в XV в., так было в XVI в. Мухаммед-Гирей (1515-1523) однажды докладывал султану: «Не велишь пойти на московского и волошского (князя), чем быть сыту и одету»⁷. Так было и в XVII столетии (доминиканский монах де Люк в 1625 г. писал, что «другого занятия, кроме войны, они [татары] не знают»⁸. Префект Кафы Дортелли (1634г.) сообщает, что татары предпринимали свои разбойничьи походы дважды в год, «выступали приблизительно до 100 тыс. человек, направляясь либо в Польшу, либо в Московию, или же Черкессию... Идя на войну... каждый всадник берет с собой по крайней мере двух коней, одного ведет на поводу для поклажи и пленных, на другом едет сам»⁹. По русским источникам, в татарских походах, которые подолгу готовились, участвовало до 30—50 тыс. человек; основной и наиболее воинственной частью татарского войска являлась ногайская орда. В походы уходило чуть ли не поголовно все боеспособное население: в татарских аилах никого, кроме «старого и малого», не оставалось. Вооружение татар состояло преимущественно из лука со стрелами и сабли, но копий и щитов они не знали. Кроме того, каждый татарин брал с собой в поход крепкие ремни и веревки, которыми вязали пленных.

Разбойничьи набеги татарской орды на соседние страны, особенно на Московское государство, совершались систематически: почти не проходило года без их походов, сопровождавшихся грабежами и захватом полона. Постоянная опасность полного разорения и страх за жизнь создавали невыносимые условия для населения южных областей России. Набеги татар были настоящим бичом для русского народа.

Московское правительство предпринимало меры противодействия татарской агрессии, как военные, так и дипломатические. Но долгое время это не приносило существенных результатов, пока в середине XVII в. не было усилено крепостное строительство на южных рубежах нашей страны.

Татары угоняли огромный полон. Только за десятилетие с 1607 по 1617 г. они угнали из России не менее 100 тыс. человек, а всего за первую половину XVII в. — не менее 150—200 тыс. человек. По словам упомянутого Дортелли, вернувшись в Татарию, «победители делят их (невольников) между собой... Затем их ведут в разные города Татарию, Там невольников выставляют напоказ... представляя на выбор любого покупателя... (Их) развозят в Константинополь, в Азию, в Европу, на Восток и на Запад»¹⁰. Так было и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. Больше всего рабов гнали в Кафу, которая при турках, т. е. в XVI—XVIII вв., стала одним из наиболее обширных невольничьих рынков Европы.

Наибольшая доля захваченной добычи, и прежде всего полон, доставалась татарским феодалам — хану, беям и мурзам — до 40%. Военные походы были поэтому им особенно выгодны. Именно они и являлись инициаторами и организаторами грабительских набегов татар, оказывая в этом отношении давление на ханов, которые в свою очередь обращались к султану, испрашивая разрешение на тот или иной поход. А малоимущие татары расплачивались полонем за долги и, по-видимому, меньше других: выигрывали от походов. Не удивительны поэтому факты, говорящие о принудительной мобилизации татар. Так, например, в 1587 г. беднейшие татары вообще отказались выступать по причине предстоящей уборки урожая.

Таким образом, войны не давали надежного выхода из нужды, в которой находилась основная масса татар-кочевников. Наоборот, войны вели к более глубокому застою в экономике и только тормозили развитие производительных сил. К тому же в середине XVII в. в результате усиления обороны южнорусских границ татарам стало труднее совершать свои набеги на московские земли, а со стороны Дона их теснили калмыки.

В XVI в. начался процесс оседания татар на землю и развитие у них сельского хозяйства, прежде всего в южном предгорном и горном Крыму. Процесс этот был вызван несколькими взаимосвязанными причинами: и тем, что примитивное скотоводство и кочевое земледелие из-за частой засухи, неурожаев и бескормицы не могли прокормить большую часть татарского населения (к оседлому земледелию вынуждена была обратиться наиболее бедная часть их); и тем, что жизненные потребности татар не удовлетворялись и грабительскими походами, плоды которых доставались главным образом татарской знати; и тем, что с течением времени (с середины XVII в.) татарские набеги все чаще не удавались и полоня (а это было главной целью набегов) становилось все меньше; и тем, что татарская феодальная знать сама вынуждена была обращаться к более передовым формам хозяйства — к оседлому земледелию, а с этой целью расширяла свои земельные владения и не только поощряла оседание татар на землю, но и использовала труд невольников.

Показателем роста феодального землевладения в XVI в. могут служить частые пожалования ханами земель с пашнями, сенокосами, пастбищами, зимовьями для скота, садами, мельницами и пр. Жалованные грамоты обязывали новых владельцев обрабатывать и засеивать земли.

Татары оседали на землю почти исключительно в южном Крыму — на его плодородных равнинах и в районе городов Феодосии, Старого Крыма (Солхата), Судака, Керчи, Бахчисарая, в местах со старым греческим и огреченным населением, являвшимся носителем старой земледельческой культуры. Особенно интенсивно шел здесь этот процесс во второй половине XVI и в XVII вв. А на остальном обширном степном пространстве Крыма и за его пределами (у ногайских татар) продолжало господствовать кочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным кочевым земледелием. По-прежнему татары кочевали со своими повозками, на которых были устроены кибитки, покрытые войлоком, с отверстием для дыма в центре. Собственно земледелие у оседлых татар не только в XVI, но и в XVII и даже в XVIII вв. оставалось еще в неразвитом состоянии, на что указывают большой удельный вес скотоводства и незначительные размеры барщины (8—10 дней в году), которую татары-земледельцы отбывали в пользу мурз-помещиков, еще мало ценивших свои земельные угодия. Зато татары-земледельцы были обязаны вносить мурзам-помещикам десятую часть урожая: рента продуктами была для мурз, как видно, важнее.

Осваивая южные районы Крыма и селясь рядом с коренным земледельческим населением, татары не только подчиняли его себе, облагая различными и многочисленными поборами и повинностями (см. выше), но вместе с тем и сами подвергались сильному его влиянию, которое сказывалось как в культуре, так и во всем строе жизни, прежде всего в ее социальной организации. Татары усвоили традиционный общественный институт, издавна существовавший в южных земледельческих районах Крыма, местную сельскую территориальную общину — «джемаат», или «эхали», — и приспособили ее к своим нуждам¹¹.

«Джемаат» XVII—XVIII вв. — это сельская община с коллективной поземельной собственностью, общественными сенокосами, которые больше всего ценились в общине, общественными колодцами, с коллективной запашкой земли (особенно в горных районах), для чего объединялось несколько семей. Практиковалось распределение земли по паям (арканы). Каждый общинник, получая свой пай, с течением времени становился полным хозяином участка или захватывал его. Таким образом, в самом строе «джемаата» все большее значение приобретали элементы, ведущие к ее распаду. Но, следуя обычаям греческой общины, татарская община продолжала иметь предпочтительное право покупки таких угодий.

Татары-кочевники не «изобрели» такие формы общественного строя. Они, как говорилось (гл. 2), застали сельскую земледельческую общину на месте во вполне сложившемся виде и относительно скоро приобщились к ее организации.

Значительное влияние на процесс развития татарского феодального землевладения и земледелия оказывала новая экономическая обстановка, складывавшаяся в XVI в. в восточном Средиземноморье вследствие роста городов и торговли и связанного с этим роста потребности в продуктах земледелия.

Если в первое время после захвата Крыма турками (1475 г.) экономическая жизнь крымских городов, прежде всего Кафы, затихла, то уже в XVI в. она вновь набрала силу, а в XVII в. намного превзошла уровень генуэских времен. Экономическим центром страны оставалась Кафа с ее обширными торговыми связями. Сюда «съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии», — писал о Кафе в 1634 г. префект города Дортелли. Он рисует Кафу огромным городом (5 миль в окружности), с населением в 80 тыс. человек, состоящим из турок (имеющих в городе до 70 мечетей), греков, армян и евреев¹². Кучук-Стамбулом, т. е. маленьким Константинополем, называли его современники. Купцов здесь привлекали прежде всего невольники, затем хлеб и рыба. Вывоз продовольствия из Кафы был в те времена весьма значительным. В середине XVII в., по сообщению французского путешественника Шардена, за 40 дней его пребывания в городе туда пришло более 400 судов¹³. По-видимому, основную часть хлеба, которым снабжался Константинополь, составляла, как и в XIV в., пшеница, вывозившаяся из Кафы. Большое значение в торговле Кафы имела соленая рыба. Для одной только Венеции в Кафе, по сведениям Дортелли, заготавливалось до 200 бочек осетровой рыбы. А в Крым везли металлы (свинец, медь, олово, железо в брусках, сталь и изделия из металла), восточные ткани, фаянсовую посуду, табак, кофе и пр.

Однако вся эта обширная торговля находилась в руках не татар, а турок и западноевропейских купцов. Собственно татарская экономика, если не считать работоторговли, была очень мало связана с Кафой. Татарский город как ремесленно-торговый центр сформировался только в XVIII в. А до того долгое время у татар бытовала примитивная форма внутренней торговли в виде базаров, кочевавших вместе с ордой, составляя органическую ее часть и даже часть богатой татарской вотчины. Базар передвигался вместе с купцами и их семьями, вместе с ремесленниками (по словам непосредственного наблюдателя — венецианского купца Иосафато Барбаро, долгое время, в 1436—1452 гг., жившего в Тане, в татарском «войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие и вообще есть все необходимые ремесла»)¹⁴, вместе с походной мечетью, вместе со всем улусом.

Здесь, на базарах, и начало сосредоточиваться татарское ремесло, также еще мало развитое. Только в XVII в. ремесленники стали оседать в городах. Прежде всего развивались ремесла, связанные с обработкой продуктов скотоводства — шерсти, кож и пр.

Татарские города, возникшие на границе предгорных и степных районов Крыма еще в XVI в., в последующие два столетия благодаря торговле и оседлому ремеслу быстро росли. Наиболее крупными среди них стали Бахчисарай — столица Крымского ханства и Карасубазар (нынешний Белогорск) — центр бейлика беев Ширинских. Выдвинулся Гезлеве (нынешняя Евпатория) — единственный татарский порт, куда приходили корабли из Малой Азии и Константинополя, приезжали русские купцы. В XVIII в., как отмечают современники, в татарских городах было развито производство войлоков, выделка кож, сафьянов, седел; появилось металлообрабатывающее ремесло.

Особенно вырос Бахчисарай, ставший в XVII—XVIII вв. торгово-ремесленным центром всего западного Крыма. По масштабам средневекового Крыма это был большой город с ремесленными кварталами и оживленными базарами — хлебным, овощным, соляным, кварталами мануфактурных лавок с заморскими товарами, с несколькими караван-сараями, банями. В конце XVIII в. в нем насчитывалось около 6 тыс. жителей: по населенности это был второй после Кафы город Крыма (население всего полуострова не превышало тогда 250—300 тыс. чел.). Бахчисарай делился на 30 с лишним кварталов-приходов с мечетью и мехтебом (училищем) в центре; к мечетям вели очень узкие улочки

с выходящими на них глухими стенами небольших двухэтажных домов, вторые этажи которых часто нависали над нижними. С улицей дома сообщались только через небольшие дворики — черта, глубоко традиционная в городском строительстве средневекового Крыма (см. гл. 3).

Бахчисарай в XVIII в. славился своим кожевенным производством: многочисленные мастерские по выделке кож тянулись вдоль речки Чурюк-су (Гнилая вода). Целый квартал занимали войлочники, несколько кварталов — ремесленники-металлисты: оружейники, слесаря, медники, лудильщики. Чуть ли не сотня мастерских изготовляла ножи, отличавшиеся высоким качеством (в XVIII в. их производили до 400 тыс. штук в год); ножи вывозились в соседние страны, в том числе и в Россию¹⁵. Изготавливались и ружья: в середине XVIII в. здесь работало 15—20 ружейных мастерских.

Достигнутая в XVIII в. относительно высокая степень развития татарского ремесла вызвала к жизни организацию ремесленных цехов. Ремесленники были объединены в 32 цеховые корпорации во главе со старшим мастером (уста-баши) и двумя помощниками; они регулировали производство и цены, руководили приемом учеников и посвящением учеников и мастера (это было большое городское празднество с религиозными обрядами).

Вся эта цеховая организация Бахчисарая сложилась, несомненно, на основе местной, еще дотатарской ремесленной традиции городов Крыма. Возможно, что определенное влияние в этом отношении оказала организация ремесла в Малой Азии, с городами которой татары постоянно общались, а еще больше — цеховой строй в Стамбуле (Константинополе), где в XVII—XVIII вв. он был очень развит. Традиция цеховой организации дожила в татарских городах Крыма до конца XIX в.

2

Бахчисарай в XVII—XVIII вв. стал не только экономическим и политическим, но и культурным центром Крымского ханства. О культуре города мы можем судить, правда, только по памятникам феодального строительства, но и в них легко разглядеть народную основу. Эти памятники важны и тем, что в них очень рельефно отразились исторические судьбы Крымского ханства.

Еще в XV в. в нынешнем предместье Бахчисарая — Салачике, близ крепости беев Яшлавских Кырк-ер (Чуфут-кале), были построены ханский дворец, а также мечеть, бани, мавзолей. История Бахчисарая начиналась именно здесь. До нас дошли только две постройки того времени — медресе и дюрбе (мавзолей).

Очень показательно здание медресе: в постройке его, несомненно, выразилось желание подчеркнуть значение новой татарской столицы. Здание, сооруженное в 1500 г., воспроизводит схему Солхатского медресе XIV в., но намного меньше его, а потому лишено парадности. Центральную часть медресе, как и там, занимает удлиненный дворик с некогда журчавшим здесь фонтаном; дворик окружен галереей, расчлененной стрельчатыми арками на 10 квадратных частей, перекрытых плоскими куполами. К внутреннему дворику и к галерее с трех сторон примыкают тесные комнаты для занятий. На улицу медресе выходит глухой стеной с узким входом, к которому подвешена цепь, заставляющая входящего нагнуться (как бы поклониться). Тишиной и замкнутостью, отрешенностью от внешнего мира веет от этой небольшой постройки.

С медресе контрастирует стоящий рядом мавзолей (дюрбе) Хаджи-Гирея, построенный его сыном Менгли-Гиреем в 1501 г.

Как и дюрбе на плато Чуфут-кале, он представляет собой восьмигранник, увенчанный плоским куполом; выступающий портал является декоративным центром постройки: он обрамлен «сельджукской цепью» (орнамент в виде сплетенных жгутов), а боковые плоскости, обращенные к входу, покрыты сплошной растительной резьбой, как и полуколонки на стыке граней мавзолея, отчеканивающие ритм его плоскостей. Богатством

декора мавзолея хотели подчеркнуть значение его: это была усыпальница первого хана новоявленного татарского государства.

Другое интересное дюрбе находится на окраине Бахчисарая — это так называемое Эски-дюрбе, представляющее собой куб, завершенный низким восьмигранником, перекрытым куполом; с восточной стороны находится глубокая порталная ниша. Здание почти лишено декора; оно выделяется стройными пропорциями и благодаря тщательно выполненной облицовке гладкотесаным камнем выглядит очень монументально. Мавзолеи, возможно, предшествует постройкам Салачпка и относится к XV в., когда Бахчисарай еще не существовал или только зарождался.

Ядром будущего большого татарского города стал дворец, перенесенный из Салачика туда, где он стоит сейчас, в начале XVI в. ханом Менгли-Гиреем. Дворец окружали садом: отсюда и название Бахчисарая — «дворец в садах» (или «дворец среди садов») ¹⁶.

Территория дворца отделена от города мелкой речушкой Чурюк-су. Приземистые широкие ворота (они построены в XIX в.) ведут в обширный двор, некогда выложенный каменными плитами. Слева — мечеть, ханское кладбище и хозяйственные службы, справа — дворец, состоящий из различных и разновременных построек, лепящихся одна к другой без какого-либо заранее определенного плана, потому что дворец рос постепенно и стихийно. Дворец сильно пострадал во время русско-турецких войн (1738 и 1771 гг.), затем его много раз реставрировали и перестраивали, особенно сильно перед приездом в Крым Екатерины II (1783—1784 гг.), каждый раз при этом искажая. И все же прежний облик дворца можно восстановить: сохранившиеся его части вместе со старыми описаниями и планами в состоянии дать довольно полное представление о дворце крымских ханов.

Древнейшая часть его — это «железные ворота», стоящие ныне во внутреннем дворе, перенесенные сюда, вероятно, из дворца Менгли-Гирея в Салачике. Сооружены они в 1503 г. итальянским зодчим Алевизом Новым, направившимся в Москву, где он позднее построил знаменитый Архангельский собор в Кремле. Путь Алевиза шел через Крым, где его и задержали татары. Так появился в Бахчисарае этот пышный каменный портал с полукруглым фронтоном и богатейшей резьбой, типичный для итальянского Ренессанса.

«Железные ворота» вели в «фонтанный дворик», в двух углах которого теперь находятся два татарских по своему типу мраморных фонтана: «Золотой фонтан» 1733 г., с резьбой в духе итальянского Ренессанса, и «Фонтан слез» 1764 г., с барочной резьбой. Вдохновенные строки посвятил этому фонтану А. С. Пушкин:

...хан
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна.
.....
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем па войне.
Младые девы в той стране
Преданье старицы узнали
И мрачный памятник они
Фонтаном слез именовали.

Поэзия Пушкина как бы сроднила фонтан Бахчисарайского дворца с русской культурой *. (* *Надо сказать, что первоначально «фонтан слез» находился не здесь, а вблизи или у стены дюрбе Диляра-Бикеч, с именем которого и связана легенда, воодушевившая поэта. На нынешнее место фонтан был перенесен после 1783 г.*)

Из «фонтанного дворика» попадали и парадные залы дворца, сначала в Диван («Зал совета и суда»), построенный в 1736 г., — двухсветный зал с хорами, с цветными стеклами в верхних окнах; стены его были облицованы «разноцветным фарфором», т. е. изразцами, а посередине был устроен мраморный фонтан. На втором этаже находился богато отделанный «Посольский зал» — также двухсветный, с деревянным расписным потолком и мраморным полом; здесь происходили торжественные приемы. Особое место во дворце занимал «Золотой кабинет» Крым-Гирея, построенный в 1764 г., — небольшой двухсветный зал с цветными стеклами в верхнем ярусе, залитый светом 24 окон и словно прозрачный. Тонкая резьба деревянного мозаичного потолка с красным фоном, яркая обивка диванов малиновым бархатом с золотым узором и голубые топа стенной росписи (работы перса Омера) делали этот небольшой зал особенно нарядным. «Золотой кабинет» выступает вперед из всего дворцового ансамбля и как бы доминирует над ним.

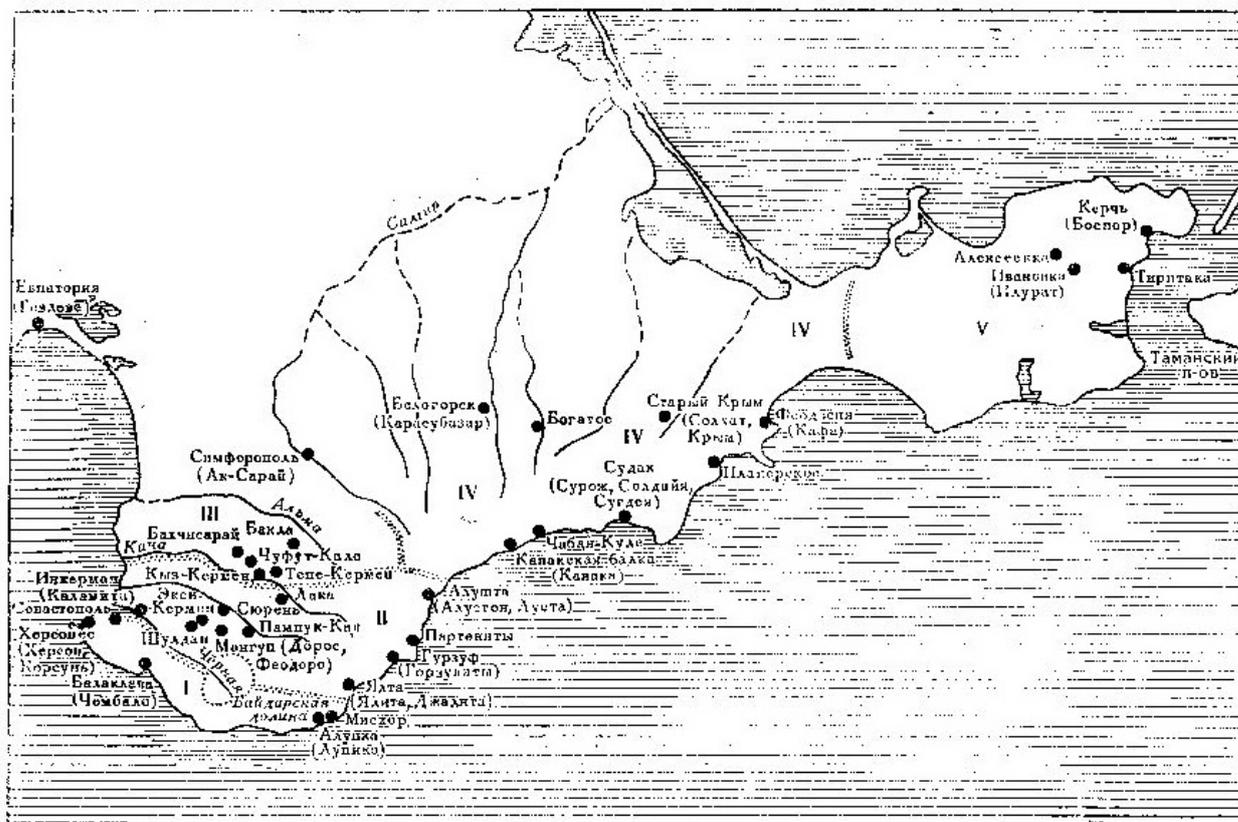
Приблизительно такие же залы для приемов были и у «ближних людей» хана — представителей высшей родо-феодальной татарской знати. О подобном зале у «ближнего человека» Ахмед-аги Сулешева можно судить по колоритному описанию в статейном списке (отчете) московских посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова (1681 г.). Позванный к Ахмед-аге, Тяпкин «вшедши с ним привитался (т. е. поздоровался.— А. Я.); бусурман же, надувся поганую своею гордостью, сидел на коврах, облегшись на бархатные золотные подушки; и привитался сидя, и велел мне противу себя сесть по блиску, на уготованном месте... А образом и саном Ахмет-ага человек природной и речью свободен и тихословен; портище на нем суконное цветом мурад зелено, на соболях, турецким строем; глава его в белом завое. Стены в избе его обиты завесы золотными и бархатными, чрез полосу сшиваны». В другом месте списка говорится про «низкие скамейки, скрытые коврами», стоявшие, вероятно, вдоль стен, и что «пол весь услан коврами и попонами цветными»¹⁷.

Но вернемся в ханский дворец. В глубине внутреннего двора его находились гарем с многочисленными постройками (они почти не сохранились) и «Персидский дворец», от которого уцелела деревянная «Соколиная башня». На противоположной стороне двора основное место занимает обширная мечеть 1740—1743 гг. в виде широкого трехнефного зала, композиция которой следует старой традиции (вспомним мечеть начала XIV в. в Солхате). Над мечетью высятся два тонких минарета; они как бы венчают ансамбль дворца.

Рядом с мечетью построены два простых восьмигранных купольных дюрбе, а за ними находится ханское кладбище с многочисленными пышно орнаментированными мраморными надгробиями XVIII в., увенчанными чалмой или клубуком. В начертанных на них витиеватых и многословных турецких надписях придворные поэты восхваляли погребенных ханов, а заодно и тех, кто еще держался на троне: ослабевшие, цеплявшиеся за власть Гирей питали, как видно, особенную страсть к превозношению собственных особ.

В целом Бахчисарайский дворец — это сложный, стихийно выросший ансамбль многочисленных жилых и парадных построек, павильонов, мечети, дюрбе и хозяйственных служб. В их расположении сказалась та живописность, что и в отделке самих зал, — в многоцветной орнаментике их стен, яркой расцветке наборных деревянных потолков, в пестрой расцветке диванов и многоцветных мозаичных стеклах окон, создававших внутри полумрак и мягкую гамму тонов. На всех постройках дворца лежит печать легкости и интимности: это дворец не столько могущественного хана-правителя, сколько феодала-собственника, первого среди знати. Таким и был крымский хан XVII—

XVIII столетий. Легкость и как бы ажурность этих залов, наполненных изображениями чаш с цветами и просто цветов, деревьев с птицами и различных плодов, с мраморными фонтанами посреди залов превращали их в своего рода садовые беседки, в продолжение того роскошного сада, который был разбит перед дворцом.

Схематическая историческая карта средневекового Крыма. В скобках указаны средневековые названия поселений. Римскими цифрами обозначены епархии XI—XII вв.

I — Херсонская; II — Готская; III — Фульская; IV — Сугдейская; V — Боспорская. Точками приблизительно показаны их границы (по А. Л. Бертье-Делагарду), дающие представление о политическом расчленении страны (в XII в. Сугдейская и Фульская епархии слились)

Во всем этом пышном декоре сплелось воедино османское искусство с его персидскими элементами и искусство западноевропейского барокко, хотя и в провинциальной передаче. Городские пейзажи Стамбула (Константинополя), украшавшие «Царьградскую комнату» дворца и выполненные в традициях персидского искусства, сочетались с венецианскими цветными стеклами; турецкий облик мраморных фонтанов сочетался с барочной орнаментикой их плоскостей и т. д.

Это сплетение, наложившее специфический отпечаток на весь ханский дворец, объясняется той реальной исторической обстановкой, в которой жила татарская феодальная знать на протяжении XVI—XVIII вв. и в которой формировались ее художественные вкусы. Воспитывавшиеся большей частью в Стамбуле, при дворе турецких султанов, крымские ханы, возвращаясь в Крым (уже в качестве ханов), переносили в свой дворцовый быт и турецкое искусство, и турецкую литературу и поэзию. Бахчисарайский дворец должен был напоминать дворец турецкого султана. В жизни татарской знати турецкая культура преобладала. Ханы выписывали из Стамбула и художников-живописцев, и зодчих, причем не только для Бахчисарая.

В Крыму в XVI в. работал знаменитый в свое время турецкий зодчий и инженер Синап (1489—1578, грек по происхождению), строитель множества величественных мечетей в турецкой столице.

В Крыму он построил мечеть в Гезлеве — татарском торговом городе на западном побережье полуострова. Мечеть эта, сооруженная в 1552 г., сохранилась доныне. Она повторяет в уменьшенном виде монументальные мечети Стамбула. Это большой куб, увенчанный широким (11 м) низким куполом на восьмигранном основании.

Ханская мечеть в Гезлеве была, правда, единственным крупным произведением столичного турецкого зодчества на почве Крыма. Другие многочисленные татарские мечети XVI—XVIII вв. в Крыму намного скромнее.

Вместе с тем, находясь в политической зависимости от турок, крымская феодальная знать и ханы в течение XVII в. и особенно в XVIII в., все больше и больше вовлекались и в сферу экономических интересов западноевропейских государств, преимущественно Франции.

Чем дальше, тем сильнее это сказывалось и на придворном быте крымских ханов: из Италии и Франции они выписывали зеркала, дорогие узорчатые ткани и всячески насаждали у себя западноевропейское декоративное искусство.

В этот позднейший период — в XVIII в. — двойственный и эклектический характер придворного татарского искусства, слагавшегося из турецких и западноевропейских элементов, был лишь внешним отражением политической неустойчивости и несамостоятельности самих крымских ханов.

Иначе складывалась материальная культура оседавших татар. Войдя в непосредственное и повседневное общение с коренным местным населением — греками-земледельцами, татары, переходя к оседлому образу жизни, не только постепенно усвоили социальный строй сельской общины, сложившийся еще в раннем средневековье (см. гл. 2), но переняли у греков и сельскохозяйственную технику, особенно технику виноградарства и плодоводства, и ремесленную технику, и форму и планировку жилищ в виде двухэтажного дома с каменным низом и глинобитным верхом (с деревянным каркасом), часто с нависающим вторым этажом. Насколько традиционным был такой тип дома, показывают жилые кварталы Херсона XII—XIII вв. (см. гл. 4, стр. 87-90).

Но в обстановке татарского господства и гнета, которому подвергалось местное коренное население, неизбежно сказывалось и воздействие на него татар: греческое население постепенно отатаривалось, в его среде распространялись татарский язык и обычаи, христианство вытеснялось мусульманством. Тем большее значение приобретали очаги греческой культуры, которые продолжали в то время существовать в юго-западном Крыму. Этими очагами являлись греческие христианские монастыри в районе Бахчисарая, которых в XVI и XVII вв. поддерживало московское правительство подобно тому, как оно покровительствовало греческим монастырям и в других областях, занятых турками, — на Афоне, и Малой Азии, в Палестине, на Синае.

Мы знаем о четырех таких монастырях в Крыму: один находился в Салачике (около Бахчисарая), два других — Федора Стратилата и Иоанна Предтечи — также близ Бахчисарая и один — Георгиевский монастырь — близ Балаклавы. Не исчезли и греческие полупещерные монастыри и Инкермане, и Чилтере и Шулдане. Крымским монастырям, как это известно из московских жалованных грамот конца XVI и начала XVII в., ежегодно выплачивалась субсидия (руга); греческие монахи часто ездили в Москву.

Эта поддержка греческих монастырей, находившихся в самом центре татарского государства, имела, конечно, и большое политическое значение для Москвы. И вместе с тем помощь Москвы не давала угаснуть этим последним очагам старой греческой культуры в Крыму, выглядевшим в XVI—XVII вв. островками в сплошной татарской среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Крыма к России в 1783 г. было заключительным звеном всей его средневековой истории. Крымское ханство в XVIII в., раздробленное на мелкие, враждовавшие между собой княжества (бейлики), крайне ослабленное внутренними раздорами (достаточно сказать, что на протяжении XVIII в. до присоединения к России в Крыму сменилось 17 ханов), фактически лишившееся поддержки Турции, уже клонившейся к упадку, находилось на грани развала, готовое стать жертвой любой агрессии. Особенно упорно добивалась в Крыму экономического господства Франция, пытавшаяся помешать исконному стремлению России получить выход к Черному морю. Эта жизненно важная задача, поставленная перед Россией всем ходом исторического развития, стала еще более насущной после воссоединения России и Украины в 1654 г.: рубежи Русского государства приблизились к Черному морю, а к Азовскому морю подошли вплотную. Однако южные границы России и в XVII и в XVIII вв. оставались крайне неустойчивыми и непрочными из-за частых нападений татар, поощряемых Турцией. Первые попытки присоединить Крым в конце XVII в. (походы князя В. Голицына в 1687 и 1689 гг.) окончились неудачей. Овладение при Петре I Азовским морем (самим Азовом и построение прибрежных городов, прежде всего Таганрога), закрепленное за Россией Карловицким договором 1699 г. с Турцией, было лишь первым шагом в разрешении черноморской проблемы. Однако после новой русско-турецкой войны Россия в 1711 г. утратила Азов, укрепления которого позднее была обязана срыть.

Между тем черноморская проблема в XVIII в.¹ приобрела для России особенно большое значение, прежде всего экономическое. С одной стороны, русское население, а вместе с ним и русская помещичья колонизация, осваивая плодородные земли южной России, постепенно продвигалось на юг, к границам Крымского ханства; но «тому освоению южнорусских земель препятствовала почти непрекращавшаяся турецкая агрессия. С другой стороны, для русского дворянства и купечества все важнее и необходимее становился выход к Черному морю для экспорта увеличивавшейся сельскохозяйственной и промышленной продукции, внутренний спрос на которую из-за слабой покупательной способности населения оставался недостаточным. Северные же порты России уже тогда не могли удовлетворить потребности русского экспорта. К тому же основные рынки сбыта находились не на севере, а в странах Средиземноморского бассейна. Но турки не допускали русское купечество к Черному морю. Оставался путь сухопутной торговли через Польшу, но такая торговля была крайне невыгодна, а потому не получила развития. Ключом же к Черному морю был именно Крым. Все эти проблемы могли разрешить либо ликвидация Крымского ханства, которым фактически распоряжалась Турция, иначе говоря — присоединение Крыма к России, либо предоставление Крымскому ханству независимости, иначе говоря — отделение его от Турции, для которой Крым был форпостом в борьбе с Россией. Между тем Турция становилась все более агрессивной, главным образом под влиянием Франции, которая всячески натравливала Турцию на Россию, опасаясь все более усиливавшегося русского влияния в Европе и на Ближнем Востоке. Отсюда — русско-турецкие войны XVIII в.: сначала безрезультатная война 1735—1739 гг., когда русские войска дважды проникали в Крым, затем война 1768—1771 гг., объявленная Турцией под влиянием Франции. Эта война принесла России крупную победу. Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., Крым был, наконец, объявлен независимым, а Россия получила в свое владение Керчь с важной в то время крепостью Ени-калэ, построенной турками в 1703 г. с помощью французских инженеров, а в западной части Северного Причерноморья — Днепровско-Бугский лиман с крепостью Кинбурн. Обладание Керченским полуостровом, несомненно, приблизило присоединение и остального Крыма к России. Это произошло 9 апреля 1783 г. Таким образом, Россия приобрела выход к Черному морю. Тем самым были окончательно закреплены южные границы Русского государства. Вместе с тем это явилось политическим итогом развития многовековых связей Крыма и Руси,

установившихся еще на заре русской государственности и проходящих красной нитью почти через всю средневековую историю Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, I, 12, перев. С. Дестуниса. СПб., 1862, стр. 144.

² Об этом рассказывает сирийская хроника. См. в кн.: *И. В. Пигулевская*. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, стр. 87.

³ *Прокопий Кесарийский*. О постройках, III, 7, перев. С. Кондратьева, ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 249.

⁴ Там же.

⁵ *И. И. Репников*. Некоторые могильники области крымских готов.— ИАК, вып. 19, 1906. О дате см.: СА, 1961, № 1, стр. 177—185.

⁶ Кроме того, несколько могильников на южном берегу Крыма и в его юго-западном районе только открыты, но не раскопаны.

⁷ Мозаики перенесены в Эрмитаж (Ленинград), где ими выложен пол одного из залов нижнего этажа.

Глава 2

¹ *А. П. Каждан*. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1900, стр. 248 сл., 299.

² Русский перевод писем папы Мартина см. в кн.: *С. П. Шестаков*. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. М., 1908, стр. 116—117.

³ Историю Юстиниана II и его карательных экспедиций против Херсона рассказывает византийский хронист Феофан. См. в кн.: *Летопись византийца Феофана*, перев. В. Н. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1888, стр. 277.

⁴ *В. Г. Васильевский*. Житие Иоанна Готского.— Труды, II, вып. 2. СПб., 1912, стр. 396—400.

⁵ *С. П. Шестаков*. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв., стр. 38—39.

⁶ См. в кн.: *С. Л. Плетнева*. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) (МИЛ, № 142). М., 1967.

⁷ Краткое изложение результатов раскопок см. в кн.: *И. А. Варанов*. Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму.— Археологические открытия 1970 г. М., 1971, стр. 283—284.

⁸ *А. Л. Якобсон*. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики (МИД, № 168). Л., 1970, гл. II.

⁹ *И. И. Ляпушкин*. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— Труды Волго-Донской археологической экспедиции, I (МИА, № 62). М.—Л., 1958, стр. 85—148.

¹⁰ *А. Л. Бертъе-Делагард*. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма.— ЗООИД, XIV, 1886.

¹¹ *Я. И. Брунов*. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи.— ВВ, XXV, 1928.

¹² *Константин Порфирородный*. Об управлении государством, гл. 14, перев. Н. В. Малицкого.— В кн.: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье (Изв. ГАИМК, вып. 91). М.—Л., 1934, стр. 16.

Глава 3

¹ История организации Херсонской фемы излагается в сочинении Константина Порфирородного об управлении государством, гл. 42, перев. Н. В. Малицкого.— В кн.: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, стр. 20.

² Там же, гл. 4, перев., стр. 6.

³ Повесть временных лет, т. I. М.— Л., 1950, стр. 37.

⁴ *Константин Порфирородный*. Об управлении государством, гл. 53; перев. Н. В. Малицкого, стр. 44.

⁵ Там же, гл. 53, стр. 44.

⁶ Недостаток места не позволяет нам изложить предысторию этого похода и весь ход событий, приведших к войне, и ход осады города. События эти много раз излагались. О ходе осады рассказывает Повесть временных лет (указ, изд., стр. 75—70). См. также: *А. Л. Бертье-Делагард*. Как Владимир осаждал Корсунь.— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, XIV, кн. 1. СПб., 1909; *А. А. Шахматов*. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник в честь В. П. Ламанского. СПб., 1900; *В. Д. Греков*. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. — ИТОИАЭ, III (60). Симферополь, 1929.

⁷ Подробно о поливной керамике X в. см. в кн.: *А. Л. Яковсон*. Раннесредневековый Херсонес (МИА, № 03), 1959, гл. VIII.

⁸ Подробнее см. там же.

Глава 4

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 111.

² *А. А. Спицын*. Тмутараканский камень.— ЗРОРАО, XI. СПб., 1915.

³ Цит. по: 5. *А. Рыбаков*. Русские земли по карте Идриси 1154 г.—КСИИМК, вып. XIЛП, 1952, стр. 18. О Тмутаракани см.: *А. Н. Насонов*. Тмутаракань в истории Восточной Европы.— Исторические записки, вып. 6. М., 1940, стр. 79—99.

⁴ *В. Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 20.

⁵ Сказание о чудесах св. Евгения — патрона Трапозунда. См. в кн.: *Ф. И. Успенский*. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 51.

⁶ Подробнее см.: *А. А. Васильев*. Готы в Крыму. — Изв. ГАИМК, V. Л., 1927, стр. 276—281.

⁷ *В. Д. Смирнов*. Крымское ханство. СПб., 1887, стр. 102 и ел.

⁸ Цит. по: *А. Я. Гаркави*. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе.— Труды IV археологического съезда, т. II. Казань. 1891, стр. 244—245.

⁹ См. в кн.: *А. Л. Яковсон*. Средневековый Херсонес, XI—XIV вв. (МИА, № 17), 1950.

¹⁰ Об Эски-кермене см. два сборника статей: Готский сборник (Изв. ГАИМК, XII, вып. 1—8), 1932 и Материалы Эски-керменской экспедиции (Изв. ГАИМК, вын. 117), 1935.

Глава 5

¹ *В. Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. СПб., 1884, стр. 303.

² *В. В. Радлов*. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга.— ЗВОРАО, III, 1889, стр. 33, 34.

³ О Солхате см.: *И. П. Бороздин*. Солхат.— Новый Восток, № 13—14, 1926.

⁴ По сочинению Абдездахыра.— См. в кн.: *В. Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, стр. 63.

⁵ Из русской литературы по истории итальянских колоний в Крыму отметим: *Е. С. Зевакин* и *Н. А. Пенчко*. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях в Северном Причерноморье в XV в.— Исторические записки, вып. 7, 1940; *И. А. Гольдшмидт*. Кафа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV в. (автореф. дисс.). М., 1952.

⁶ Так кафинского консула именуется Устав Кафы 1449 г., перев. — ЗООИД, V, 1863, стр. 643.

⁷ См. в кн.: *В. Е. Сыроечковский*. Гости-сурожане. Л., 1935.

⁸ *Е. С. Зевакин* и *Я. А. Пенчко*. Указ, соч., стр. 4.

⁹ *И. А. Гольдшмидт*. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв.— В сб.: Средние века, X, 1957, стр. 195—205.

¹⁰ Об административном устройстве генуэзской Кафы см. в кн.: Устав Кафы 1449 г., перев.— ЗООИД, V, 1863.

¹¹ *Е. С. Зевакин* и *Н. А. Пенчко*. Указ, соч., стр. 21.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ *А. Л. Якобсон*. Армянская средневековая архитектура в Крыму.— ВВ, VIII, 1956, стр. 166 и ел.

¹⁴ О Солдае см. общий очерк: *С. А. Секиринский*. Очерки истории Сурожя. Симферополь, 1955.

¹⁵ *А. Л. Бертъе-Делагард*. Каламита и Феодоро.— ИТУАК, вып. 55 1918.

¹⁶ О княжестве Феодоро кроме указанной статьи *А. Л. Бертъе-Делагарда* (ИТУАК, вып. 55, 1918) см.: *М. А. Тихонова*. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953 стр. 329-333.

¹⁷ Караимы — это еврейская секта (не признающая талмуда), возникшая в недрах хазарского каганата в период VIII—X вв. и с течением времени образовавшая особую этническую группу. Свое происхождение караимы, как полагают, ведут от тюркских племен, входивших в состав хазарской державы. После распада каганата караимы обосновались преимущественно в юго-западном Крыму.

Глава 6

¹ Наиболее капитальный труд по истории Крымского ханства (главным образом политической истории): *В. Д. Смирнов*, Крымское ханство. СПб., 1887. Из новой литературы отметим очерк: *С. В. Бахрушин*. Основные моменты истории Крымского ханства.— История в школе, 1936, № 3, стр. 29—61.

² *Сигизмунд Герберштейн*. Записки о Московитских делах, перев. А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 144.

³ *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян, перев.— В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым, кн. 2, половина 2. М., 1854, стр. 13—15.

⁴ *Мартин Броневский*. Описание Татари (1578 г.), перев.— ЗООИД, VI, 1867, стр. 357.

⁵ Например, *Иосафато Барбара*. Путешествие в Тану, перев.— В кн.: Барбаро и Контарини о России. Перев. и комментарии Е. Ч. Скржинской. Л., «Наука», 1971, стр. 150.

⁶ Сборник Русского Исторического Общества, т. 41. СПб., 1884, стр. 167.

⁷ *В. Е. Сыроечковский*. Мухаммед-Герай и его вассалы.— Ученые записки МГУ, вып. 61, 1940, стр. 14.

⁸ *Ж. де Люк*. Описание перекопских и ногайских татар (ок. 1625г.), перев.— ЗООИД, XI, 1879, стр. 479.

⁹ *Э. Дортелли д'Асколи*. Описание Черного моря и Татари (1634 г.), перев.— ЗООИД, XXIV, 1902, стр. 123.

¹⁰ Там же, стр. 124.

¹¹ *Ф. Лашков.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887, стр. 51.

¹² *Э. Дортелли д'Асколи.* Указ. соч., перев. — ЗООИД, XXIV, 1902, стр. 118.

¹³ *Voyage de chevalier Chardin en Perce et autres lieux d'Orient*, I, ed. L. Langles. Paris, 1811, p. 130.

¹⁴ *Барбаро.* Путешествие в Тану, перев. Е. Ч. Скржинской, стр. 174.

¹⁵ *M. Peyssonel.* Traite sur le commerce de la Mer Noire, I. Paris, 1787, pp. 143—144.

¹⁶ Дворцу посвящена обширная литература. См., например: *В. Гернгросс (Всеволожский).* Ханский дворец в Бахчисарае.— Старые годы, 1912, апрель; *Н. В. Никольский.* Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1924; изд. 2, 1927.

¹⁷ Статейный список московских посланников Василия Тяпки па и Никиты Зотова (1681 г.).— ЗООИД, II, 1848, отд. 2 и 3, стр. 581, 589.

Заключение

¹ См.: *Е. И. Дружинина.* Кючук-кайнарджинский мир 1774 г. М., 1955, гл. I, стр. 29—68.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Источники к главам 1—3

Ammiani Marcellini Historia (Лимиаи Марцеллин. История, т. III. Перев. 10. Кулаковского. Киев, 1908).

Procorii De aedificiis, III, 7 (*Прокопий.* О постройках. Перев. С. Кондратьева. ВДИ, 1939. № 4 (9).

Theophanis Chronologia, I, od. C. do Boor, Lipsiac, 1883 (Летопись византийца Феофана. Перев. В. Н. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1888).

Jordanis Getica (Иордан о происхождении и деяниях готов. Перев. и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960).

В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из юга России. СПб., 1896.

Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio, od. Gy. Moravcsik and R. G. H. Jenkins. Budapest, 1949, cap. 42, 53. (Перев. Н. В. Малицкого. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье.—Изв. ГАИМК, вып. 91, 1931).

Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950.

Источники к главам 4—5

В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1881.

Плана Карпини. История Монгалов и *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Перев. А. И. Малеипа. М., 1957.

В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга.— ЗВОРАО, III, 1889.

E. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee.— Atli della Societa di storia Patria, vol. LVI, 1928..

Устав Кафы 1449 г. Перев. В. Юргевича.— ЗООИД, V, 1863.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом п ногайскими ордами, т. I (Сб. Русского Исторического Общества, т. 41, 1884), т. II (Сб. Русского Исторического Общества, т. 95, 1895).

Broniovius de Biezdfezen Martinus Tartarian descriptio..., 1578. (Перев.— ЗООИД, VI, 1867).

Барбаро и Контарини о России. Перев. и комментарии Е. Ч. Скржинской. Л., «Наука», 1971.

Э. Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.). Перев.— ЗООИД, XXIV, 1902.

M. de Peyssonel. Traite sur le commerce de la Mer Noire, t. I. II. Paris, 1787.

В. Зув. Путешественные записки, касающиеся полуострова Крыма. 1782.— В кн.: Месяцеслов исторической и географической на 1783 г. СПб.

Литература

Общая

А. А. Васильев. Готы в Крыму.— Изв. ГАИМК, I, 1921 и V, 1927 (охватывает историю Крыма в V—XII вв.; англ. перев.: *A. A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936* — с главами, посвященными истории Крыма в XIII—XV вв.).

Очерки истории СССР. III—IX вв., гл. I (1, 8, 10), VI (1, 2, 4), М., 1958.

П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

Ю. Куликовский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма.— В сб.: Археологические памятники юго-западного Крыма (МИД, №34), 1953.

С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. М., 1908.

А. Л. Якобсон. 1) Раннесредневековый Херсонес (МИА, № 63, 1959); 2) Средневековый Херсонес XII—XIV вв. (МИЛ, № 17, 1950); 3) Средневековый Крым. Л., 1.964.

Отчеты об археологических раскопках Херсонеса. К. К. Косцюшко-Валюжинич. (ИАК, в. 1, 4, 9, 16, 25, 33) и Г. Д. Белова (Отчет о раскопках Херсонеса в 1935 и 1936 гг. Симферополь, 1938; МИА, № 34, 1953).

К главе 1

А. Л. Бертъе-Делагард. Надпись времен имп. Зинона.— ЗООИД, XVI, 1893.

Он же. О Херсонесе.— ИАК, вып. 21, 1907.

В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского.— Труды, II, выи 2. СПб., 1912.

Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма.— СА, 1958, № 1.

В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, гл. XII.

Готский сборник.— Изв. ГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932.

В. В. Кропоткин. 1) Могильник Суук-су и его историко-археологическое значение.— СА, 1959, № 1; 2) Могильник Чуфут-кале в Крыму.— КСИА, вып. 100, 1965.

Ю. Кулаковский. 1) Христианская катакомба 491 г.— МАР, № 6, 1891; 2) Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

В. В. Латышев. 1) Жития епископов Херсонских. СПб., 1906; 2) Надпись о постройке Херсонесской стены.— ИАК, вып. 1, 1901.

Сб.: Материалы Эски-Керменской экспедиции.— Изв. ГАИМК вып. 117, 1935.

Л. А. Мацулевич. 1) Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926; 2) Погребение варварского князя в Восточной Европе. Л., 1934.

А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты, — Труды Московского нумизматического общества, III, 1905.

Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов.— ИАК, вып. 19, 1906; ЗООИД, XXVII, 1907.

К главе 2

М. Н. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень.— В сб.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958.

А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.— ИТУАК, вып. 57, 1920.

В. Г. Васильевский. 1) Житие Иоанна Готского.— Труды, II, вып. 2, 1912; 2) Житие Стефана Сурожского.— Труды, III. СПб., 1915,

И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— Труды Волго-Донской археологической экспедиции, I (МИА, № 62), 1958.

С. Л. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура (МИА, № 142), 1967.

М. А. Фронджуло. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське.— Археологія, XII, Київ, 1964.

А. Л. Яacobсон. Раннесредневековые сельские поселения в юго-западной Таврике (МИА, № 168), 1970.

К главе 3

А. Л. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь.— В сб.: Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, XIV, кн. 1. СПб., 1909.

В. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь.— ИТОИАЭ, III (60). Симферополь, 1929.

И. П. Толстой. О византийских печатях херсонской фемы. Зап. РАО, II, вып. 1, 1886.

А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906.

Кроме того, см. работы, указанные в списке общей литературы.

К главе 4

В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского.— Труды, III. СПб., 1915.

Сб.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., Изд-во АН СССР, 1963.

И. И. Ляпушкин. Славяно-русские племена па Дону и Тамани.— МИА, № 6, 1941.

А. И. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы.— Исторические записки, вып. 6, 1940.

С. А. Секиринский. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955.

А. А. Спицын. Тмутаракань. Журнал министерства народного просвещения, 1909, лив.

А. Л. Яacobсон. 1) О численности населения средневекового Херсонеса.— ВВ, XIX, 1901; 2) К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.).— ВВ, XIV, 1958.

Кроме того, см. работы, указанные в списке общей литературы

К главе 5

А. С. Башкиров. 1) Сельджукизм в древнем татарском искусстве.— Крым, № 2, 1920. 2) Художественные памятники Солхата.— Крым, № 1 (3), 1927.

А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро.— ИТУАК, вып. 55, 1918.

А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.— ИТУАК, вып. 57, 1920.

И. Н. Бороздин. Солхат.— Новый Восток, 1920, № 13—14.

И. А. Гольдшмидт. 1) Кафа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV в. (автореф. дисс.). М., 1952; 2) Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв.— В сб.: Средние века, X, 1957.

Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях в Северном Причерноморье в XV в.— Исторические записки, вып. 7, 1940.

М. Ковалевский. К ранней истории Азова (XIV—XV вв.).— Труды XII Археологического съезда, т. II, 1905.

Л. Колли. 1) Исторические документы о падении Кафы.— ИТУАК, вып. 45, 1911. 2) Кафа в период владения Банком св. Георгия.— ИТУАК, вып. 47, 1012. 3) Хаджи-Гирей и его политика.— ИТУАК, вып. 50, 1913.

Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа.— Изв. ГАИМК, вып. 71, 1933; Сб.: Материалы по археологии юго-западного Крыма.— МИА, № 34, 1953.

В. А. Микаелян. Истории армянских колоний в Крыму (автореф. докт. дисс.). Ереван, 1905 (полностью работа издана на армянск. яз. с русск. резюме в Ереване, 1904).

В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Томир-Кутлуга.—ЗВОРАО, ИГ. 1889.

В. Сыроечковский. Гости-сурожане. Л., 1935.

А. Л. Якобсон. Армянская средневековая архитектура в Крыму.— ВВ, VIII, 1950.

W. Heyd. Histoire de commerce du Levant en Moyen Age, II, Leipzig, 1880 (перев.: ИТУАК, вып. 52, 1915).

К главе 6

К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства, вторая половина XV в., гл. II, III. М., 1952.

С. В. Бахрушин. Основные моменты истории Крымского ханства.— История в школе, 1936, № 3.

В. Гернгросс (Всеволожский). Ханский дворец в Бахчисарае.— Старые годы, 1912, апрель.

П. Гордлевский. Организация цехов у крымских татар.— Труды Этнографо-археологического музея, I МГУ, в. IV, 1928.

Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.

Б. П. Засыпкин. Памятники архитектуры крымских татар.— Крым, № 2 (4), 1927.

Ф. Ф. Пашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения.— ИТУАК, вый. 21—25, 1895—1896 и отд. Симферополь, 1897.

Н. В. Никольский. Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1924; изд. 2, 1927.

А. А. Новосельский. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948.

В. Д. Смирнов. Крымское ханство. СПб., 1887.

В. Е Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы.— Ученые записки МГУ, вып. 61, 1940.

Н. Л. Эрнст. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Алевиз Новый. — ИТОИАЭ, II (59), 1928.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВВ — Византийский временник.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.

ЗРОРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.

ИАК — Известия археологической комиссии.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МАР — Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, изд. Институтом археологии АН СССР.
СА — Советская археология, изд. Института археологии АН СССР.

Анатолий Леопольдович Якобсон
КРЫМ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор П. В. Шевелева

Художественный редактор В. Н. Тикунов

Художник Е. П. Суматохин

Технические редакторы: И. А. Макагонова, Т. И. Анурова

Сдано в набор 20ДУ 1973 г. Подписано к печати 31/УН 1973 г. Бумага № 2. Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,1 Тираж 23 000 экз. Тип. зак. Т-И367 Цена 65 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва К-С2, Подсосенский пер., 21 Набрано и сматрицировано во 2-й типографии издательства «Наука», 121099, Москва. Г-99-Шубинский пер.. 10. Отпечатано в 4-й типографии издательства «Наука», г. Новосибирск, 77. ул. Станиславского, 25 Зак. № 212